

Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого
Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Салиев Аман Акылбекович

**РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
СОПЕРНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
Джунушалиева Гульмира Дженишевна,
доктор исторических наук, доцент

Бишкек – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
1.1. Роль религии в центральноазиатском геополитическом доминировании.....	23
1.2. Религиозная политика царской России в геополитическом позиционировании	48
 ГЛАВА 2. ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СОПЕРНИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
2.1. Исламский фактор как инструмент противодействия России в геополитике Великобритании.....	76
2.2. Место Германии в геополитическом соперничестве в Центральной Азии в 1865-1917 гг.	97
2.3. Геополитические императивы Цинского Китая в условиях «Большой игры».....	117
 ГЛАВА 3. МУСУЛЬМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
3.1. Идеи панисламизма как геополитический «ответ» укреплению Российской империи в Центральной Азии.....	137
3.2. Положение Афганистана в геополитическом соперничестве в Центральной Азии второй половины XIX – начала XX в.	156
3.3. Религиозный аспект взаимоотношений Персии и Российской империи в 1865-1917 гг.	177
Заключение.....	200
Список использованных источников и литературы	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политическая борьба, разворачивающаяся в XXI в., за политическое доминирование в Центральной Азии показывает, что вопросы геополитического соперничества продолжают оставаться ключевым компонентом международных отношений современности. Исследователь Э. Габдуллин отмечает: «Международное значение Центральной Азии обусловлено геополитически выгодным расположением между Россией, Китаем, Ираном и Кавказом, значительным энергетическим и природно-ресурсным потенциалом, транспортно-транзитными возможностями, а также близостью к очагам вооруженных конфликтов (Афганистан, Пакистан), сильно влияющими на международную безопасность. В этой связи регион будет оставаться сферой пересечения интересов и стратегий как государств Центральной Азии, так и внешних геополитических игроков, главным образом России, США, Китая, Евросоюза (ЕС), Ирана и Турции»¹.

Директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан Сухроб Шарипов пишет о том, что «Центральная Азия представляет собой уникальный регион, в котором пересекаются западная и восточная цивилизация. Многие жители наших стран – носители знаний и достижений современной цивилизации. Население, в основном, образованное и грамотное. Народы наших стран, в основном, мусульмане, режим – светский, и наши страны с трудом можно отнести к стереотипному подходу Запада в отношении мусульманских стран. То есть, по уровню миропонимания, образования, развития политических процессов и

¹ Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. Вып. 1. С. 26-27.

мировоззрению мы – народы региона – радикально отличаемся по всем параметрам от арабского мира, Ирана, Пакистана и т.д.»¹.

Российский исследователь А.В. Белоглазов указывает, что Центральная Азия «находится на стыке трех цивилизационных плит – российской, китайской и исламской»², и подчеркивает: «Центральная Азия – единственный на постсоветском пространстве полностью мусульманский регион. Его политическая история неразрывно связана с исламом»³. Он отмечает, что «для России Центральная Азия является не только значительным фрагментом постсоветского пространства, связанным с ней экономическими, политическими и культурно-гуманитарными отношениями. На сегодняшний день это еще и важнейший регион с точки зрения обеспечения безопасности нашей страны. Отсюда исходят как традиционные угрозы и вызовы, связанные с геополитическими и военными факторами, так и новые – экстремизм, наркотрафик, нелегальная миграция, экологические проблемы»⁴.

Таким образом, даже в условиях многополярного мира политическое, конфессиональное напряжение не спадает. Поэтому актуальность настоящего исследования вполне оправдана. Теоретический аспект требует осмысления роли религиозного фактора в геополитике не только главных участников «Большой игры» (Российская и Британская империи), развернувшейся в XIX в. в Центральной Азии, но и других государств, которые были заинтересованы в политическом присутствии в регионе. Ответ требуется на вопрос, каким образом данный фактор влиял на расстановку политических сил, формулирование национальных приоритетов и стратегий их реализации.

Степень разработанности темы исследования. В исторической науке вопросы роли и места религии в определении государственных интересов

¹ Шарипов С. Перспективы развития и проблемы мусульманского мира // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Мат-лы междунар. круглого стола (Алматы, 30 ноября 2007 г.). Алматы, 2008. С. 90.

² Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 9-10.

рассматривается в цивилизационном аспекте, но не в качестве фактора, который задавал границы политики государства. Фактически никто из дореволюционных, советских и современных исследователей не изучал глубоко проблемы взаимосвязи религии и геополитики в международных отношениях России в Центральной Азии рассматриваемого периода. Вместе с тем проблемы интереса царизма к региону рассматривались историографией издавна, преимущественно на основе сведений от людей, в нем побывавших¹. Они формировали политический кругозор царского правительства о Центральной Азии как объекта его геополитических устремлений. Присоединение региона к России обусловило появление научных материалов о нем в историографии того времени². Расширились познания не только о

¹ Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Избр. соч.: В 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1885; Венюков М. О Памире и верховьях Аму-Дарьи // Записки Русского Географического Общества. 1861. Кн. 2; Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868; Данибегов Р. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815; Ефремов Филипп. Десятилетнее странствование. М., 1950; Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793-1794 годах / Изд. В.В. Григорьевым. СПб., 1858; Игнатъев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатъева. СПб., 1897; Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968; Потанин Н.И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия // Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Т. XXXVIII. Омск, 1916; Северцов Н.А. Месяц плена у коканцев. СПб., 1860; Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет Действительного члена П.П. Семенова // Вестник Русского Географического Общества / Под ред. В.П. Безобразова. СПб., 1858. Ч. 23; Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году // Сибирский вестник. СПб.: Изд-во Г. И. Спасского, 1818. Ч. 4; Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, и др.

² Абаза К.К. Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении. СПб., 1902; Грум-Гржимайло Г.Е. Неизведанные страны Средней Азии // Русский вестник. 1893. Кн. X; Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии: Исторический очерк. СПб., 1876; Григорьев В.В. Россия и Восток: Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб., 1876; Зенков П. Туркестанская железная дорога в связи с другими экономическими вопросами края. М., 1881; Сборник статей, относящихся до среднеазиатских ханств и киргизской степи: В 6 т. / Сост. И.С. Идаров. Т. 1 [Семиречье] // Туркестанский сборник: В 416 т. / Сост. В.И. Межов. Ташкент, 1867-1887; Куропаткин А.Н. Поступательное движение русских в Среднюю Азию. СПб., 1887; Куропаткин А.Н. Россия для русских: Задачи русской армии. Т. 2. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. СПб., 1910; Неизбежна ли война? // Вестник Европы. 1885. Т. IV. Кн. 8; Логофет Д.Н. Завоевание Средней Азии // История русской армии и флота. М.: Типогр. Рус. Товарищества, 1913; Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану: Описание путешествия, совершенного в 1898 г. из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан // Записки Русского Географического общества. СПб.,

Туркестане вообще, но и о его роли в российской геополитике в Азии, включая обострение отношений с Великобританией¹. Возрос интерес к исламу как господствующей религии в Центральной Азии². Не остались без внимания российской дореволюционной историографии и проблемы взаимоотношений с сопредельными с этим регионом странами³. Полезным для исследования

1903. Т. XXXVIII. № 1; Нотович Н.А. Где дорога на Индию? М., 1869; Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. Т. XIII. Кн. 6. Июнь; Середонин С.М. Исторический очерк завоевания Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914; Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876; Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1-3. СПб., 1906; Туркестанский край: Сб. ст. М., 1872; Торнау Н. К истории приобретений России в Азии // Журнал министерства народного просвещения. 1914. № 4, и др.

¹ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880; Корреспонденция из Лондона. Р. Внешняя политика Англии и среднеазиатский вопрос // Вестник Европы. 1875. № 2; Скопин В.Н. Средняя Азия и Индия. М., 1904; Субботин А.П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках // Вестник Европы. 1885. Т. VI. Кн. II, и др.

² Агрономов А. Мухаммеданское учение о войне с неверными (джигад). Казань, 1877; Алексей (Дородницын). Воинствующий ислам. М., 1914; Алексей (епископ). Современное движение в среде русских мусульман. Казань, 1910; Багин С. О пропаганде ислама путем печати. Казань, 1909; Гаспринский (Гаспралы) Исмаил бей: Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881; Лыкошин Н.С. «Хороший тон» на Востоке: К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. Пг., 1915; Машанов М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. Казань, 1910; Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения туземного населения Ферганы. Казань, 1886; Остроумов Н.П. Коран и прогресс. Ташкент, 1901; Остроумов Н.П. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911; Остроумов Н.П. Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888; Фесенко И.О. Г.Ф. Генс и его взгляды на права и обязанности магометан-инородцев. СПб., 1904; Череванский В. Мир ислама в его пробуждении. Ч. 1-2. СПб., 1901; Шебунин А.Ф. Куфический Коран Императорской С-Петербургской публичной библиотеки. СПб., 1891, и др.

³ Бородин. Правитель Алтышаара // Мат-лы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. II. СПб., 1873; Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. II. СПб., 1873. С. 170-181; Аристов Н.А. О Кульдже // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. II. СПб., 1873. С. 202-221; Васильев В.П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Русский вестник. 1872. Май; Громбчевский Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году. Нов. Маргилан, 1886; Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай: В 3 т. Т. 1. Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896; Иванов А. Несколько сведений о Кашгаре и о последнем восстании против китайцев (Рассказ Ислама-хаджи) // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. II. 1873; Кадников В.С. Из истории кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. Июнь; Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического обозрения. Ташкент, 1903;

оказалось знакомство с работами выдающегося востоковеда, академика В.В. Бартольда, который рассматривал многие геополитические вопросы через призму религиозного (исламского) аспекта¹. Таким образом, российская историография дореволюционного периода накопила немало сведений о разных сторонах жизни Центральной Азии, о туркестанской модели ислама и проч., однако она не рассматривала избранную тему данного исследования через призму религиозно-геополитического аспекта в ее целостном выражении.

Советская историография прошлого Центральной Азии изначально исповедовала «классовый» подход как к религии, так и геополитике в царской России. Присоединение региона характеризовалось ею как акт завоевательной агрессии царизма в империалистических интересах угнетения покоренных народов. Геополитика царизма в Центральной Азии изображалась как противостояние с колонизаторской Англией и отсталыми сопредельными с ней государствами². В постсталинский период вектор исследования истории

Куропаткин А.Н. Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879; Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913; Автобиография Абдурахман-хана, эмира афганского: В 2 т. СПб., 1901; Богданович Л.А. Признания эмира афганского // Исторический вестник. 1901. № 3; Корчагин А. Историческая судьба несторианства в Персии и Средней Азии. Ташкент, 1897; Остроумов Н.П. Мир ислама: его прошлое и современное положение // Мир ислама. 1912. Т. 1. № 2; Остроумов Н.П. Исламоведение: Введение в курс исламоведения. Ташкент, 1914; Руслан-Русланский. Почему России опасны афганские вождения? // Колокол. 1912. 20 января; Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны. СПб., 1885, и др.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1963; Бартольд В.В. История Туркестана (Конспект лекций) // Соч.: В 9 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1963; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч.: В 9 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1963; Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира (Курс лекций) // Соч.: В 9 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1963; Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью // Соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1964; Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких (тюркских. – А. С.) народов Средней Азии // Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1968; Бартольд В.В. Ислам // Соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966; Бартольд В.В. Культура мусульманства // Соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966; Бартольд В.В. Мусульманский мир // Соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966; Бартольд В.В. Турция, ислам, христианство // Соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966, и др.

² Галузо П. Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими // Революция в Средней Азии: Сб. мат-лов междунар. круглого стола. Ташкент, 1931. С. 82-117; Галузо П.Т. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М.: Изд. Коммунист. ун-та трудящихся Востока, 1929; Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921; Сенг-

региона несколько изменился. Не отрицая негативного содержания внутренней и внешней политики царизма в Центральной Азии, советская историография стала признавать прогрессивные последствия присоединения региона к России, утверждать о добровольности вхождения некоторых его народов в ее состав, переоценивать содержание антицаристских выступлений мусульман Туркестана и т.п.¹. Однако геополитика царской России по-прежнему оценивалась как империалистическая, направленная против коренных интересов мусульманства Центральной Азии, примером чего могут послужить труды известного туркестановеда Н.А. Халфина². Проблемы

Заде. К 30-летию Андижанского восстания 1898 года // Революция в Средней Азии. Сб. ст. Т. 1-2. Ташкент, 1928; Смирнов Н. А. Современный ислам. М., 1930, и др.

¹ Ахмеджанов А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1989; Гафуров Б. Об андижанском «восстании» 1898 года // Вопросы истории. 1953. № 2; Гафуров Б. Исторические связи Средней Азии со странами арабского Востока // Избранные труды. М., 1985; Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972; Джемгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии в XIX в. Фрунзе, 1966; Материалы по истории присоединения Средней Азии к России: Сб. ст. Ташкент, 1969; Ефимов Г.В. К истории русско-китайского договора 1896 г. // Советское востоковедение. 1958. № 2; Исиев А.Д. Уйгурское государство Иэйтишар (1864-1877). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981; Искандаров Б.И. Подготовка Англией бухарского плацдарма для интервенции в Советский Туркестан // Исторические записки. Вып. 36. М., 1951. С. 32-63; Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. Фрунзе: Наука, 1989; Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; Маанаев Э. Памирские киргизы (историко-этнографический очерк): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Фрунзе, 1963; Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира» (Исторические очерки о памиро-алайских киргизах). Фрунзе, 1983; Пясковский А.В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1959. № 8; Савицкий А.П. Некоторые данные об исламских учреждениях и политике царских властей в Туркестане // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. История Средней Азии и Узбекистана. Ташкент, 1956; Савицкий А.П. Из истории присоединения Средней Азии к России // Научные труды Ташкентского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Вып. 238. Ташкент, 1964; Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, Ред. вост. лит., 1978. Соколов А.Я. Присоединение Средней Азии к России и развитие русско-афганских торговых отношений // Научные труды Ташкентского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Вып. 229. Сер.: Востоковедение. Ташкент, 1964; Сумароков А.Ю. «Туркестанскому генерал-губернатору...» // Военно-исторический журнал. 1990. № 11; Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960, и др.

² Халфин Н.А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50-80-е гг. XIX в.) // Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В.И. Ленина. История стран Востока. Ташкент, 1957; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивные последствия // История СССР. 1959. № 2. С. 196-199; Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М.: Изд-во вост. лит., 1960; Халфин Н.А. Присоединение

взаимоотношений царской России с сопредельными странами в Центральной Азии тоже нашли свое отражение в научной литературе¹. Безусловно, историография региона в советский период в значительной мере обогатилась новыми исследованиями его прошлого. Однако, во-первых, она грешила излишне идеологическим подходом в его оценке, а во-вторых, специальным образом не рассматривала избранную тему данной диссертационной работы, поскольку понимала геополитику в смысле, искаженном «классовым» детерминизмом в методологии.

В постсоветский период российская и национальная историография молодых и независимых государств Центральной Азии – бывших субъектов СССР освободилась от былой идеологической зашоренности. В России появились научные труды по избранной теме исследования, отличающиеся более объективным подходом к оценке прошлого Центральной Азии². Большой вклад в изучение истории региона внесли, например, работы российских историков Литвиновых³. В ракурсе темы данного исследования

Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965; Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974, и др.

¹ «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е гг. – первая половина 80-х гг.). М., 1987.

² Владимир. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков Патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002; Ислам в России: взгляд из регионов: Сб. ст. / Под ред. А. Вс. Малашенко. М.: Аспект Пресс, 2007; Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М., 2008; Клинцов А.А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. М.-Бишкек, 2009; Киняпина Н.С. Дипломаты и военные. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992; Казахстан: реалии и перспективы независимого развития: Сб. ст. М., 1995; Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005; Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Мат-лы науч. конф. Барнаул: Изд-во АлтайГУ, 2008; Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (Монография в документах). М., 2001; Родионов М.А. Ислам классический. СПб., 2001; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5; Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. М., 2007; Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы. М.-Бишкек, 2005; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008, и др.

³ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006; Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха

представляется важным отметить, что в постсоветский период в России изменился подход к геополитике как отрасли историко-политического знания и появились соответствующие научные произведения на сей счет¹. В странах Центральной Азии шел также процесс обогащения историографии прошлого региона. Появились интересные работы в Узбекистане². Активно разрабатывали проблемы истории региона таджикские авторы³. Особо

Нового времени). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006; Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016; Литвинов Вяч.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010; Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. Фрунзе: Наука, 1989; Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: Изд-во ЕГПИ, 1996; Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917 (по архивным материалам). Елец: Изд-во ЕГПИ, 1998; Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): Монография. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007; Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам). Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014, и др.

¹ Тимонова А.Ю., Бутенко Н.А. О роли религии в современной геополитике // Общество и цивилизация в XXI веке: тенденции и перспективы развития: Научно-исследовательские публикации. Воронеж, 2014. № 8-12 и др.

² Абдуллаев Р.М. Туркестан в 1917 году: формирование нового политического контекста // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. Ташкент, 2008; Вахидов Ш.Х. Домулло Икромча Муфти Бухори (1847-1925): Заметки о жизни и деятельности // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010; Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997; Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане: К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010; Шамсиев М. Из истории торгово-политических взаимоотношений Кокандского ханства с Россией в первой половине XIX века // Россия – Узбекистан: история и современность. Ч. VI. М., 2009; Шигабдинов Р.Н. Конфессиональная (исламская) школа в Узбекистане (1917-1929) // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 11 мая 2007 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2008; Шигабдинов Р.Н. «Исламский социализм» в Туркестане: борьба идей и политика // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010; Эркинов А.С. Поездка А.Н. Самойловича в Хивинское ханство в 1908 году и оценка им литературной среды // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010, и др.

³ Абдулло Р. Таджикистан: к вопросу о политических итогах десятилетия независимости // Центральная Азия и Кавказ: Общест.-полит. журн. 2001. № 6(18); Ахмедов С. Конфликты в Таджикистане – причины и последствия // Центральная Азия и Кавказ: Общест.-полит. журн. 1997. № 4(12); Мамаиджанова З. Этнокультурный взгляд на наследие таджиков // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. ст. Бишкек, 2006; Масов

хотелось бы отметить как вклад в историографию проблемы труды кыргызстанских ученых¹. Таким образом, в постсоветский период усилия российских и центральноазиатских исследователей принесли позитивные плоды. Но специальных работ о связи религии и геополитики царской России в Туркестане так и не появилось.

Значимым элементом данного исследования явилось привлечение иностранной литературы по теме. Зарубежная историография проблемы имеет также давнее прошлое и она, подобно российской, строилась на основе

Р.М. История топорного разделения. Душанбе: Ирфон, 1991; Масов Р.М. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 2014; Масов Р.М. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003; Олимов М., Олимова С. Худжанд: между Ферганой и Таджикистаном // Вестник Евразии. 1998. № 1-2(4-5); Олимов М., Олимова С. Политический режим в современном Таджикистане // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри: Сб. ст. М., 2001; Олимов М.А., Олимова С.К. Худжанд: между Ферганой и Таджикистаном // Вестник Евразии. 1998. № 1-2(4-5); Олимова С.К. Образ Китая в Таджикистане // Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества. Алматы, 2008; Россия в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1998; Чвырь Л. Таджикистан. Весна 1992 года (Комментарий этнографа к политическим событиям) // Вестник Евразии. 1995. № 1; Шарипов С. Политическая система Республики Таджикистан // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. ст. Бишкек, 2006; Шозимов П. Различные восприятия национального государства элитами Таджикистана // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Мат-лы междунар. круглого стола (Алматы, 30 ноября 2007 г.). Алматы, 2008, и др.

¹ Иманалиев К. Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации): Адагы. Кодекс чести. Идеология кыргызов. Бишкек, 2009; Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство: Собр. науч. тр. Т. 2. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014; Боотаев У.Э. Присоединение Северного Кыргызстана к Российской империи // Кыргызстан: история и современность: Сб. ст. Бишкек 2006; Боотаева Б.Л. Завоевание Россией Кокандского ханства и присоединение Кыргызстана к Российской империи // Проблемы истории государства и культуры: Сб. ст. Бишкек, 2004; Горячева В.Д. Великий Шелковый путь как ретранслятор религиозных учений и традиций // Диалог цивилизаций: Информ. бюллетень научного направления «Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств». Вып. II. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (по мат-лам междунар. конф.). Бишкек: Илим, 2003; Долотов А.В. Веротерпимость среднеазиатских народов: прошлое и настоящее // Вестник Кырг. нац. ун-та. Сер. 1. Вып. 4. Бишкек, 2004; Кляшторный С.Г., Мокрынин В.П., Плоских В.М. Раннее христианство и тюркский мир Центральной Азии // Труды Института мировой культуры. Вып. 2. Бишкек-Лейпциг, 2000; Сапаралиев Д.Б. Новые аспекты взаимоотношения мусульманских тюркоязычных государств Центральной Азии с XVIII до середины XIX вв. // Диалог цивилизаций: Информ. бюллетень научного направления «Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств». Вып. III. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (по мат-лам междунар. конф., посвящ. 2200-летию Кыргызской государственности). Бишкек: Илим, 2003, и др.

сведений путешественников (разведчиков) о Центральной Азии, часть из которых была переведена на русский язык и опубликована¹. В дореволюционный период проблемы Центральной Азии интересовали преимущественно английскую историографию, оценки которой сводились к защите интересов Великобритании как главного соперника России в Туркестане². Новейшая зарубежная историография в своем обращении к прошлому региона стремилась идеологически противопоставить его советскому периоду³. В постсоветский период она уделяет большое внимание проблеме международных отношений в Центральной Азии, причем многие

¹ Белью. Кашмир и Кашгар: Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. СПб., 1877; Бернс А. Кабул: Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. Ч. 1-2. М., 1847; Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии: Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865; Вамбери Арминий. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнаруженным и не обнаруженным рукописным источникам: В 2 т. / Пер. А.И. Павловского. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1873; Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. 2-е изд. М., 1874; Риттер К. Землеведение Азии: География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2 / Пер. В.В. Григорьева. СПб., 1869; Шоу Р. Очерки верхней Татарии, Ярканда и Кашгара (прежней Китайской Татарии). СПб., 1872, и др.

² См.: Bonvalot G. *Through the Heart of Asia over the Pamir to India*. Vol. 1-2. London, 1889; Colquhoun A.R. *The Problem in China and British Policy*. London, 1900; Curtis W.E. *Turkestan: The Heart of Asia*. New York, 1911; Curzon G.N. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question*. London, 1889; Curzon G.N. *The Pamirs and the Source of the Oxus*. London, 1898; Deasy H.H.P. *In Tibet and Chinese Turkestan. Being the Record of Three Years of Exploration*. London, 1901; Murray Ch.A., Earl of Dunmore. *The Pamirs: Being a Narrative of a Year's Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia / By the Earl of Dunmore*. Vol. 1-2. London, 1893; Krausse A. *Russia in Asia: A Record and a Study. 1558-1899*. London, 1900; Rawlinson H. *England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia*. London, 1875; Ronaldshaw E. *On the Outskirts of Empire in Asia*. London, 1904, и др.

³ Allworth E. *Central Asia: A Century of Russian Rule* / Ed. by E. Allworth. New York-London: Columbia Univ. Press, 1967; Bacon E.E. *Central Asians under Russian Rule: A Study of Cultural Change*. Cornell University Press. New York, 1966; Bourne K. *The Foreign Policy of Victorian England. 1830-1902*. Oxford, 1970; Habberton W. *Anglo-Russian Relations Concerning Afghanistan. 1837-1907*. Univ. of Illinois at Urbana, 1937; Holdsworth M. *Turkestan in the Nineteenth Century*. London, 1959; Fraser-Tytler K. *Afghanistan: A Study of Political Development in Central Asia*. London-New York-Toronto, 1953; *The Cambridge Modern History*. Vol. XI. *The Growth of Nationalities*. Cambridge, 1909; Vol. XII. *The Latest Age*. Cambridge, 1910; Bennigsen A., Broxup M. *The Islamic Threat of the Soviet Union*. London-Canberra, 1983; Gosses F. *The Management of British Foreign Policy Before the First World War Especially During the Period 1880-1914*. Leiden, 1948; Lattimore O. *Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia*. Boston, 1950, и др.

работы зарубежных авторов переведены на русский язык. Они использовались в данном исследовании¹.

В суммарном выражении российская, центральноазиатская и зарубежная историография привнесли в диссертационную работу много интересного и полезного материала.

В значительно большей степени он рассматривается в политической науке, причем через призму современных реалий. Действительно, проблема отношений постсоветских государств Центральной Азии с бывшей метрополией имеет очень глубокие исторические корни. Российский политолог В.Н. Ушаков пишет: «После распада Советского Союза центральноазиатские государства оказались в совершенно новых для них условиях, когда им самим представилась возможность избрать собственный путь развития. В этих условиях, как нельзя остро возникла необходимость определения цивилизационной принадлежности государств региона. Естественным, что этот процесс невозможно рассматривать от довольно сильной исторической исламской традиции народов Центральной Азии и, конечно же, не без учета т.н. «возрождения» ислама в регионе»². Российский востоковед Н.М. Мамедова подтверждает, что «исламские настроения в регионе (Центральной Азии. – А. С.) очень сильны»³. Безусловно, они в известной мере повлияли и на геополитические приоритеты стран Центральной Азии.

¹ Зайферт Арне. Введение // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Мат-лы междунар. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008; Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129-135; Крумм Р. Центральная Азия: стабильность любой ценой (аналитический отчет фонда им. Ф. Эберта) // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. ст. Бишкек, 2006; Крюгер Р. Китай: История страны. М.-СПб., 2008; Льюис Р. Османская Турция: быт, религия, культура / Пер. с англ. М., 2004; Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.-Вашингтон, 2005, и др.

² Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы. М.-Бишкек, 2005. С. 7.

³ Вызовы безопасности в Центральной Азии: Мат-лы междунар. конф. (Москва, ноябрь 2012 г.). М., 2013. С. 50.

Российский исламовед А.В. Малашенко пишет о том, что в «постсоветский период Турция и мусульманские страны (арабские и проч.) стали укрепляться в Центральной Азии. Однако «медовый» месяц в отношениях между бывшими советскими республиками и мусульманским миром оказался коротким»¹. А.В. Малашенко указывает, что всё равно постсоветские страны Центральной Азии ставили в геополитике на первое место Россию, США и ЕС, а исламский мир был на втором месте. На наш взгляд, это объясняется тем, что за время российского присутствия в Центральной Азии как в дореволюционный, так и советский периоды выработалась не только экономическая зависимость от бывшей метрополии, но и цивилизационная, в связи с чем ни в одной из постсоветских стран не смог утвердиться исламский режим. Была соответствующая попытка в Таджикистане, но она закончилась провалом.

Представляется любопытной оценка исследователями периода постсоветских отношений России с мусульманскими государствами Центральной Азии. Авторитетные специалисты считают, что «до настоящего времени (2013 г. – А. С.) Россия, несмотря на предпринимаемые усилия по налаживанию отношений с государствами Центральной Азии на двусторонней и многосторонней основах, так и не сумела выработать цельную, долгосрочную политику в отношении этого региона»². По их мнению, это недостаток в геополитике России, так как Центральная Азия является значимым для нее регионом на планете. Указанные авторы отмечают, что «у России есть исторические, географические и культурные возможности для того, чтобы оставаться ведущим игроком в Центральной Азии, несмотря на изменения, происходящие в местных обществах»³. Они указывают, что «исламизм является в Центральной Азии одной из влиятельных политических

¹ Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007. С. 140.

² Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Доклад №10 / Гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам; ИВ РАН. М., 2013. С. 5.

³ Там же. С. 58.

сил, приход к власти которой (в коалиции с другими силами или самостоятельно) в ряде государств нельзя исключить... о нем нужно помнить, выстраивать долгосрочную стратегию РФ в отношении Центральной Азии»¹.

А.В. Малашенко пишет о том, что «для России дополнительной причиной внимания к исламскому фактору является то, что она так и не определилась... с окончательным геополитическим выбором»². В западный мир она не вписалась, ее туда не берут, и она ищет места на Востоке. «Для Москвы иметь дело с ними (мусульманами. – А. С.) проще, чем с европейцами или американцами. Ведь Россия не претендует стать полноценной частью исламского мира»³. Мусульмане, в отличие от Запада, не требуют от России «ценностной» ассимиляции. Россия «не призывает мусульман к демократии, не вмешивается в их внутренние дела, выражая понимание по отношению к доминирующему повсеместно в мусульманском мире авторитаризму»⁴. В России много своих мусульман и это придает ей вес в геополитике. Россия научилась работать с исламскими организациями. Россия является наблюдателем в ОИК с июня 2005 г. Отношения России с Израилем пугают мусульманский мир. Исследователь С. Акимбеков считает, что России нужно восстанавливать статус мировой державы, а «без Центральной Азии (или, по крайней мере, без большей ее части) такое восстановление в принципе невозможно»⁵.

Проблема ислама в геополитике привлекает внимание западных политиков. «Бывший генеральный секретарь НАТО Джон Калфен после падения Берлинской стены заявил: «“Холодную войну” между Востоком и Западом мы выиграли. Но есть старое противостояние между нами и исламом, которое рано или поздно возобновится, и мы не знаем, кто выиграет это

¹ Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Доклад №10 / Гл. ред. И.С. Иванов ... С. 59.

² Малашенко А. В. Ислам для России... С. 136.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же.

⁵ Акимбеков С. Российская политика в Центральной Азии // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 76.

сражение»¹. Видный американский политический деятель Патрик Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада» писал: «Исламский мир сохранил нечто, утраченное Западом, а именно – желание иметь детей и продолжать свою цивилизацию, культуру, семью и веру. Почти невозможно отыскать ныне европейское государство, коренное население которого не вымирало бы, – и почти невозможно найти исламскую страну, население которой не возрастало бы с каждым днем. Да, Запад узнал много такого, о чем неведомо исламу, однако ислам помнит то, о чем позабыл Запад: «Нет иного мира, кроме сотворенного верой»². По мнению пакистанца Шауката Али, «в исламе история становится живой реальностью – в том смысле, что она интегрирована в религию»³.

Безусловно, мы могли бы привести еще много разных суждений нынешних историков и политологов о месте и роли Центральной Азии в современной мировой геополитике, о роли ислама в жизни государств этого региона. Но, на наш взгляд, достаточно и вышеизложенных. Важно то, что все они в той или иной мере адекватности отражают сегодняшнее статус-кво в Центральной Азии, которая, по нашему мнению, является верной лишь относительно. Почему? А потому, что она не учитывает прошлого, то есть истории взаимоотношений религии и геополитики в прошлом, а именно: в дореволюционный период, поскольку в советский таковой их просто не существовало. Китайская поговорка гласит: кто не знает прошлого, тот не понимает настоящего и, тем более, не может заглянуть в будущее. Выдающийся русский ученый В.О. Ключевский советовал искать ключи от будущего в прошлом, то есть знать историю проблемы, ее истоки.

¹ Салиев А.Л. Демократические принципы функционирования отношений между государством и религиозными организациями (Приветственное слово) // Надлежащее управление в светских государствах с мусульманским большинством населения. Мат-лы междунар. круглого стола (Бишкек, 15-16 ноября 2008 г.). Бишкек, 2009. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Ёвкочев Ш. Современные модели развития мусульманских стран // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? ... С. 67.

К сожалению, авторы вышеприведенных нами мнений фактически не упоминают о прошлом во взаимосвязи религии и геополитики в Центральной Азии. И это обедняет качество их исследований и экспертных оценок. Поэтому наше обращение к избранной теме представляется актуальным, так как оно подводит научно-исторический фундамент под вышеприведенные и все прочие мнения по поводу роли исламской религии в геополитике России и прочих мировых держав в Центральной Азии второй половины XIX – начала XX в.

Источниковую базу исследования составили правовые документы, архивные материалы, опубликованные источники и данные периодических изданий. Нормативно-правовые документы были почерпнуты из Полного собрания законов Российской империи, преимущественно из второй и третьей его частей. Поскольку они приводятся в списке использованной литературы и источников, то мы не станем занимать место их подробной характеристикой. Заметим лишь, что как законы они являются источниками непреодолимой силы и потому их содержание было безупречным ориентиром при рассмотрении проблем геополитики царской России в Центральной Азии. Архивные материалы были привлечены из фондов российских и среднеазиатских хранилищ документов, которые также перечисляются в указанном списке. Они сыграли неоценимую роль в исследовании с точки зрения насыщения его позитивным фактическим материалом. Безусловно, ведущую роль сыграли документы из архивов государств Центральной Азии, особенно Узбекистана. Среди опубликованных источников следует отметить сборники международных соглашений по рассматриваемой теме

исследования¹. Немаловажное значение имело знакомство с материалами из периодической печати².

Методологической основой исследования явились принципы историзма, научной объективности, целостности, детерминизма и различные подходы исторической науки. Всеобщим (генеральным) явился диалектический метод. В качестве основных методов применялись общенаучные: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-динамический (историко-диахронный), историко-системный и др., согласующиеся с универсальными законами и категориями диалектики. Использовались частнонаучные методы как способы междисциплинарного анализа проблемы, а также иные возможности методологического характера.

Объектом исследования являются проблемы соотношения религии и геополитики России и других мировых держав в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в.

Предмет исследования составляют основные аспекты воздействия религиозного фактора на систему международных отношений в центральноазиатском регионе как на общем (региональном) уровне, так и в частном – страновом.

Цель исследования заключается в том, что раскрыть роль религиозного фактора в геополитическом соперничестве ведущих империй и региональных держав в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в.

¹ Афганское разграничение: Переговоры между Россией и Великобританией. 1872-1885. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886; Россия: Договоры: Сб. действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. Т. IV. СПб., 1896; Русско-индийские отношения в XIX в.: Сб. архив. док-тов и мат-лов. М., 1997; Русско-китайские отношения. 1689-1916. М., 1958; Соглашения между Россией и Китаем о проведении и исправлении границ и о пограничных делах. СПб., 1913; The Proceedings of the Pamir Boundary Commission // The Geographical journal. 1899. Vol. XIII. № 1, January, и др.

² Голос (общероссийская газета); Колокол (общероссийская газета); Новое время (общероссийская газета); Русский Туркестан; Русское знамя (общероссийская газета); Свет (общероссийская газета); Туркестанские ведомости и др.

Для достижения поставленной цели были поставлены нижеследующие **задачи:**

- раскрыть значение религиозного фактора в распространении геополитического влияния в истории Центральной Азии;
- рассмотреть религиозную политику Российской империи в контексте ее территориального расширения в Центральной Азии;
- выявить значимость исламского фактора в «Большой игре» геополитики Британской империи;
- изучить продвигаемый Германией панисламизм против основных акторов «Большой игры»;
- проанализировать дипломатические усилия китайских властей борьбе с распространением идей панисламизма и пантюркизма в Восточном Туркестане исследуемого периода;
- изучить подрывную деятельность турецких агентов по дестабилизации ситуации в ЦА в исследуемый период;
- раскрыть место и роль Афганистана в геополитическом соперничестве Британской и Российской империй;
- выявить специфику взаимоотношений Персии с Российской империей в условиях «Большой игры».

Хронологические рамки исследования включают в себя период от начала присоединения Центральной Азии к России в 1850-х гг. до падения царизма в феврале 1917 года.

Научная новизна исследования заключается в том, что автор:

- раскрыта значимость религиозного фактора в реализации геополитических парадигм в истории Центральной Азии исследуемого периода;
- представлены аргументы того, что религиозная политика самодержавной России не рассматривалась в геополитическом формате;
- показано, что исламский фактор в колониальной политике Великобритании не помог укрепить ее позиции в Центральной Азии;

- раскрыта роль Германии в контексте геополитического противостояния Британской и Российской империй;
- выявлены причины неэффективности борьбы Цинского Китая с идеями панисламизма и пантюркизма в Восточном Туркестане: религиозная нетерпимость, особенно к исламу; слабость политического режима;
- выделена геополитическая стратегия укрепления международного положения Османской империи исследуемого периода, которая основывалась на религиозной идентичности (панисламизме) для стран исламского вероисповедания;
- доказана роль Афганистана в качестве своеобразного триггера в геополитическом соперничестве Российской и Британской империй;
- определена роль шиитской Персии в геополитическом раскладе сил в региональной политике: Российской и Британской империй, суннитских государств.

На защиту выносятся следующие **основные положения исследования**:

1. Государство как социальный институт не может быть вне влияния господствующей в нем религии. Она существенным образом определяет внутреннюю и внешнюю политику государства, цивилизационную миссию в расширении территорий, воздействие на развитие их народов. В комплексе они формируют геополитические планы державы.
2. В процессе присоединения Центральной Азии к России царское правительство обратил религиозный (исламский) фактор в существенную компоненту геополитических планов по расширению влияния на мусульманском Востоке.
3. Великобритания имела предшествующий опыт взаимодействия с исламом, который вполне успешно использовала в своей колониальной политике. Но он оказался неэффективным в попытках ограничить рост российского влияния в Центральной Азии.
4. Несмотря на то, что Германия позднее других колониальных стран вступила на путь колониального расширения своих территорий, она сумела

вполне эффективно конкурировать с другими странами. Этому способствовала уникальность конкретно-исторической ситуации и наличие немецкой диаспоры как социальной базы в составе российского государства.

5. Противодействие Цинской власти деятельности пропагандистов панисламизма и пантюркизма не имело особого успеха в силу ряда причин: слабость императорской власти, активно продвигаемый китайский национализм и жестокость карательных операций против мусульман Синьзяна.

6. В связи с тем, что в исследуемый период Турция потеряла преимущества мирового и регионального политического лидера, она пыталась укрепить свои геополитические притязания на основе религиозной идентичности. На территории Османской империи располагались главные исламские святыни Мекка и Медина, а сам турецкий султан считался «халифом правоверных» планеты. Поэтому главным козырем в геополитическом соперничестве с Россией стали идеи панисламизма и религиозной принадлежности.

7. Афганский эмир как вассал Британской империи исполнял роль геополитической угрозы и религиозной солидарности исламскому миру русской Средней Азии. Перед лицом исламского «вызова» Россия и Великобритания достигали взаимопонимания в интересах еврохристианской цивилизации.

8. Во взаимоотношениях Персии и Российского государства религиозный аспект не играл ключевой роли в качестве фактора противостояния исламского и православного государств. В большей степени на состояние российско-персидских взаимоотношений влияла конкретно-историческая ситуация связей шиитской Персии и суннитских государств, которые заставляли оба государства находить консенсус в геополитическом соперничестве («Большой игре»).

Теоретическая и практическая значимость исследования.
Диссертационное исследование выполнено с использованием общенаучных

подходов, а также методов исторического, хронологического и системного анализа. Поскольку научные интересы автора направлены на научноосмысление соотношения религии и геополитики исследуемого периода, то они вносят определенный вклад в такие отрасли знания, как религиоведение, в части расширения представлений многофункциональности конфессионального фактора в региональном соперничестве. Кроме того, содержание диссертации вносит лепту в изучение истории международных отношений в Центральной Азии дореволюционного периода.

Результаты исследования могут быть применены в преподавании ряда гуманитарных дисциплин, а также в публицистике, журналистике. Они могут оказаться полезными любознательным читателям, которым небезразличны вопросы религии в разных её проявлениях, в том числе в сфере международных отношений и геополитики.

Апробация основных положений исследования. Основные результаты исследования были представлены на международных конференциях: международная конференция «Проблема сецессии в Азии и Африке: исторический контекст и контуры будущего» (Москва. Институт востоковедения РАН РФ, 2018), форум «Экспертно-аналитический диалог Кыргызстан-Китай» (Бишкек, 2019), международная конференция: «Ислам в современном светском государстве» (Бишкек, 2017), международная конференция «Меры по политическому предупреждению религиозной радикализации в Центральной Азии» (2017). Положения данного диссертационного исследования изложены в монографии объемом 35,7 п.л., а также в 11 статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, общим объемом 5,5 п.л.

Структура диссертационного исследования соответствует целям и задачам исследования. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав (8 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1.1. Роль религии в центральноазиатском геополитическом доминировании

Как известно, религия уже давно снабжена соответствующими богословскими, теологическими, историческими, философскими, социологическими и прочими дефинициями, которые по-разному, но в принципе верно отражают ее сущность. К. Маркс писал о том, что «человек создает религию... Но человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека, государство, общество... Религия есть общая теория этого мира... его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью»¹. Видный кыргызстанский ученый, академик Т.К. Койчуев указывает: «В цивилизационном процессе заметную роль играет религия. Подчас сильную. Есть в религии нравственно-моральные истины и наставления, представляющие несомненную общечеловеческую непреходящую ценность»². Л.Н. Гумилев отмечал, что «религиозное сознание входит в историческую действительность как элемент, но оно не исчерпывает ее»³. Таким образом, религия является одним из важнейших факторов деятельности как людей, так

¹ Маркс К.К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1955. С. 54.

² Койчуев Т.К. Самобытность народа в контексте развития общественной цивилизации // Кыргызстан: история и современность: Сб. ст. Бишкек, 2006. С. 67.

³ Гумилев Л. Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М.: АСТ, 2002. С. 197.

и государств. Поэтому совершенно естественно, что она оказывает существенное влияние на их внутреннюю и внешнюю политику. Если учесть, что геополитика отражает суть международных отношений, то религия не может не играть в ней ту роль, которая обусловлена существующей парадигмой мирового общественно-исторического развития вообще и ее региональными сегментами, в частности.

Более сложная проблема возникает с дефинициями геополитики. Еще в 80-х гг., на исходе коммунистического режима в СССР, понятие геополитики трактовалось достаточно негативно. Популярное энциклопедическое издание писало: «Геополитика, политическая концепция, использующая географические данные (территория, положение страны и т.д.) для обоснования империалистической экспансии. Геополитика связана с расизмом, мальтузианством, социал-дарвинизмом, стала официальной доктриной немецкого фашизма. После 2-й мировой войны получила распространение в ФРГ, США»¹. Сегодня она принимается в западной интерпретации и широко употребляется как в Кыргызстане, так и на всем постсоветском пространстве. Проблемам геополитики посвящено множество иных изданий. Толкованием, изъяснением, разрешением геополитических реалий занимаются специалисты-теоретики и практикующие государственные и общественные деятели. Однако главное мы усматриваем в том, что понятие геополитики вышло за рамки сугубо умозрительных конструкций историков, политологов, публицистов и т.п. Она превратилась в научную дисциплину, по которой выпускаются учебники. Исследователь А.А. Казанцев пишет о том, что «геополитика – дисциплина, изучающая взаимодействие и взаимное соотношение пространственных и политических факторов»². Исследователи А.Ю. Тимонова и Н.А. Бутенко указывают, что «геополитика как наука возникла на рубеже XIX-XX вв. Формирование данной науки связано с разделением мира на части между

¹ Советский энциклопедический словарь. Изд. 3-е. М., 1985. С. 291.

² Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. С. 32.

основными противоборствующими центрами силы»¹. Они считают, что «геополитический подход в целом, по-видимому, остается еще достаточно проблематичным для объяснения общественно-исторического развития»². А.Ю. Тимонова и Н.А. Бутенко указывают, что «не все авторы геополитических теорий учитывают роль культуры и религии в геополитических процессах»³. И критикуют за это геополитическую концепцию А.Г. Дугина. По их мнению, «религия является одним из самых мощных инструментов в современной геополитике»⁴. Поэтому пишут: «Для религии нет границ, и именно это делает ее достаточно внушительным фактором геополитики»⁵. Они полагают, что «самое важное условие возрастания роли религии в геополитике – это способность любого верования объединять части в целое, мобилизовать и интегрировать народы»⁶. При этом авторы отмечают, что религия может быть и дестабилизирующим фактором в геополитике. По их мнению, религия может отстраняться от общества «с целью снижения уровня его духовности и нравственности»⁷, более эффективного манипулирования людьми. С этим можно согласиться, если прояснить вопрос: кем будет отстраняться религия от общества – сама собой или государством. Не следует забывать о том, что в подавляющем большинстве стран дихотомия «государство и религия» решается в пользу первого. Еще Макиавелли отделял религию от политики «и ставил религию на службу государству, а не государство на службу религии»⁸. В царской России православная церковь была верной служанкой самодержавного государства. Она находилась под пятой партийно-советского режима и во времена СССР. В большинстве мусульманских стран мы видим то же самое. Современная Центральная Азия в этом отношении тоже не является исключением.

¹ Тимонова А.Ю., Бутенко Н.А. О роли религии в современной геополитике... С. 185.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 185-186.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Коновалов В.Н. Экономика и политика. Ростов-н/Д., 1995. С. 17.

Исследователь А.А. Казанцев пишет о том, что страны Центральной Азии являются мусульманскими и потому связаны с исламским миром¹. При этом он указывает: «В настоящее время власти всех центральноазиатских государств предпринимают очень серьезные усилия, чтобы превратиться в единственную инстанцию, обладающую правом судить, что соответствует исламу, а что – нет»².

С точки зрения А.Ю. Тимоновой и Н.А. Бутенко, «религия – это рациональный метод для проведения завоевательных планов в геополитике»³. Любая религия (в лице своих священников) стремится к прозелитизму, то есть приобретению для себя новых адептов. В этом ей помогало государство, завоевывая новые территории, население которых подвергалось миссионерской обработке, нередко насильственной. Естественно, что это была реализация связи религии с геополитикой того времени. Древняя история знает немало таких примеров. Но, пожалуй, еще больше их было в период средневековья. Историки-медиевисты С.В. Бахрушин и Е.А. Косминский писали: «Распространение христианства также было одним из важнейших дипломатических (геополитических. – А. С.) орудий византийских императоров на протяжении многих столетий. Миссионеры Юстиниана проникали в горы Кавказа, в равнины Причерноморья, в Абиссинию, в оазисы Сахары. Впоследствии христианство усиленно распространялось среди южнославянских племен. Хорошо известны те столкновения, которые имели место в Моравии между византийскими и немецкими миссионерами из-за влияния на западных славян. Распространение христианства на Руси было большой дипломатической победой Византии. Константинополь – Царьград – становится священным городом для новообращенных народов... В противоположность папскому Риму, который не допускал церковной службы на национальных языках, Византия облегчала миссионерам дело распространения христианства, разрешая службу на местных языках, переводя

¹ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами... С. 34.

² Там же. С. 62.

³ Тимонова А.Ю., Бутенко Н.А. О роли религии в современной геополитике... С. 187.

священное писание на языки новообращаемых народов»¹. Западная церковь – противница восточного (византийского) христианства – не отставала от него в своих прозелитических происках. Ей удалось рекрутировать в число своих приверженцев миллионы жителей раннесредневековых, так называемых «варварских» государств Европы, территории которых входили некогда в состав Римской империи, чей правитель Константин I сделал христианство государственной религией. Римские папы имели далеко идущие геополитические намерения. После того, как в X в. им удалось окрестить поляков, они обратили свое внимание на молодое и сильное, но языческое Древнерусское государство. Рим послал туда немецкого епископа Адальберта, который прибыл в Киев в 961 г. с тем, чтобы уговорить князя Святослава принять крещение, однако его миссия не имела успеха. Л.Н. Гумилев писал: «Соперником Запада в борьбе за души славян была Византия»². Именно от нее в 988 г. киевский князь Владимир принял христианство, насильственно окрестив своих подданных. Совершенно очевидно, что Владимир Красное Солнышко совершил в данном случае геополитический шаг, содержанием которого была религия, объединившая Русь со всем существовавшим тогда христианским миром. И в последующем в своих геополитических действиях на мировой арене Российское государство всегда выступали как именно христианская держава.

Думается, что геополитика в вышеуказанном смысловом значении существовала издавна и ее ареалы всегда зависели от той системы международных отношений, которые сложились в них на тот или иной исторический период. Таким образом, своя геополитика была на пространствах древнего Ближнего Востока, Персии, античного мира и др. Когда сегодня говорят о Великом Шелковом пути, то, как правило, рассматривают его как канал торговых связей Китая и Европы. На наш взгляд,

¹ Бахрушин С.В., Косминский Е.А. Варварские государства и Византия // История дипломатии: Сб. / Сост. А. Лактионов. М., 2006. С. 112.

² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006. С. 189.

в нем присутствовала и очевидная геополитическая составляющая, позволявшая поддерживать международные (дипломатические) отношения между отдаленными друг от друга странами и цивилизациями. Об этом хорошо писали многие кыргызстанские и зарубежные исследователи, в том числе и по рассматриваемой нами связи религии и геополитики¹.

В Средние века геополитика в значительной мере расширила свои границы, особенно в эпоху Великих географических открытий. В Новое время мир рассматривался уже как огромная целостность, а государственное мышление всё более приобретало геополитический (глобальный) характер, вследствие чего европейские державы перешли к захвату территорий во всех частях планеты. Захваты, как правило, сопровождались христианизацией туземного населения. Фактически уже в этот период появляются зачатки того понятия, которое мы сегодня называем «глобализмом» или «глобализацией», что вполне можно рассматривать как побочные продукты геополитики.

Безусловно, в последней играли роль очень многие факторы. Несмотря на то, что многие скептически относятся к формационному подходу, мы всё же полагаем, что важнейшим и определяющим был экономический фактор. Людьми двигали интересы поиска новых рынков сбыта и источников сырья. В основе современной цивилизации лежало первоначальное накопление капитала – это факт. Были и иные факторы формирования геополитики, в том числе и рассматриваемый нами религиозный. Исследователь А.В. Третьяков пишет о том, что «религиозный фактор учитывается во внешней политике всех крупных держав при разработке соответствующих доктрин и осуществлении конкретных акций на мировой арене»².

¹ Горячева В.Д. Великий Шелковый путь как ретранслятор религиозных учений и традиций // Диалог цивилизаций: Информ. бюллетень научного направления «Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств». Вып. II. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (по мат-лам междунар. конф.). Бишкек, 2003. С. 93-94.

² Религиоведение: Энциклопедический словарь / Под ред. А. П. Забияко... С. 897.

Классическим примером взаимосвязи религии и геополитики является распространение ислама. Исследователь Д.Е. Еремеев пишет: «Укоренившись в Аравии, ислам стал знаменем арабской экспансии за пределы полуострова. После арабских завоеваний новая религия широко распространилась среди многих народов Азии, Африки, Европы»¹. Российский историк М.А. Родионов указывает, что уже в 628 г. «Пророк направил послания своим главным соседям. Он написал византийскому императору Ираклию, иранскому шаху Хосрову II, эфиопскому негусу, арабскому вассалу Византии Гассаниду, наместнику Египта Георгию, а также правителям Омана, Йемена, Бахрейна и большого аравийского оазиса Йамамы. Всех их, исповедовавших православие, зороастризм, различные толки монофизитского христианства и язычество, Пророк властно призывал обратиться в ислам»². Академик В.В. Бартольд писал о том, что «ислам первоначально требовал для себя только места наряду с еврейством и христианством; в конце жизни Мухаммеда он уже предъявлял претензии на мировое господство»³. А их иначе как геополитическими назвать трудно. При этом следует отметить, что все указанные претензии были осуществлены не естественно-историческим образом, а посредством широких военных мероприятий арабов-мусульман.

О распространении ислама хорошо писал известный советский этнолог и религиовед С.А. Токарев⁴. Дореволюционный исследователь-священник А. Агрономов писал о том, что благодаря новой религии арабы смогли завоевать огромные территории и «весь Восток к XIII в. находился во власти мусульман»⁵. Мусульманский исследователь А.Х. Зарринкуб пишет: «Победы мусульман были достигнуты в сражениях, но распространение ислама среди покоренных народов происходило не военной силой. Это особенно верно для

¹ Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990. С. 26.

² Родионов М.А. Ислам классический. СПб., 2001. С. 33-34.

³ Бартольд В.В. Мусульманский мир // Соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966. С. 219.

⁴ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976.

⁵ Агрономов А. Мухаммеданское учение о войне с неверными (джигад). Казань, 1877. С. 7.

стран, жители которых, согласно Корану, считались “людьми Писания” или приравнивались к таковым. Это иудеи, христиане, зороастрийцы и сабии»¹. Он отмечает, что «в целом на покоренных территориях ислам постепенно получал мирное распространение и всё большее количество приверженцев. Распространение и привлекательность ислама обеспечивались не столько путем насилия и давления, сколько соответствующими потребностями, социальными нуждами населения, а также военными успехами арабов»².

Знаменитый французский мыслитель Ш. Монтескье в свое время писал, о бедствиях человечеству, если религия дается завоевателем. Но, думается, он был прав лишь отчасти. И распространение ислама в Центральной Азии служит тому примером. Действительно, религиозный мир региона до арабского завоевания был весьма многообразным³. Известный российский туркестановед, профессор П.П. Литвинов пишет о том, что в доисламский период в Туркестане мирно уживались самые различные религии – зороастризм, буддизм, иудаизм, христианство, манихейство и др.⁴. Распространение ислама в регионе началось на заре VIII в. при хорасанском наместнике (с 804 г.) Кутейбе ибн Муслиме. Л.Н. Гумилев отмечал: «Красивые города были сожжены, население вырезано или уведено в плен. Караваны, нагруженные награбленным золотом и шелками, непрерывно шли в Дамаск (столицу Омейядского халифата. – А. С.), но Кутейба хотел большего»⁵. А.В. Белоглазов, ссылаясь на мусульманского историка Наршахи, пишет о том, что арабским завоевателям и их военачальнику Кутейбе пришлось с трудом насаждать ислам среди местного населения⁶.

¹ Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. М., 2004. С. 4.

² Там же.

³ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань, 2013. С. 16-19; Кляшторный С.Г., Мокрынин В.П., Плоских В.М. Раннее христианство и тюркский мир Центральной Азии...

⁴ Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан... С. 117-118.

⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. СПб., 2003. С. 337.

⁶ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии... С. 21-22.

Об этом написано немало и вряд ли стоит подробно распространяться по данному поводу. Но о последствиях арабского нашествия сказать следует. По мнению узбекского академика А.Р. Мухамеджанов завоевание Мавераннахра арабами нанесло непоправимый урон его духовной жизни: традиции, убеждения, проявления местных религий, материальной культуры. Сожжены религиозные книги, в частности зороастрийские, народная литература и важные документы, написанные согдийским письмом. Такого же мнения придерживается А.В. Белоглазов¹.

Естественно, что народ восставал против арабского владычества и новой религии². Тем не менее она учитывалась творцами геополитики тех времен. А.В. Белоглазов указывает, что «уже с первых лет появления в Центральной Азии ислам использовался в политических целях как арабскими завоевателями, так и местными элитами»³. Следует отметить, что арабское завоевание изменило геополитический расклад сил в средневековой Центральной Азии. В 751 г. арабы, поддерживаемые тюрками, наголову разгромили китайские войска на реке Талас, после чего китайцы на целое тысячелетие были выброшены из региональной геополитики. Изменилась и религиозная карта региона. Российский исследователь В.П. Литвинов пишет по этому поводу: «Неудивительно, что после того, как арабы (при поддержке местных тюрков) в битве на реке Талас разгромили ханьцев наголову и изгнали из региона на целое тысячелетие, буддизм стал быстро сходить на нет, вытесняемый не только исламом, но и достаточно сильным христианством всех толков»⁴.

Другим классическим примером роли религии в геополитике являются крестовые походы, организованные католической церковью (1096-1270).

¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии... С. 21.

² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006. С. 57.

³ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии... С. 20.

⁴ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени) ... С. 128.

Документы свидетельствуют о том, что они проводились под лозунгами освобождения «Гроба Господня» от мусульманской власти. Исламский исследователь А.Х. Зарринкуб пишет о том, что «в действительности крестовые походы, начавшиеся в период правления багдадского халифа Муътазхера Биллаха (1094-1118), целью которых провозглашалось “освобождение Гроба Господня от рук магометан”, фактически представляли собой военную агрессию Запада против Востока и продолжение многовекового противостояния этих двух частей света»¹. Действительно, как отмечалось, геополитика папства в средние века была чрезвычайно амбициозной – его представители орудовали в Китае, странах Юго-Восточной Азии и даже добрались до Японии. Китайские авторы пишут о том, что в Синьцзяне католицизм появился во время монгольской династии Юань в Китае². Естественно, что католицизм не мог оставить без своего назойливого внимания и Центральную Азию.

Известно, что монгольские правители оказывали всемерную поддержку Русской Православной Церкви на завоеванных ими территориях. Однако веротерпимые ханы Золотой Орды не отказывали в ней и католической церкви. Они, конечно же, знали о ее военных («крестовых») походах на Восток и из геополитических соображений не хотели портить отношения с могучей религиозной организацией Европы. Сегодня об этом мало кто знает, так как вопрос о католицизме в средневековом Туркестане еще требует своего изучения.

Католические богослужебные заведения имелись во всех крупных городах региона. В Алмалыке, где жили ханы, католики имели епископа и прекрасный кафедральный собор. Еще в XIII в. Ватикан образовал католическое Аквилонское викарное епископство на территории Золотой Орды, имевшее два округа – Газарию и Сарай. Любопытно, это епископство было создано почти одновременно с Сарайской православной епархией.

¹ Зарринкуб А. Х. Исламская цивилизация... С. 7.

² Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. Урумчи, 2006. С. 104.

Католическое миссионерство в Центральной Азии было возложено римской курией на францисканский орден. И оно, видимо, было небезуспешным, поскольку в начале XIV в. на территории Золотой Орды было уже 12 францисканских монастырей. В 1315 г. викариата уже стало недостаточно и поэтому папство учредило в Сарае полноценную католическую епархию во главе с епископом-францисканцем Стефаном. В 1336 г. францисканец Элемозина писал о том, что в Золотой Орде «насаждена истинная церковь, и здесь братья-минориты учредили свои убежища в десяти местах: пять из них в городах, пять – в боевых станах и пастушеских таборах татарских... И среди татар, которые пасут свои стада, эти пять убежищ помещаются в войлочных юртах и передвигаются с места на место по мере того, как перекочевывают татары со стоянки на стоянку»¹. Таким образом, можно считать, что в Золотой Орде в это время миссионерство было в руках братьев-миноритов, поскольку в 1362 г. епископом в Орду был назначен трапезундский минорит Косьма. Но он не успел развернуть свою деятельность, поскольку в Центральной Азии незадолго до этого мусульмане вырезали всех христиан.

Известный туркестанский деятель Н. Пантусов отмечал, что «в 30-х годах XIV века, при хане Дженкши, католики имели в Алмалыке епископа и прекрасную церковь. Деятельности католиков положило конец кровавое гонение против христиан, возбужденное в 1339 или 1340 году Али-Султаном»². К сожалению, он не писал о том, что именно «деятельность» католиков в Средней Азии спровоцировала эти кровавые гонения, приведшие к полному истреблению христиан и религии Спасителя в регионе. П.П. Литвинов считает, что «католики стали действительными “могильщиками” христианства в “Центральной Азии”, поскольку именно в нем, а вернее, в папстве Тимур видел наиболее страшного своего врага на Востоке. Тамерлан, понятно, не мог не знать о бесчинстве и зверствах “папистских”

¹ Литвинов П.П. Благовест над землями ислама... С. 130.

² Пантусов Н. Город Алмалык и Мазар Туглук-Тимур-хана // Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го. М., 1910. С. 162.

(католических) конкистадоров на Востоке, во время пресловутых “крестовых походов” ради спасения “Гроба Господня”»¹.

Церковный историк, митрополит Владимир (Иким) в своих сочинениях тоже уделяет внимание «католическому вопросу», и нельзя не согласиться с ним, когда, оценивая ранние исламо-христианские отношения как «гармоничные», он пишет о том, что «средневековый Рим разрушил эту гармонию, используя злокозненные, нечистоплотные средства, что принесло еще и кровавые плоды»². И архиерей, безусловно, прав, считая, что именно католики во главе со своим епископом Ричардом Бургундцем, вследствие низких и подлых интриг при дворе хана Дженкши, имевших целью усиление «католикозации» в Семиречье, спровоцировали в конце 1330-х гг. заговор против этого хана, который был убит своим братом, что привело к резне всех христиан, так как мусульмане слабо разбирались в христианских толках и не хотели знать, кто из христиан хороший для них, а кто – плохой. Паписты сами уготовили себе эту участь, поскольку «в 1339 г. было устроено избиение католических миссионеров по всему Туркестану», вследствие чего «христианство быстро сошло на нет и в течение полутысячелетия ни в чем себя в Средней Азии не проявляло»³. Академик В.В. Бартольд справедливо отмечал: «Католики только повредили делу христианства, так как привнесли с собой конфессиональную нетерпимость и сделали невозможной единодушную борьбу с исламом»⁴. Примечательно, что П.П. Литвинов не склонен преувеличивать вину католиков в крахе религии Спасителя в Центральной Азии. Он пишет: «Установление господства ислама в регионе было отражением синхронного взаимодействия категорий необходимого и случайного в диалектике исторического развития. Туркестану была

¹ Литвинов П.П. Благовест над землями ислама... С. 130.

² Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Диалог цивилизаций как альтернатива глобальной диктатуре // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2003. Вып. 3. С. 112.

³ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) ... С. 6.

⁴ Бартольд В.В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане // Соч. в 9 т. Т. 4. М., 1966. С. 107.

необходима монотеистическая религия, адекватная сложившейся в нем парадигме, а то, что ею стал ислам, можно считать случайным. Однако, поскольку случайность является, как известно, дополнением и формой выражения необходимости, то ислам в Туркестане надо рассматривать как единственно возможный вариант монотеизма, наиболее соответствовавший совокупности общественно-исторических условий в регионе... Исчезновение христианства в Туркестане было следствием взаимодействия вышеуказанных категорий диалектики. Правильно говорят о том, что не люди ищут религию, а она ищет и находит их. Ислам нашел в Средней Азии максимально благоприятные условия для своего утверждения в качестве господствующей религиозной веры – простота его учения и обрядности в максимальной мере соответствовали простой и нехитрой социально-экономической парадигме в регионе, а проще, специфике “базиса” в нем... Христианство с его сложным вероучением, непростой обрядностью, литургией, потребностью в специальных богослужебных учреждениях и т.д. не могло надолго прижиться в регионе, имевшем консервативное сочетание производительных сил и производственных отношений. Возможно, мы первыми указываем на то обстоятельство, что ислам “вытолкнул” христианство из Туркестана именно тогда, когда базис как совокупность указанных отношений вошел (и надолго) в период стагнации существующего в регионе экономического порядка, когда фактически застыл прогресс в развитии хозяйственного производства и торговли. В таких условиях единственно возможной идеологической рефлексией сложившейся “парадигмы” для населения Средней Азии мог быть только ислам»¹.

Таким образом, ислам восторжествовал всецело и полностью в середине XIV в. в огромном регионе и остался, так сказать, в гордом одиночестве, где, кроме него, влачили униженное положение небольшие группы евреев-иудаистов и индусов. С этого времени в геополитических расчетах

¹ Литвинов П.П. Благовест над землями ислама... С. 125-126.

иностранных государств Центральная Азия рассматривалась как исключительно мусульманский ареал. И она играла в них существенную роль. А.В. Белоглазов отмечает, что «роль исламского фактора в VII-XVIII вв. была чрезвычайно важной. Без его учета не решался ни один вопрос внутренней или внешней политики в Центральной Азии»¹. И эта роль в последующем не только не снижалась, но, напротив, только возрастала. Синолог В.П. Васильев еще в 1872 г. отмечал, что «если мусульманство поднимет голову на Востоке, оно явится снова угрожающим и на Западе, вплоть до Геркулесовых столбов»².

Безусловно, любая геополитика должна иметь некий «сокровенный» смысл, то есть сущность. Даже в религиозных войнах в Европе явственно просматривается экономическая детерминация. Считаем нелишним заметить, что и сегодня исламский мир экономически слаб – «совокупный валовый домашний продукт 56 стран – членов Организации Исламской Конференции (ОИК) меньше, чем в одной Франции. В Израиле ученых больше, чем во всём мире ислама»³. И в этом плане религия в геополитике выступала в качестве второстепенного обстоятельства, часто маскирующего истинные захватнические цели. На такой точке зрения стоит П.П. Литвинов, по мнению которого, «истинная религия и действительная война – понятия взаимоисключающие, а потому есть основания говорить о войне только как средстве разрешения противоречий, из которых доминирующими являются экономические. Именно поэтому, скажем, в годы Крымской войны середины XIX в. духовные вожди христиан и евреев-иудеев исламской Турции активно поддерживали свое мусульманское правительство. Так, “верховный князь армян” Лев, проживавший в Лондоне, в 1853 г. издал прокламацию, в которой призывал своих единоверцев-христиан защитить турецкого султана от русского царя. “Помните, братья, – писал он, – что в Турции не существует

¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань, 2013. С. 78.

² Васильев В.П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Русский вестник. 1872. Май. С. 165.

³ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 216.

кнутов, что турки не рвут вам ноздрей и не секут ваших жен ни тайно, ни всенародно. Под властью султана процветает человечность, под властью северного тирана (Николая I. – П. Л.) – нет ничего, кроме зверских жестокостей»¹. Конечно же, он писал так под диктовку англичан – союзников Турции в Крымской войне, однако было бы легкомысленным сводить всё только к этому.

Армяне-христиане, как известно, являются непревзойденными специалистами в сфере торговли и финансов, а потому турецким армянам, движимым экономическими интересами, следуя им, было выгодно поддерживать свое мусульманское правительство, воевавшее против родственного им в конфессиональном отношении (христианского) государства, причем со значительным армяно-христианским населением на Русском Кавказе и в других частях страны. То же можно сказать и о евреях Турции. К. Маркс сообщал, что в 1853 г. «еврейская община в Константинополе предложила султану миллион пиастров на покрытие расходов, связанных с военными приготовлениями империи. Смирнские евреи приняли... подобное же решение»². И такими решениями «явно руководил не столько “верноподданнический” страх, сколько всё тот же экономический интерес, оказавшийся, как и подобает, выше всех религиозных предпочтений. Из этого следует, что русско-турецкая (Крымская) война 1853-1856 гг. не была столкновением христианской и мусульманской держав, а явилась реализацией тогдашней геополитической парадигмы, основанной на раскладе экономических интересов ее участников, тем более что мусульманскую Турцию поддерживали именно христианские страны – католическая Франция и протестантская Англия. При чём же здесь религия как таковая?»³.

Однако она сыграла свою роль. Еще в середине позапрошлого столетия К. Маркс указывал, что борьба православного христианства и мусульманской

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957. С. 141.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9... С. 327.

³ Литвинов П.П. Благовест над землями ислама... С. 8-9.

религии за гегемонию на Востоке является «извечной»¹. К рассматриваемой нами проблеме это имеет самое непосредственное отношение. Мы считаем, что поход России на Центральную Азию был, конечно, движим экономическими обстоятельствами, но в более широком смысле это было геополитическое явление – наступление христианской цивилизации на позиции мусульманской, в котором помимо экономических факторов важную роль играли социокультурные и иные обстоятельства.

Видный кыргызстанский политолог Н.М. Омаров пишет: «Распад Советского Союза и обретение независимости государствами Центральной Азии и Кавказа породили во многом непредсказуемую ранее геополитическую ситуацию, в которой особенно ярко проявились различающиеся интересы со стороны многих держав мира. Как показывает их анализ, на первом месте в них находились прагматичные интересы политического и экономического характера»². Так, один из главных идеологов Запада З. Бжезинский никогда не относился серьезно к новым (постсоветским) государствам в Центральной Азии. Он всегда считал, что эти страны находятся в стадии ранней политической консолидации и системы управления в них остаются слабыми и деспотичными, а государственность является непрочной. Даже через 15 лет существования указанных государств З. Бжезинский в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (М., 2006) писал о них как об эфемерных образованиях, а о ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) даже не упоминал. Российский политолог В. С. Мясников писал в связи с этим: «Очевидно, что “линия Бжезинского” проходит по территории стран ШОС: Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана, России. Однако эти государства “сбрасываются” З.

¹ Маркс К. Вопрос о войне. – Финансовые дела. – Забастовки // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957. С. 427.

² Омаров Н.М. «Дипломатия Шелкового пути» и внешнеполитические приоритеты Кыргызской Республики на современном этапе // Диалог цивилизаций. Взаимодействие культур, народов и государств в зоне Великого Шелкового пути. Бишкек: Илим, 2005. № 1(6). С. 87.

Бжезинским со счетов при структурировании региона Центральной Азии... Для старого “шахматиста” Бжезинского это всё мелкие фигуры, которыми можно пренебречь при анализе “Большой игры в Азии”, которую, по его представлению, в XXI в. должны выиграть США»¹.

Утверждать о том, что З. Бжезинский ошибается или что-то преувеличивает (либо преуменьшает), можно только с долей ханжества и лицемерия, которые не должны быть присущи действительной науке. Это признают даже политологи самих постсоветских государств Центральной Азии. Например, таджикский политолог Р. Абдулло писал в 2001 г. по случаю десятилетия независимости стран региона: «Последствия развала СССР подтвердили непродуктивность развития “в обход”, другими словами – минуя тот или иной этап естественной эволюции общества. В недавнем прошлом в Таджикистане создавали социалистическое общество, минуя капиталистическую стадию развития... С его исчезновением Таджикистан вновь оказался почти на тех же исходных позициях, с которых он начинал движение к социализму»². Сегодня (то есть через 15 лет), после того, как он писал об этом, эти «исходные позиции» мало в чём изменились. И говорить о том, что постсоветские государства Центральной Азии могут быть крупными «игроками» в геополитике, вряд ли есть основания. Узбекистанский политолог Ф. Толипов указывает, что некогда в «Большой игре» за преобладание в Центральной Азии было два главных актора – Россия и Великобритания, но теперь их стало несколько (США, Китай, Иран, Турция и др. – А. С.), однако среди них постсоветские государства региона практически незаметны. По его мнению, с ними происходит процесс «балканизации», причем с большой угрозой «афганизации»³.

¹ Мясников В.С. Динамика современных международных отношений и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества // Восток. 2008. № 3. Май-июнь. С. 74.

² Абдулло Р. Таджикистан: к вопросу о политических итогах десятилетия независимости // Центральная Азия и Кавказ: Общест.-полит. журн. 2001. № 6 (18). С.103.

³ Толипов Ф. Некоторые теоретические аспекты центральноазиатской геополитики // Центральная Азия и Кавказ: Общест.-полит. журн. 2001. № 6 (18). С. 143-144.

Как известно, С. Хантингтон отмечал, что после распада СССР «среднеазиатские республики будут пытаться наладить новые формы сотрудничества друг с другом и создавать новые связи с Турцией, Ираном и Пакистаном»¹. Понятно, что он писал о чисто мусульманском векторе в формировании геополитических связей постсоветских государств Центральной Азии. При этом он придерживался концепции о неизбежности «столкновения цивилизаций» – христианской и исламской. Но на постсоветском пространстве Центральной Азии такого столкновения не произошло. И, как нам представляется, во многом из-за того, как относилась к исламу в регионе Россия в прошлом, в том числе и в геополитическом плане.

Президент Узбекистана И. Каримов писал о том, что «на протяжении тысячелетий Центральная Азия была центром встречи и сосуществования самых различных религий, культур и укладов. Этническая терпимость и открытость стали естественными нормами, необходимыми для выживания и развития»². На наш взгляд, он явно преувеличивал, так как на территории региона в течение полутысячелетия тотально господствовал ислам, полностью подавивший христианство и поставивший в унижительное положение немногочисленных приверженцев иудаизма и индуизма, о чем доказательно писал два десятилетия назад российский ученый П.П. Литвинов³. Кроме того, догматический ислам в среднеазиатских ханствах подавлял всякую свободную мысль, особенно в среде кочевых народов, сохранивших многие реликты домусульманских культов – основу их тысячелетней цивилизационной идентичности. Христианская Россия прекратила активное давление консервативного ислама на нее, чем приблизила номадов Центральной Азии к прогрессивным формам бытия. Мы полагаем, что отношение России к исламу

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 135.

² Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса... С. 135.

³ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 135-209.

в этом регионе предопределило то, что ни одна из его современных стран не является мусульманской по существу. Все они – светские государства. Вместе с тем они относятся всё же к исламскому миру, в котором на сегодняшний день большинство государств тоже являются «светскими». И отрицать роль религиозного фактора в жизни народов и геополитике государств Центральной Азии вряд ли есть серьезные основания.

Современный узбекистанский историк Ш.О. Мадаева пишет о том, что «для большинства населения Узбекистана ислам был и остался в значительной степени элементом национальной и культурной идентичности»¹. По ее мнению, «процесс трансформации и изменений религиозных обрядов в современном узбекском обществе показывает, что ислам больше не рассматривается как маркер личного благочестия и культурной идентичности, а воспринимается скорее как утверждение политического и идеологического противостояния»². Ш.О. Мадаева полагает, что «именно обращение к позитивным началам ислама... позволит успешно решить задачу по интеграции народных умонастроений в официальную идеологию государства»³.

В среде исследователей из стран бывшего кочевого мира Центральной Азии, менее исламизированного, существуют иные мнения. Так, например, кыргызстанский исследователь К. Иманалиев пишет о том, что «глобализация ведет к утрате реального значения государственного суверенитета многих стран, а также нравственных и религиозных устоев... Как минимум глобализация влияет на самобытность любого народа»⁴. По его мнению, «под лозунгом глобализации насильственное внедрение демократических институтов в традиционные общества часто ведет к разрушению даже

¹ Мадаева Ш. О. Формирование религиозной идентичности традиционного общества Узбекистана: исторический аспект // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2010. С. 273.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Иманалиев К. Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации): Адагы. Кодекс чести. Идеологема кыргызов. Бишкек, 2009. С. 6.

существовавшей в них ограниченной демократии и, как следствие, падению качества управления, деградации экономики и общества»¹. Исследователь Т. Исмагамбетов пишет: «Геополитическую целостность Центральной Азии разрывают такие проблемы, как распределение водных ресурсов, снабжение газом, миграция. Они усложняют и накладываются на злободневные вопросы делимитации, возникающие по мере превращения прежних административных границ между союзными республиками в государственные рубежи новых независимых стран»².

Примечательно, что он нигде не упоминает религиозный фактор, поскольку современные государства Центральной Азии все – мусульманские. Этот фактор учитывается и на уровне межгосударственных отношений в этом регионе. Известно, что президент Казахстана Н. Назарбаев 18 февраля 2005 г. в своем послании Маджлису Казахстана предлагал создать Союз центральноазиатских государств, но, прежде всего, в составе Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Хотя в послании он не исключал и присоединения к Союзу Таджикистана и Туркмении. Н. Назарбаев снова писал об общих исторических корнях народов региона, общности их всесторонних национальных интересов и, конечно же, об общей религии и т.п. В этом его поддержали некоторые руководители стран Центральной Азии, однако союз так и не был создан. Зато взяла верх былая парадигма – роль России в геополитике региона, в которой религиозный фактор по-прежнему учитывался, но не был определяющим. Таким стал ЕАЭС в составе христианских республик – России и Белоруссии и мусульманского Казахстана. Сегодня к ним добавились христианская Армения и мусульманский Кыргызстан.

Вместе с тем в соотношении религии и геополитики в Центральной Азии ситуация остается весьма непростой. Выше мы уже отмечали, что

¹ Иманалиев К. Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации): Алаты. Кодекс чести. Идеологема кыргызов. Бишкек, 2009. С. 8.

² Там же.

государственная власть в странах региона фактически повсеместно подчинила себе религиозные институты, прежде всего исламские. А.В. Белоглазов указывает, что после распада СССР «все центральноазиатские республики провозгласили себя светскими государствами и стремились отделить религию от государства. Ислам, таким образом, был лишен возможности официально вмешиваться в политическую жизнь общества»¹. В.П. Литвинов пишет: «Сейчас в странах Центральной Азии понятия власти и государства далеко не тождественны. Власть государства вынуждена считаться с властью верхушки родов, племен, землячеств (кланов), религиозных сообществ и т.п. И трудно уверенно прогнозировать, к каким именно результатам приведет такое положение в будущем»². Известный американский политолог М.Б. Олкотт пишет о том, что «президенты центральноазиатских стран понимают, что управляют большими обществами верующих мусульман и что каждый из них должен попытаться заручиться доверием этих людей. Все они побывали во многих странах арабского мира»³, совершили хадж – паломничество в Мекку. И.Д. Звягельская отмечает, что «для лидеров Центральной Азии акцент на принадлежности к миру ислама выглядел куда более органично, чем демонстративное присутствие российских демократов на праздничных службах в православных храмах»⁴.

Германский политолог Вольфганг Цельнер указывает, что «сложные социально-экономические процессы, связанные с переходным периодом и задачами государственного строительства в Центральной Азии, учитывая нынешние социальные условия в этом регионе и его преимущественно

¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань, 2013. С. 122-123.

² Литвинов Вяч.П. Государство и власть в Центральной Азии: история и современность // Сб. науч. работ, посвящ. 10-летию исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. С. 69.

³ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.-Вашингтон, 2005. С. 100.

⁴ Звягельская И. Государство и ислам в Центральной Азии: к постановке вопроса // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? ... С. 98.

мусульманское население, могут привести к политизации религии»¹. Мы полагаем, что это уже произошло в Центральной Азии. Исследователь Р. Триведи пишет о том, что «религиозный фактор всегда был очень важен в Ферганской долине»². Он отмечает, что в постсоветский период исламский фактор «стал заметен практически на всей территории Центральной Азии, хотя степень его развития значительно разнится. В Казахстане, Киргизии и Туркмении ислам исторически играл менее важную политическую роль, тогда как в Узбекистане и Таджикистане – очень значительную»³. «Исламизация является либо орудием в геополитической борьбе, либо одной из форм антимодернизации, либо результатом неэффективности политической системы. В Центральной Азии присутствует комбинация всех трех факторов»⁴. Специалисты отмечают: «Возможность радикализации ислама в Центральной Азии (или, если брать эту проблему шире, исламская альтернатива) – это также и вызов России, являющейся стратегическим союзником центральноазиатских государств. Для России, являющейся многонациональным и многоконфессиональным, но светским государством, большое значение имеет сохранение в Центральной Азии исторически сложившейся, в том числе благодаря присутствию здесь России, традиции секулярности политической власти и политических режимов. Даже гипотетическая исламская альтернатива Центральной Азии представляется для России совершенно нежелательной»⁵.

Несмотря на общую для всех стран Центральной Азии приверженность к мусульманскому миру, в отношениях между ними присутствуют разного рода трудности. Российский политолог А.А. Клинцов пишет: «Как и среди

¹ Цельнер В. Приветственное слово // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? ... С. 7.

² Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Comparative politics. 2011. № 4. С. 110.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители... С. 43.

христианских государств, в мусульманском мире никогда не было подлинного единства. Христианские государства, пренебрегая религиозным единством, беспощадно воевали друг с другом все века, а в XX в. даже в двух мировых войнах. Мусульманская Персия всегда соперничала с исламской Турцией. Иран относительно недавно схлестнулся в жестокой войне с “братьями” – мусульманами Ирака. Так что же можно в таком случае говорить о братстве и единстве мусульман постсоветской Центральной Азии. Пожалуй, при советской власти они относились друг к другу лучше, хотя и жили каждый в своей республике. Поэтому не следует возлагать особых надежд на то, что политический архетип религии (в данном случае исламской) сыграет определяющую либо решающую роль в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии»¹. Р.Г. Ланда отмечает, что «упрочиваются связи между мусульманами разных регионов СНГ. Но одновременно выявляются и претензии среднеазиатских мусульман друг к другу»². В этих условиях неизмеримо возрастает геополитическая роль России как бывшей «метрополии», что дает ей право выступать в роли третейского судьи в межгосударственных отношениях (геополитике) в Центральной Азии. Однако не все из мировых держав с этим согласны. Известный российский востоковед В.В. Наумкин указывает, что Центральная Азия играет значительную роль в мировой геополитике – «она вплетена в очень широкий контекст отношений в исламском мире, в СНГ, в пространстве, на котором Россия играет определенную роль. Она находится под мощным – и возрастающим – воздействием китайского фактора и на средоточии определенных интересов целого ряда глобальных игроков Запада и Востока»³. Он отмечает, что в Центральной Азии «проблема геополитики региона – это

¹ Клинцов А.А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. М.-Бишкек, 2009. С. 164.

² Ланда Р.Г. Исламский фундаментализм // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 39.

³ Эргашев Б.И. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // Вызовы безопасности в Центральной Азии (Мат-лы междунар. конф. Москва, ноябрь 2012 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 21.

очень важный вопрос, и тут каждому государству региона очень важно определиться, как оно будет развиваться в плане своих геополитических предпочтений и в смысле внутреннего развития»¹.

Между тем узбекский политолог Б.И. Эргашев считает, что «для США и Европы Центральная Азия не представляет никакого интереса, за исключением выкачивания углеводородов. Только Китай в этом отношении является реальным и активным игроком в регионе»². Так же считает специалист из Института востоковедения РАН М. Мамедова, отмечающая, что «с экономической точки зрения регион (Центральной Азии. – А. С.) не вызывает особого интереса у ведущих держав мира»³. Французская исследовательница И. Фаюн считает, что «Центральная Азия остается на периферии стратегических интересов Европы»⁴. Мы не исключаем, что они правы в своих мнениях. Однако это не только не снижает геополитической роли России в Центральной Азии, но и возвышает ее. Россия имеет исторический опыт общения с мусульманским миром этого региона, а через него и с исламской ойкуменой в целом. А.В. Малащенко указывает, что «для России связь с мусульманским миром останется маркером курса на многополярный мир, самостоятельности ее внешней политики. Она будет позиционировать себя как “частично мусульманская держава” и, вместе с тем, как посредник между мусульманским миром и Западом»⁵.

На основании вышеизложенного можно утверждать о том, что религия и геополитика, представляя собой самостоятельные сущностные явления, во всемирно-историческом процессе часто пересекались, вплетаясь в канву внешнеполитической деятельности государств. Под знаменем религии

¹ Эргашев Б.И. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // Вызовы безопасности в Центральной Азии (Мат-лы междунар. конф. Москва, ноябрь 2012 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 22.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Малащенко А.В. Ислам для России. М., 2007. С. 179.

осуществлялись их геополитические замыслы. История знает немало примеров такого рода, некоторые из которых были приведены выше. На протяжении многих веков мусульманская религия была тотально господствующей в Центральной Азии и влияла на внешнюю политику региональных ханств. Христианство и многие иные конфессии были насильственно ликвидированы. Религиозный фактор сыграл большую роль в присоединении этого исламского региона к христианско-государственной цивилизации России. В период царской власти в регионе этот фактор активно влиял на геополитику Российской империи на мусульманском Востоке, о чем еще будет подробно сказано ниже. Соотношение религии и геополитики в молодых независимых и суверенных постсоветских государствах Центральной Азии является весьма непростым. Позиционируя себя как страны мусульманского мира, они, тем не менее, являются светскими государствами. Поэтому в них популярны идеи секуляризма, поддерживаемые большинством населения. Вместе с тем в масштабе глобальной геополитики они проявляют солидарность с мусульманскими странами и регионами. В данном случае религия и геополитика снова переплетаются.

Общая принадлежность к исламу, однако, не мешает странам Центральной Азии иметь немало трений и противоречий между собой. Власти государств Центральной Азии, демонстрируя уважение к исламу, тем не менее не допускают религию к управлению государством, а тем более — к формированию своей геополитики в региональном и глобальном масштабах. Они не менее христианского и иного неисламского мира опасаются мусульманского радикализма и экстремизма. Таким образом, взаимодействие религии и геополитики стран Центральной Азии представляется и сегодня очевидным фактом. Есть все основания полагать, что и в будущем он еще не раз заявит о себе.

1.2. Религиозная политика царской России в геополитическом позиционировании

Религиозный фактор в международных отношениях России со странами мусульманского мира обнаружил свое действие еще во времена средневековья, он уже тогда приобрел геополитическое выражение. Известные советские историки-медиевисты С.Д. Сказкин и С.В. Бахрушин пишут о том, что в конце XV – начале XVI в. «Москва была заинтересована в мирных отношениях с Османской Портой в целях развития черноморской торговли. Завязавшиеся в 90-х гг. XV в. сношения между Москвой и Турцией велись в неизменно благожелательных формах»¹. Они отмечают, что «борьба с Литвой была одним из оснований тесного союза Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем, укрепившимся “на Крымской юрте” в качестве вассала Турции. Иван III домогался этого союза ценой любых уступок. Он соглашался даже, если потребует хан, титуловать его “государем” и не щадил расходов на “поминки”, т.е. ежегодные подарки для своего татарского союзника ... Крымские татары стали производить периодические набеги на литовские владения, проникая далеко вглубь страны, до Киева и дальше. Этим они не только наносили материальный ущерб великому княжеству Литовскому, но и ослабляли его обороноспособность»². При этом важно отметить, что Литва была родственной по вере России – христианской страной, тогда как Крымское ханство являлось мусульманским владением.

С помощью мусульман Ивану III удалось победить в «затяжной литовско-московской войне 1487-1494 годов. Согласно договору 1494 года Москва получила Вяземское княжество и территорию в бассейне верхнего течения Оки». В 1495 г. Иван III установил дипломатические отношения с лидером исламского мира – Османской империей – сюзереном Крыма, что

¹ Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия в XVI в. // История дипломатии: Сб. / Сост. А. Лактионов. М., 2006. С. 234.

² Там же.

облегчило контакты с его мусульманским правителем. Союз с крымским ханом Менгли-Гиреем помог России сбросить иго Золотой Орды, поскольку мусульманский правитель Крыма был ее врагом, и в 1502 г. она окончательно пала под ударами именно крымских татар. К. Маркс отмечал, что Иван III «погубил одного татарина посредством другого». С помощью крымского хана Иван III добился «вассального подчинения другого татарского ханства – Казанского, возникшего в Среднем Поволжье в первой половине XV в.»¹. К. Маркс писал: «К концу его княженья мы видим Ивана III, сидящим на вполне независимом троне. Рядом с ним – дочь последнего византийского императора. У ног его – Казань. Обломки Золотой Орды толпятся у его двора... Литва уменьшилась в своих пределах, и ее государь является орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты»².

Как известно, турки захватили Константинополь в 1453 г., вследствие чего центр мирового православия стал исламским. Турецкий султан Мехмет II утвердил в должности «вселенского» православного патриарха Геннадия Схолария (в миру Георгий Куртесий)³. На Руси пришли к выводу о том, что Москва должна упрочить свое положение, став преемницей византийского статуса. С этой целью Иван III решил жениться на Софье (Зое) Палеолог, которая была не дочерью, как считал К. Маркс, а племянницей последнего византийского императора Константина XI. Российский исследователь И.А. Исаев пишет: «Брак Ивана III и племянницы последнего византийского императора Софьи Палеолог в значительной мере носил символический характер: наследница павшего византийского дома переносила державные права этого дома в Москву, как в новый Константинополь – Царьград... Этот

¹ Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия в XVI в. // История дипломатии: Сб. / Сост. А. Лактионов. М., 2006. С. 234.

² Там же. С. 235.

³ Макарий (Булгаков). Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589). Отд. 2. Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448-1589). М., 1996. С. 21.

акт символически означал установление совместной власти греческих и русских царей над всем православным миром»¹. Таким образом, Россия стала главой мирового православного христианства и его представителем в планетарной геополитике. В последующем новая символика власти получила идейное оформление в виде концепции «Москва – Третий Рим».

Исследователь А.П. Забияко пишет о том, что «учение “М. – Т. Р.” (“Москва – Третий Рим”. – А. С.) в XVI в. не выступало в качестве официально провозглашенной программы... внешнеполитической деятельности... Однако заложенная в учении о “восприимстве царств” идея мессианизма предполагала возможность перетолкования религиозных представлений о богоизбранности Московского царства в духе политической доктрины об особой исторической миссии России. Одним из следствий такого перетолкования является идея избавления исконно православных земель от власти турок-мусульман. Эта идея получила широкое распространение в XVII в. и сыграла большую роль в XIX в. в период русско-турецких войн. Чаяния освобождения Константинополя и братьев-православных дали повод многим отечественным мыслителям для утверждения, что мессианизм есть определяющая черта духовного склада русского народа»². Это обстоятельство помогает ответить на вопрос: почему в российской геополитике религия всегда играла заметную роль, а царизм всегда заявлял о себе как защитнике всего православного мира. Естественно, что этот фактор играл свою роль в отношениях России и с неправославными христианскими странами Европы, однако нас больше интересует его значение в ее отношениях с исламским миром. Понятно, что здесь ее роль защитницы религии Христа представлялась весьма рельефно. Так, статья XII российско-турецкого договора от 3 июля 1700 г. гласила: «Московского народа мирянам и инокам иметь вольное употребление ходить в Святой град Иерусалим и посещать места, достойные посещения, а от таких

¹ Исаев И.А. История государства и права России. М., 2002. С. 92.

² Религиоведение: Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006. С. 663.

посещений ради проходящих ни во Иерусалим и нигде дань или гарач (налог с иноверцев. – А. С.) или пескеш (подношение, мзда. – А. С.) да не испросится, ни за надобную проезжую грамоту деньги да не вымогаются. Сверх того живущим в странах Государства Оттоманского московским и российским духовным ни едина, по Божественному закону, досада и озлобление да не чинится»¹. Это положение было продублировано позже в российско-турецком договоре от 18 сентября 1739 г. и в артикуле 7-м широко известного Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г.² Императрица Екатерина II в манифесте от 17 марта 1775 г. гордо заявляла о том, что в результате закончившейся войны с Оттоманской империей «самое Наше православие в местах его произрастания (в Святой земле и Иерусалиме. – А. С.) ограждено для передоу Нашею Императорскою опекою от всякого притеснения и насильства»³.

Император Николай I представлял себя как защитника православной религии от посягательств мусульманских властей. В декларации о причинах войны с Османской империей от 14 апреля 1828 г. царь указывал, что турецкими властями «почтеннейшие сановники Греческого духовенства и Патриарх, глава их, среди совершения священных обрядов нашей Церкви, преданы в руки палачей на смертную позорную казнь, а все знатнейшие христиане, ограбленные, поруганные без суда и исследования гибли в муках,

¹ Трактат, заключенный в Цареграде с турецким султаном Мустафой II посланниками Украинцовым и дьяком Черодеевым – О перемирии на 30 лет; о разорении поселенных у Днепра городков Тавани, Кизи-Керменя, Нусрета и Сачина, об уступке Азова России, и о оставлении земель от Перекопа до Азова в пусте; о нетребовании крымскому хану и татарам никаких подарков от России; о размене пленных и о свободном пропуске россиян на поклонение в Иерусалим, без платежа дани. 3 июля 1700 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1804. С. 71.

² Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империей Всероссийской и Оттоманской Портой в ставке Главнокомандующего, генерал-фельдмаршала, графа Румянцева, при деревне Кучук-Кайнарджи на правом берегу реки Дуная, через уполномоченных от него и от Верховного визиря в 10 день июля и ими обоими в 15 день того же июля утвержденный, а со стороны Его Султанова Величества подтвержденный и ратификованный в Константинополе в 13 день января 1775 года. 10 июля 1774 года // ПСЗРИ-1. Т. 19. СПб., 1830. № 14164. С. 960.

³ Манифест – О заключении мира с Оттоманской Портой. 17 марта 1775 года // ПСЗРИ-1. Т. 20. СПб., 1830. № 14274. С. 81.

некоторые спасались бегством»¹. И потому Россия обязана защитить православие. «Порта именует Россию явным, непримиримым врагом исламизма; а всем известно, что во владениях Его Императорского Величества миллионы жителей спокойно и торжественно, под щитом общих законов, исповедывают веру Магометанскую и отправляют богослужение по обрядам оной, пользуясь всеми гражданскими правами наравне с прочими подданными Государя Императора»². Николай I пытался разыграть религиозную «карту» и в Крымской войне. В манифесте от 14 июня 1853 г. он указывал, что «защита Православия была искони обетом Блаженных Предков наших», и призывал: «Пойдем вперед – за веру Православную»³.

Уже в те времена для многих было совершенно очевидно, что русским царизмом двигают далеко не религиозные соображения, тем не менее традиция использования религии в геополитических интересах была продолжена царем Александром II. В манифесте от 12 апреля 1877 г. о начале войны с Турцией он отмечал, что Россия всегда выступала защитницей христианских народов в Турции, которое угнеталось ее мусульманскими правителями. И Турция отвергала всякие предложения России улучшить положение христиан вообще и православных, в частности. Россия делала мирные шаги. И страны Европы тоже пытались защитить своих христиан. Но теперь Россия решила действовать в этом отношении и вступила в войну с Оттоманской Портой⁴. К. Маркс писал о том, что если русский царь получит право протектората над православными в Турции, которых насчитывается почти 10 млн человек, «то ясно, что царь фактически получит право протектората над христианскими подданными в Турции»⁵. Он отмечал, что в

¹ Декларация о причинах войны с Оттоманской Портой и обстоятельствах ей предшествовавших. 14 апреля 1828 года // ПСЗРИ-2. Т. 3. СПб., 1830. № 1948. С. 387.

² Там же. С. 392.

³ Манифест – О движении российских войск в Придунайские княжества. 14 июня 1853 года // ПСЗРИ-2. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1854. № 27344. С. 290.

⁴ Манифест – О вступлении российских войск в пределы Турции. 12 апреля 1877 года // ПСЗРИ-2. Т. 52. Отд. 1. СПб., 1879. № 57155. С. 371.

⁵ Маркс К. Восточная война // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958. С. 25.

Османской империи есть еще 800 тыс. католиков и 200 тыс. протестантов. Таким образом, царизм успешно использовал проблемы религии в своих геополитических намерениях по отношению к мусульманской Турции.

У нас есть все основания полагать, что отношения Руси с Центральной Азией сложились издавна. Об этом свидетельствуют арабские и иные источники¹. Археологические находки огромного количества серебряных арабских дирхемов в кладах на территории России подтверждают наличие еще в домонгольский период активных торговых связей Руси с землями, входящими ныне в Центральную Азию. Монгольское иго не только не свернуло эти связи, но и, напротив, еще более активизировало их. Российский историк Н.М. Карамзин писал о том, что «господство монголов в России открыло туда путь многим купцам бесерменским, харазским (хорезмским. – А. С.) или хивинским, издревле опытным в торговле и хитростях корыстолюбия»². Но такая торговля в ордынские времена на Руси не была «дорогой с односторонним движением» – немало и русских купцов направлялись в Среднюю Азию с торговыми караванами, поскольку их товарам не было хода на ганзейских рынках. И у русских купцов уже тогда вызрела идея об использовании Средней Азии как «транзита» на пути торговли со сказочной Индией. Как отмечает профессор МГУ Д.Ю. Арапов, «контакты и связи Московского царства с этим регионом начали укрепляться с середины XVI в., к концу XVIII в. монархия Романовых стала крупнейшим торговым партнером Средней Азии»³.

¹ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб. Баку, 1986; Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата / Пер. с араб. М., 1988; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / Пер. с араб. Харьков, 1956, Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. Т. 4. М.-Л., 1957; Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957; Книга Марко Поло. М., 1955, и др.

² Н.М. Карамзин об истории государства Российского. М., 1990. С. 103.

³ Арапов Д.Ю. Россия и Средняя Азия в XVIII – начале XX вв. // Сборник Русского Исторического Общества. № 5 (153). М., 2002. С. 8.

По мнению исследователя А.А. Преображенского, «исторические связи Русского государства со Средней Азией возникли задолго до XVI в., но только во второй половине XVI в., когда границы Русского государства придвинулись к берегам Каспийского моря, а мощная водная магистраль – Волга – на всём ее протяжении оказалась в пределах Русского государства, они стали регулярными»¹. Он отмечал, что прежде всего, конечно, развивались торгово-экономические связи. Действительно, присоединение Казанского ханства, а за ним Астраханского открыли для России торговые пути по Волге и Каме для связи через Каспий с кавказскими и среднеазиатскими странами – «шемахейской», «юргенской» (хивинской), «ташкентской», «самаркандской» и др. (Персией и проч.).

Известно, что еще при первых Романовых в правительственных кругах России возник интерес к Центральной Азии, которая рассматривалась ими как «транзит» на пути к сказочной Индии, с которой русские цари хотели наладить выгодную торговлю. Пожалуй, первым русским царем, который придал региону подлинно геополитическое значение, был Петр Великий. Российский этнограф и археолог Р.Г. Игнатьев писал: «Петр всегда помышлял об азиатской торговле: ему нужно было привести в подданство киргиз, чтобы на Аральском море учредить торговую пристань. В этом смысле в последние уже годы царствования Петра был подан ему проект сенатским чиновником Иваном Кирилловичем Кириловым. Петр вполне одобрил проект и пожаловал Кирилова секретарем Сената, и почему-то медлил с исполнением проекта. После кончины Петра проект Кирилова, хотя и известный правительству, оставался без исполнения до царствования Анны»².

¹ Преображенский А.А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (Два посольства торгового человека Анисима Грибова) // Исторические записки. Вып. 36. М., 1951. С. 269.

² Шалгынбай Ж.Ж. Казахстан в зарубежных источниках и материалах. Библиография до начала XX века. Алматы, 2009. С. 246, а также см.: Торопицын И.В. «Чтоб на Аральском море город построить»: Подготовка начальником Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым экспедиции в Среднюю Азию. 1738-1739 гг. // Исторический архив. 2009. № 6. С. 189-201.

Башкирский ученый С.У. Таймасов пишет о том, что еще Петр I настойчиво пытался продвинуться на Восток, направив экспедиции И. Бухгольца, И. Лихарева, А. Бековича¹. Экспедиция князя Бековича-Черкасского в Хиву потерпела крах, причем в немалой мере из-за его личных ошибок. До этого в русско-хивинских отношениях уже существовал некоторый позитив. Дореволюционные авторы сборника о Туркестанском крае писали, что «сношения России с Хивой начались в 1670 г., а в 1700 г. прибывший хивинский посланец вручил Петру Великому грамоту хана Шаниаза, в которой он просил царя принять его со всем подвластным ему народом в подданство России»². Царь Петр согласился и в 1703 г. новый хивинский хан Арак-Ахмет был тоже извещен об этом. Несмотря на неудачу похода Бековича, указанный позитив не исчез полностью. Так, в 1740 г. Россия содействовала провозглашению хивинским правителем подвластного ей казахского хана Абулхаира, который подтвердил подданство Хивинского ханства России.

Для продвижения в сторону Центральной Азии Российской империи необходимо было решить вопрос с Казахстаном. Известно, что тогдашние казахские лидеры, напуганные агрессией калмыков (ойратов), сами просились под российскую руку. Императрица Анна Иоанновна пошла им навстречу, издав соответствующие указы³. В 1730-х гг. могли присоединиться и хивинцы, но «в Хивинском ханстве сложилась крайне неблагоприятная обстановка для того, чтобы положительно решить вопрос о принятии Хивы в состав России.

¹ Таймасов С.У. Роль Оренбургской экспедиции в присоединении Башкирии к России (1730-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 145.

² Туркестанский край. Сб. ст. М., 1872. С. 11.

³ Жалованная грамота старшине Киргиз-кайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5704. С. 386-387; Грамота Похвальная Киргиз-кайсацкому Абдулхаир-хану – За приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды, также Аральского Хана. 9 апреля 1734 года // ПСЗРИ-1. Т. 9. СПб., 1830. № 6567. С. 303-304.

В Хиве одержали победу враждебные как в отношении к Абулхаиру, так и в отношении к России силы»¹.

Добровольное вхождение Казахстана в состав Российской империи имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме, поскольку впервые огромное христианское государство вышло на рубежи мусульманского мира. Присоединение Казахстана явило истории новый пример использования религии в геополитике Российской империи. Царскому правительству того времени было хорошо известно, что кочевники-казахи считают себя мусульманами, но они мало знакомы с исламом, не исполняют необходимых треб, а веруют более в своих языческих богов – сакральных субъектов автохтонных доисламских религиозных культов. Императрица Екатерина II сочла это большим недостатком и «нашла необходимым споспешествовать исламизации кочевников. Она писала Оренбургскому генерал-губернатору, что «построение там (в Казахской степи. – А. С.) ... для главнейших родов мечетей, школ... весьма полезны и нужны... Снабдение разных родов киргизских муллами немалую пользу в наших делах принести может». Для реализации своего курса на мусульманизацию кочевников Казахской степи российское правительство привлекло самых “зрелых” представителей ислама в России – татар Поволжья... Ярые исламисты – татары быстро и в полной мере использовали неожиданные и благоприятные для себя возможности. Они не только в значительной степени утвердили исламское мировоззрение в сознание наивных, “язычествующих” во многом казахов, но и существенным образом упрочили свое влияние среди них, с которым само российское правительство потом долго и малоуспешно боролось»².

Исламизаторскую политику Екатерины II критиковали многие российские администраторы и ученые (например, В.В. Бартольд), зарубежные

¹ Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. С. 45.

² Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917 (по архивным материалам) ... С. 153.

исследователи и политики (в частности, У. Гладстон). Действительно, Екатерина II, императрица-христианка, собственными руками возводила на границах православной Российской империи пограничные редуты ислама. Не совершала ли она геополитической ошибки, утверждая, таким образом, чужую религию среди своих новых подданных? Мы согласны с мнением профессора П.П. Литвинова, который считает, что такая религиозная политика Екатерины II «была в то время единственно возможной, а потому и правильной»¹.

Присоединив Казахстан (кроме Южного), Россия вышла на рубежи Киргизской (как ее тогда называли) Степи, а Оренбург стал линией, на которую прибывали купцы из Средней Азии, в том числе и тамошние евреи, в связи с чем потребовалось специальное решение царского правительства 1840-х гг., позволившие туркестанским евреям проникать со своими товарами и на некоторые внутренние рынки империи². Для купцов-мусульман не было никаких ограничений, тем более что наибольший сегмент торговли со Средней Азией прибрали к своим рукам их российские единоверцы – татары. В последующем реформы начала 1860-х гг. в России, вызвавшие бурное развитие капиталистических (буржуазных) отношений в стране, поставили на повестку дня вопрос о присоединении Средней Азии как огромного рынка для продвижения отечественных товаров, в том числе и далее – на мусульманский Восток.

Следует отметить, что в этом регионе у России появились союзники еще до его присоединения к ней. И они были влиятельными, поскольку представляли так называемый «торгово-промышленный класс», заинтересованный в расширении экономических связей с прибыльным для них российским рынком. Ни далекая Англия, ни близкие – Кашгария, Афганистан,

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917 (по архивным материалам) ... С. 153-154.

² Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении евреям из Средней Азии приезжать на Оренбургскую линию для дел торговых. 29 декабря 1842 года // ПСЗРИ-2. Т. 17. Отд. 2. СПб., 1843. № 16385. С. 281-282.

Персия и тем более отдаленная Турция не могли сравниться с его всепоглощающей мощью.

Из вышесказанного следует, что вопросы мусульманской религии в системе геополитических планов России вызревали ранее, однако приобрели особо важное значение именно в процессе присоединения Средней Азии – поголовно мусульманского региона – к Российской империи. Ее «верхи» тогда уже знали о том, что ислам в Туркестане имеет свою специфику, с которой надо считаться по-иному, нежели в мусульманских анклавах империи.

Турецкий исследователь М. Сарай отмечает, что завоеванием Средней Азии Россия «хотела укрепить свой пошатнувшийся международный престиж после поражения в Крымской войне»¹. Он, видимо, прав, однако не во всём, так как Россия начала операцию по завоеванию Средней Азии еще в начале Крымской войны. Ф. Энгельс указывал на то, что пока Европа была занята Крымской войной, оренбургский губернатор Перовский начал наступать на Хиву, правитель которой быстро отреагировал, прислав послов для заключения договора, «по которому хан Хивы признал верховную власть России»². Классик писал о том, что Россия получила неограниченную власть над хивинскими делами: «В Хиве водворился русский консул, который как представитель русского правительства взял на себя также обязанности верховного арбитра во всех политических делах Хивы»³. И он же констатировал еще в 1858 г.: «С подчинением Хивы вопрос о покорении Туркестана, по существу, был решен; быть может, сейчас он уже решен и практически»⁴. Ф. Энгельс отмечал, что, узнав о походе Перовского, ханы Коканда и Бухары тоже отправили своих послов в Россию для заключения договоров. Он указывал, что «заключенные с ними договоры не были

¹ Saray M. The Russian Conquest of Central Asia // Central Asian Survey: The Journal of the Society for Central Asian Studies. 1982. Vol. 1. № 2-3. P. 7.

² Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 12. М., 1958. С. 617.

³ Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии ... С. 617.

⁴ Там же. С. 617-618.

опубликованы, но об их содержании легко догадаться, какую бы степень независимости Россия не была склонна оставить этим мелким государствам»¹. Нелишне заметить, что он писал об этом за семь лет до взятия Ташкента.

Важно отметить, что, реализуя геополитические планы в Центральной Азии, Россия активно использовала религию – провозглашала лозунги о том, что ее приход в регион объясняется целями освобождения православных пленников из неволи. Действительно, в среднеазиатских ханствах, особенно в Хивинском, томились тысячи русских рабов. «В Хиве находился главный рынок русских невольников, куда киргизы сбывали русских пленных»².

Процесс присоединения Центральной Азии к России был далеко не так однозначен, как это многим кажется. В российских «верхах» и в обществе были противники такого мероприятия. Исследователь Д.В. Васильев пишет о том, что в России в период присоединения Центральной Азии (1860-х гг.) под влиянием публикаций в прессе «формировался достаточно устойчивый имперский стереотип о социально-политической неразвитости азиатских обществ... Составляющими этот стереотипа были представления о полудиких ханах, слепых орудиях в руках дервишей; о занимающейся грабежами полуголодной армии; о трудолюбивых простых подданных, воспринимавшихся собственным правительством как стадо баранов, которых можно стричь, живущих в постоянном страхе за свою жизнь и собственность и видящих свое спасение лишь в чужеземном завоевании»³. Мы полагаем, что это наивное мнение, поскольку в российской прессе 1860-х гг. было немало высокопрофессиональных публикаций о Туркестане, его географии, природе, населении, религии и т.п. Другой вопрос, как относилась российская общественность к рассматриваемому нами процессу. Еще в 1861 г. известный российский востоковед профессор В.В. Григорьев писал: «Но нам-то, спрашивается, какая была бы польза от того, что мы завладели бы Средней

¹ Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии ... С. 618.

² Туркестанский край: Сб. ст. М., 1872. С. 9, 10, 12-14.

³ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 319.

Азией? Можно, наверное, сказать, что содержание там управления, гарнизонов и подвижных войск стоило бы нам втрое, вчетверо более того, сколько получили бы мы местных доходов»¹. Так оно и получилось в дальнейшем. Видный российский военный деятель А.Н. Куропаткин писал о том, что с 1868 по 1878 гг. доходы от Туркестанского края составили 32 млн руб., тогда как расходы – 67 млн руб. Всего 99 млн руб. Причем на аппарат управления из них ушло за это время 24 млн руб., а 75 млн руб. – на войска². Об убыточности Туркестана для российской казны убедительно писал профессор П.П. Литвинов³. Доказательно свидетельствуют об этом и авторы коллективной монографии о Центральной Азии в составе Российской империи⁴. Однако это не остановило русский царизм на пути к присоединению Центральной Азии. Он полагал, что это мероприятие соответствует геополитическим интересам России, а в перспективе приведет и к экономическим выгодам.

Завоевание Средней Азии началось одновременно из двух мест – Западной Сибири и форта Перовского. Процесс этот достаточно описан и вряд ли нуждается в повторении – была осада города Туркестана и взятие Черняевым городов Чимкента и Ташкента⁵. Зарубежная исследовательница Х.К. д'Анкокс пишет: «Покорение Средней Азии, достигнутое ценой небольших человеческих потерь с российской стороны – принесло империи не только экономическое удовлетворение. В этом регионе шло соперничество европейских держав, смысл которого российский военный агент в Лондоне Игнатьев предсказал еще в 1858 году: «В случае конфликта с Англией, в Азии

¹ Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып. 2. М.-Л., 1941. С. 25.

² Куропаткин А.Н. Поступательное движение русских в Среднюю Азию. Причины, вызвавшие это движение // Терехов А.А. Статистический очерк Афганистана. СПб., 1887. С. 31.

³ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917... С. 49-50.

⁴ Центральная Азия в составе Российской империи... С. 136-138.

⁵ Туркестанский край: Сб. ст. М., 1872. С. 23-24.

и только в Азии мы сможем одержать победу и ослабить противника»¹. Выдающийся английский политический деятель У. Гладстон отмечал, что даже такой человек, как Г. Роулинсон, которого многие считали «трубадуром русофобии», писал о том, что «русское завоевание Средней Азии явилось триумфом цивилизации, одержавшей победу над средневековой дикостью, и не усматривал в нем никакой угрозы для Британской Индии»². Исследователь Т. Очирова пишет о том, что включение Туркестана в состав Российской империи «завершило территориальное объединение Евразии»³. О. Лэттимор считает, что «Россия образовала единую в территориальном отношении империю в Азии. В итоге, она создавала и единую нацию, сделав ее хозяйкой империи»⁴.

На фоне вышеприведенного нам хотелось бы отметить то, что соответствует теме нашего исследования, – отношение русской власти к мусульманской религии в завоеванной Центральной Азии в контексте геополитических реалий того времени. Безусловно, присоединение региона к империи изменило его, поскольку Россия вошла в мусульманский мир Туркестана и, можно сказать, «растворилась» в нем. Отношение к «генеральной» религии Центральной Азии – исламу было исключительно уважительным. Военный губернатор Туркестанской области, образованной еще 12 февраля 1865 г.⁵, генерал-майор М. Г. Черняев после взятия Ташкента летом того же года встретился с местным мусульманским духовенством и подписал с ним договор, согласно которому он «обязывался сохранить в неприкосновенности ислам и все его институты, не вмешиваться в

¹ д'Анкокс Э.К. Николай II. Расстрелянная преемственность / Пер. с фр. М., 2006. С. 28-29.

² Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan with her tracts. Leipzig, 1876. P. 388.

³ Очирова Т. Геополитическая концепция евразийства // Общественные науки и современность. 1994. № 1.

⁴ Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia. Boston, 1950. P. 21.

⁵ Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184.

религиозную жизнь «туземного» населения и деятельность мусульманского духовенства. Последнее, в свою очередь, обязывалось проявлять полную лояльность по отношению к русским властям. В последующем, на основании договора, М.Г. Черняев обратился к местному населению с «Воззванием», в котором призывал последнее строго следовать всем предписаниям ислама и угрожал наказанием за неповиновение»¹. Кстати, весьма положительно расценивал роль черняевского воззвания известный советский востоковед Н.А. Халфин². Либерализм исламской политики М.Г. Черняева не понравился военному министру Д.А. Милютину и оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому, которому подчинялась Туркестанская область. Они хотели прижать мусульманское духовенство, усматривая в нем основной генератор антирусских настроений. В итоге, М.Г. Черняева заменили в должности генерал-майором Д.И. Романовским, который, следуя указаниям Д.А. Милютина и Н.А. Крыжановского, образно говоря, наломал дров. Это вынудило главу ташкентского мусульманского духовенства – казы-каляна (верховного судью) Хакима-ходжу Ишанова обратиться с письмом к императору Александру II, в котором он грамотно и убедительно критиковал религиозную политику Д.И. Романовского. Хаким-ходжа обращал внимание и на роль религиозной политики М.Г. Черняева в геополитической сфере, указывая, что при нем «мусульманское население соседних владений само просилось перейти “под руку” России и тогда владения эти можно было и без войск забрать, но Романовский своими действиями отвратил мусульман от русской власти»³. Правительству пришлось убирать Д.И. Романовского во избежание роста недовольства местного мусульманства.

К этому времени проблема религии и геополитики в Центральной Азии особенно заботила царское правительство. Министерство юстиции указывало, что в 1860-1870-х гг. в Китайском Туркестане продолжалось мусульманское

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917... С. 53.

² Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 201-202.

³ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане... С. 55.

восстание против пекинского правительства. «При таких обстоятельствах, – отмечало оно, – представлялось весьма важным предупредить возможность соединения дунган и среднеазиатцев для взаимных действий, а между тем управление Туркестанской области, обязанное ожидать во всех случаях указаний из отдаленного Оренбурга, оказывалось недостаточно самостоятельным для принятия быстрых и решительных мер»¹.

Действительно, образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей – Семиреченской и Сырдарьинской – было вызвано указанными геополитическими опасениями царизма². В Китайском Туркестане полыхало восстание мусульман, в котором принимали участие «добровольцы» из среднеазиатских ханств, особенно Кокандского. Восстание могло перекинуться на территорию Западного (Русского) Туркестана, в котором царская власть за два года еще недостаточно окрепла. И движущей силой в таком случае должен был выступить ислам. Поэтому его роль в это время в российской геополитике в Центральной Азии была исключительно важной.

Представляется очевидным, что, присоединив Среднюю Азию, Россия вступила в новый фазис отношений с исламской религией в своей геополитике. Исследователь М.Ф. Муртазин утверждает, что мусульмане

¹ РГИА. Ф. 565 (Департамент Государственного казначейства). Оп. 7. Д. 29084 Дело об устройстве Судебной части в Туркестанском крае и Степных областях. Л. 3.

² Именной, данный Сенату – Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44831. С. 1150-1151; Именной, объявленный в приказе Военного Министра 14-го того же июля – Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1156-1164; Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года – Положение о военном управлении в областях Туркестанского военного округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1161-1164; Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года – Дополнение к Положению о военно-окружных управлениях по применению оного к Туркестанскому военному округу. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. СПб., 1871. № 44844. С. 1159-1161; Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 318-344.

царской России всегда имели разнородные связи с мусульманским миром¹. Зарубежные исследователи А. Беннигсен и М. Броксуп соглашались с ним, указывая, что «мусульмане Средней Азии были всегда связаны с остальным мусульманским миром. Русское завоевание не изменило существенно это положение и в конце XIX в. идеи, политические доктрины и личности ислама преодолевали всякие границы, продвигаясь в сторону Османской империи, Ирана и мусульманской Индии»². По их мнению, «попытки русской власти уберечь мусульман Туркестанского края от влияния извне были иллюзорными. Внешнее воздействие (татарское, турецкое, иранское и даже афганское) играло важную роль в политическом пробуждении мусульман Средней Азии»³. Безусловно, среднеазиатские ханства – Бухара, Коканд и Хива – до прихода России занимали свою нишу в региональной геополитике, имели давние связи с сопредельными странами и несколько отдаленной Турцией. Их объединял с ними общий религиозный – мусульманский характер государственности. Это обстоятельство, вместе с тем, не мешало им вступать в противоречия друг с другом, которые нередко выливались в кровопролитные и разорительные войны. И религиозный фактор, по сути, не играл здесь серьезной роли. Ведь и войны в Европе, в частности две мировые, были тоже, прежде всего, войнами между христианскими государствами. Участие в них мусульманской Турции и синтоистской Японии были из числа тех исключений, которые только подчеркивали исторически сложившиеся правила. Известно, какими напряженными постоянно были отношения между суннитской Турцией и шиитской Персией. В них религиозный фактор был более выражен, но их конфликт, по существу, был тоже именно мусульманским, а не каким-либо другим. Среднеазиатские ханства не

¹ Муртазин М.Ф. Мусульманская умма России как составная часть исламской цивилизации / Мусульмане России накануне XXI века: Сб. ст.: Мат-лы науч. конф. (Москва, 6 сентября 1997 г.). М., 1998. С. 9.

² Bennigsen A., Broxup M. The Islamic threat of the Soviet Union. London-Canberra, 1983. P. 3.

³ Там же. С. 23.

утратили полностью своего геополитического статуса даже после того, как были превращены в российские протектораты.

Кокандское ханство пало в 1876 г. под ударами освободительной борьбы кыргызов. Но Бухарское и Хивинское ханства продолжали поддерживать разного рода связи с сопредельными исламскими странами и народами и с отдаленной Турцией. Таким образом, Россия должна была учитывать это обстоятельство в своей геополитике в регионе. Но не только его. Известный российский исламовед, туркестанец Н.П. Остроумов прогнозировал, что столкновение с «китайско-индийско-мусульманским» миром неизбежно, так как *«старинная борьба ислама с христианством далеко еще не окончена»*¹ (курсив автора. – А. С.). Он отмечал, что движение России в Средней Азии рассматривается мусульманским миром как «движение христианства в странах мусульманских»².

С любопытными мнениями выступали зарубежные ученые и политики. Англичанин А. Краусс писал о том, что, «выступая как христианская империя, миссия России, если такое понятие вообще применимо для нее, должна свестись, прежде всего, к христианизации завоеванных ею народов Средней Азии, а затем к образованию их и усовершенствованию нравов при помощи методов, общепринятых среди цивилизованных наций, имеющих дело с варварскими племенами»³. В его мнении было нечто провокационное, но при этом он признавал, что за всё время управления Россией Туркестаном «не было никаких попыток проповедовать Слово Господне среди среднеазиатских народов»⁴. Небезызвестный британский политик Дж. Керзон отмечал, что «русский режим в Средней Азии не допускает никакой антиисламской пропаганды и запрещает обращение мусульман в христианство. Такая религиозная политика русских властей выгодно отличается от действий

¹ Остроумов Н.П. Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888. С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Krausse A. Russia in Asia: A record and a study. 1558-1899... P. 139.

⁴ Там же.

англиканской церкви в наших колониях, чья миссионерская активность является просто поразительной, поскольку жаждет создавать христианских неофитов даже там, где они пока еще не стали британскими подданными»¹. Англичанин А. Марвик указывал, что в Туркестане «у русских миссионеров нет: они к этому не прибегают. Они хотят приобрести доверие покоренных народов, не противореча им ни в их верованиях, ни в их обычаях»². Следует отметить, что мусульмане Центральной Азии с пониманием относились к религиозной политике царской власти в регионе и по-своему оценивали ее. Исследователь П. Зенков писал, что «азиатские народы к нам идут сами, а от нее (от Англии. – А. С.) отворачиваются с негодованием»³.

Генератор российских имперских геополитических амбиций – Министерство иностранных дел проявляло глубокий интерес к исламскому миру. Оно отмечало: «Как бы ни были сложны и многообразны проявления мусульманства, оно может специально интересоваться Министерство иностранных дел: 1) как действительная политическая сила, направляющая жизнь иностранных государств, особенно сопредельных с Россией; 2) поскольку оно может из очагов своих, расположенных за границей, оказывать влияние на настроение русских подданных; 3) насколько быт русских мусульман и воздействие на него со стороны государства могут отзываться на международных отношениях России»⁴. Понятно, что в данном случае речь шла именно о роли ислама в геополитических планах царской России в Центральной Азии. Мы полагаем, что при разрешении рассматриваемой нами проблемы взаимосвязи религии и геополитики в системе международных отношений России в Центральной Азии надо

¹ Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889. P. 393.

² Флыгин Ю.С. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867-1917) ... С. 57.

³ Зенков П. Туркестанская железная дорога в связи с другими экономическими вопросами края. М., 1881. С. 24.

⁴ РГИА. Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 133. Д. 472 – О пропаганде панисламизма. Л. 177.

исходить из того, что все их проявления были, образно говоря, насквозь пропитаны духом исламо-христианского соперничества. Оно имело исторический характер, однако после прихода России в указанный регион оно стало фактом бытия, рефлексией которого были все без исключения обстоятельства, в том числе, понятно, и геополитика. Всякое движение российской христианской цивилизации и власти в Туркестане неизбежно наталкивалось на мусульманский фактор. Поэтому любые геополитические замыслы царской России в регионе должны были обязательно приобретать религиозный – исламский «флёр». Документы (в том числе нормативно-правовые) свидетельствуют о том, что даже самые простые отношения между русскими и мусульманами в Средней Азии, казалось бы, не имеющие никакой связи с религией, тем не менее были конфессиональными по существу, так как их определяла соответствующая ментальность, выработанная на «оселке» своей многовековой веры и шариата. Достаточно почитать договоры России с мусульманскими странами (в том числе со среднеазиатскими ханствами), чтобы в том убедиться. Например, право консульской юрисдикции в Турции, согласно которой иностранные купцы-христиане были неподсудны мусульманским судам, а их дела рассматривались дипломатами своего государства, часто изображалось как насильственно навязанный европейцами принцип, тогда как оно было обусловлено особенностями законодательства Османской империи, не признававшего права иностранцев обращаться в мусульманский суд.

Безусловно, присоединение к России Центральной Азии было воспринято большинством мусульман региона негативно. Особенно исламским духовенством, которое уверовало в предписание Корана о том, что «ни за что Аллах не дарует неверным победу над верующими» (сура 4. Женщины, аят 141), несмотря на то, что до этого многие мусульмане в мире подпали под власть «неверных» – христианских правительств Англии, Франции, Голландии и других стран. Зарубежные исследователи А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькаже пишут о том, что «в России мусульмане были

лишены всякой возможности подняться на “священную войну” против своих завоевателей»¹. Однако российский исследователь А.К. Тихонов полагает, что в период присоединения Средней Азии – 1860-1870-е гг. – «основным проводником идей исламизма в России являлось мусульманское духовенство, оказывавшее заметное влияние на свою паству. Оно призывало не выполнять предписания властей о переписи населения, несении воинской повинности, соответствии количества мечетей численности мусульман, препятствовало развитию светского образования, использовало хадж для распространения среди паломников религиозного радикализма, поддерживало у верующих представление об Османской империи как главном мусульманском государстве мира»².

Конечно, мусульманское духовенство России могло втуне, скрытно, латентно и т.д. не любить ни Россию, ни русских, ни христианство, ничто иное, но вряд ли оно могло «призывать» к тому, о чем пишет Тихонов. Призывать – это значит говорить о чем-то громко, открыто, решительно и смело. Но можно ли представить себе, чтобы в самодержавной России кто-то мог безответственно и безнаказанно призывать к чему-то запрещенному властями. Исподволь, втихомолку, в узком кругу и шепотом – это да. Но открыто «призывать» – это сомнительно. Это – первое. Второе. Нельзя полагать, что все мусульманские «священники» и их паства не любили Россию и русских и слепо благоговели перед далеким и чужим правителем – турецким султаном. Выдающийся русский военный деятель А.Н. Куропаткин указывал, что первое испытание российская система управления Туркестаном прошла в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг.: «Султан и ныне считается духовным главой всех мусульман. Его эмиссары явились в Туркестан и пробовали поднимать население, но во всё время войны всюду всё туземное население

¹ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C. Islam in the Soviet Union. London, 1967. P. 32.

² Тихонов А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860-1870-е годы // Отечественная история. 2007. № 3. С. 61.

оставалось совершенно спокойно»¹ (подчеркнуто автором. – А. С.) Исследователь В.С. Кадников отмечал, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. китайские каратели как раз добивали мусульманских повстанцев в Восточном Туркестане, которые побежали от них не в единоверную Турцию, а на территорию христианской России².

Вместе с тем никто из дореволюционных знатоков Центральной Азии не преувеличивал доверие мусульман региона к чужой власти. Известный российский востоковед В.В. Григорьев писал о том, что «христианское государство никогда не должно полагаться много на преданность мусульманских подданных своих»³. Мусульманские выступления в Центральной Азии против царской власти имели место. Например, в 1872 г. в Ходженге. В 1880-х гг. было так называемое движение «джетым-ханов» (лжеханов), однако оно не приняло размах «священной войны» против «неверных», то есть русских, хотя такого рода призывы в среде повстанцев были распространены. А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькаже указывают, что «только в Туркестане прямое влияние ваххабитов вызвало попытки устроить “священную войну” во время беспорядков в Андижане 1898 года»⁴. Туркестановед П. Галузо писал в 1929 г. о том, что в период завоевания Средней Азии «газават был лозунгом революции и потому, что в нем содержался призыв борьбы против наступающих русских, и потому, что он отражал необходимость объединения всей Средней Азии для этой борьбы»⁵. При этом он отмечал, что в XX в. газават стал «лозунгом совершенно реакционным»⁶.

¹ Куропаткин А.Н. Россия для русских: Задачи русской армии. Т. 2. Задачи армии, не связанные с русской национальной политикой... С. 109.

² Кадников В.С. Из истории кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. Июнь. С. 901.

³ Григорьев В. О русских интересах в подвластных оседлых странах Средней Азии (Письмо к редактору «Москвы») // Москва: Газета политическая, экономическая и литературная. 1867. № 53. 8 марта.

⁴ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C. Islam in the Soviet Union... P. 32.

⁵ Галузо П. Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими // Революция в Средней Азии: Сб. Т. 2. Ташкент, 1929. С. 97.

⁶ Там же.

Мы полагаем, что не следует гиперболизировать фанатизм туркестанских мусульман и представлять их совершенно невежественными в религиозном отношении. Даже на уровне бытового религиозного сознания они знали о единых корнях ислама и христианства. Поэтому неудивительно, что в российский период мусульмане региона охотно покупали в магазинах Библейского общества, устроенных немцами-меннонитами, сотнями Библии и Евангелия на «туземных» наречиях, что подтверждается архивными документами¹. Современный узбекский историк Р.М. Абдуллаев пишет о том, что «в вопросах религии наиболее образованная часть национальной элиты выступала за освобождение религиозных воззрений от косности, пыталась вернуть Исламу его общечеловеческую привлекательность и гуманистическую ценность»². Неоднозначным было отношение мусульманской элиты к царской власти. Известный мусульманский деятель России Измаил-бей Гаспринский писал в 1881 г. в брошюре «Русское мусульманство»: «Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы одну минуту сомневался в блестящем будущем моего Отечества и живущего в нем мусульманства. Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства»³. Депутат III Государственной думы от крымских татар Мирза Муфти-заде с ее трибуны в мае 1909 г. горячо благодарил царское правительство за его «исламскую» политику, позволившую после Манифеста от 17 апреля 1905 г.⁴ крещеным татарам вернуться в лоно веры предков. В то же время депутат от казанских татар С. Максудов в речи на заседании III Думы резко критиковал указанную

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917... С. 221-222.

² Абдуллаев Р.М. Туркестан в 1917 году: формирование нового политического контекста // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 11 мая 2007 г.): Сб. мат-лов. Ташкент, 2008. С. 300.

³ Багин С. О пропаганде ислама путем печати. Казань, 1909. С. 4.

⁴ Манифест – Об усовершенствовании государственного порядка. 17 октября 1905 года // ПСЗРИ-3. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26803. С. 754-755.

политику царизма и требовал для мусульман большей свободы и автономии¹. Гаспринский писал в 1907 г. в ташкентской газете «Туджор» («Купец», № 15, 14 декабря): «Мусульмане не должны устраивать против России революцию и стать предателями в ее глазах»².

Вообще, мы разделяем мнение о том, что «до 1917 года мусульмане Российской империи обладали богатыми культурно-философскими традициями, развивалось классическое исламское богословие, мусульманское просветительство»³. Известный православный публицист, епископ Алексей (Дородницын) писал в 1910 г. о том, что III Всероссийский мусульманский съезд «сообщил мусульманскому обществу тот импульс, благодаря которому оно стало прилагать усиленные заботы о народном образовании», распространении мусульманской литературы, прессы и т.п.⁴. Однако российский ислам по определению не мог поддерживать все геополитические замыслы царского правительства. Так, например, III Всероссийский мусульманский съезд (Нижний Новгород, 1906) поддержал прогрессивные революционные преобразования в шиитской Персии⁵. Военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант А.С. Галкин писал во «всепопданнейшем» отчете за 1912 г. о том, что во время событий на Балканах мусульманское население вверенной ему области «было на стороне единоверной Турции»⁶. Поэтому, характеризуя ситуацию в Туркестане, генерал А.Н. Куропаткин писал в 1910 г.: «В религиозном отношении ныне мусульманское население спокойно, но на почве религиозного возрождения еще возможны попытки населения сбросить с себя господство русской

¹ Алексей (Дородницын). Воинствующий ислам. М., 1914. С. 16.

² Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. М.: Политиздат, 1982. С. 114.

³ Аль-Мансури И. Мусульманские обряды и праздники. М.: Ленон, 1998. С. 2.

⁴ Алексей (епископ). Современное движение в среде русских мусульман. Казань, 1910. С. 21.

⁵ III Всероссийский мусульманский съезд. – Казань, 1906. С. 17.

⁶ ЦГА Каз. Ф. 44 (Семиреченское областное правление). Оп. 1. Д. 13748 – Всепопданнейший отчет начальника Закаспийской области за 1912 год. Л. 63 об.

власти»¹. И такого рода попытки имели место. Так, например, в 1916 г., в самом начале всеобщего регионального восстания, четыре ташкентских казия: Арифхан Шариф Ходжаев, Сеид Махмуд-хан Мухамеддин Казиев, Ходжа Абдумалик и Магды-хан Бакихан – послали секретное письмо афганскому эмиру, в котором отмечали, что для газавата («священной войны») против русских «пришел самый подходящий момент», чтобы уничтожить неверных и превратить страну «в мусульманское государство во имя Пророка и самого Бога»². Безусловно, это была частная инициатива группы мусульманских фанатиков, однако были и групповые инициативы. Начальник Туркестанского Районного охранного отделения Отдельного корпуса жандармов полковник Волков докладывал 19 апреля 1916 г. «товарищу» (заместителю) министра внутренних дел, директору Департамента полиции, сенатору Белецкому о том, что ишаны в Туркестане ведут активную пропаганду против России. Их поддерживают в этом матдахи, которые в разных местах поют песни в поддержку Турции³. Кстати, очень подробно о вредоносной антирусской деятельности ишанов и матдахов, писал в одной из своих монографий российский исследователь В.П. Литвинов⁴.

С началом первой мировой войны геополитическая ситуация в Центральной Азии, разумеется, изменилась. Соответственно, должно было измениться и отношение местного ислама в ней. Так, бывшие противники – Россия и Англия выступали теперь в войне как союзники. Германия и Турция, на которую всегда взирали с надеждой многие мусульмане Туркестана, тоже стали союзниками и противниками метрополии – России. Пришло время,

¹ Куропаткин А.Н. Россия для русских: Задачи русской армии. Т. 2. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой... С. 147.

² Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 301.

³ ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции МВД). ДП. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 Туркестанское генерал-губернаторство. Области. Донесения начальника Туркестанского Районного охранного отделения и заведующих розыскными пунктами в г. Асхабаде и Верном. Л. 179 об.

⁴ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени) ... С. 220-240.

когда религия вообще приблизилась к геополитике, а на наш взгляд, она фактически слилась с ней. По всей Российской империи в православных храмах, католических костелах, протестантских кирхах, еврейских синагогах, мусульманских мечетях и т. п. молились за победу русского оружия. Всё это должно было учитываться и исламским духовенством Туркестана. Профессор П.П. Литвинов пишет о том, что с началом войны в мечетях Центральной Азии «муллы практически повсеместно в присутствии администрации произносили проповеди “за победу русского оружия”. Под их воздействием, но не без участия российских и «туземных» властей, верующие-мусульмане уже к августу 1914 г. собрали “на победу” 43155 руб.»¹. Молились за победу русского оружия в мечетях и в ходе войны. Был образован Мусульманский дамский комитет для сбора денег, одежды и белья для раненых, однако результаты его деятельности были более чем скромными. Начальник Туркестанского Районного охранного отделения Отдельного корпуса жандармов подполковник Славин докладывал 26 октября 1915 г. «товарищу» министра внутренних дел, директору Департамента полиции, сенатору Белецкому: «Сердечного отношения сартов к русским в смысле оказания помощи в деле успешного окончания войны у них, конечно, нет, и все их пожертвования, в общем достаточно значительные, являются крохами в сопоставлении с действительным благосостоянием массы населения, среди коего миллионеры насчитываются десятками (Ташкент, Андижан, Скобелев, Коканд и т.д.), а люди вообще богатые – тысячами»². Указанные пожертвования мусульман на нужды войны не были прецедентами. Так, например, кыргызы Токмакского и Иссык-кульского уездов Семиреченской области жертвовали лошадей на нужды русской армии в войне с Турцией в 1877-1878 гг.³ Кыргызы вообще были весьма отзывчивыми на призывы

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917... С. 78.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 – Туркестанское генерал-губернаторство. Области. Донесения начальника Туркестанского Районного охранного отделения и заведующих розыскными пунктами в гг. Асхабаде и Верном. Л. 26.

³ Известия и заметки // Туркестанские ведомости. 1878. № 7.

русских властей и охотно жертвовали на устройство школ, больниц, сооружение сельских дорог и т.п. В 1878 г. сообщества кыргызов Иссык-кульского уезда Семиреченской области приняли «приговоры» о сборе средств «по 1 рублю с каждой кибитки на приобретение морских судов Добровольного флота»¹.

Религиозный фактор, естественно, оставил свой след и в восстании 1916 г., однако, по нашему убеждению, его характер не был религиозным. Главными причинами движения были социально-экономические. Даже американский исследователь О. Лэттимор пишет о том, что «было известное единство интересов между левым крылом националистов Туркестана и большевиков, которые стремились уничтожить не только царизм, но и общество, которое поддерживало его и эксплуатировалось им»². Он отмечает, что поскольку царизм и национальные элиты региона были союзниками, то и трудящиеся-азиаты «были настроены не столько против русских, сколько против царизма и его приспешников – собственных эксплуататоров»³.

Содержание данного раздела диссертации позволяет свидетельствовать о том, что связи России с исламским миром Центральной Азии сложились в глубоком прошлом. После падения Византии Россия стала главой христианского православного мира. Идея защиты православия стала важным пунктом в ее геополитике на мусульманском Востоке. Под религиозным знаменем Россия присоединила «татарские» ханства в XVI в., позже вела войны с Турцией и Персией. В своей геополитике она не только не порицала ислам, но использовала его в своих интересах. Россия способствовала усилению исламизации номадов Казахстана, полагая использовать казахов в качестве «медиума» в своем устремлении в сторону мусульманской Центральной Азии. Присоединение этого региона проходило также под религиозными лозунгами освобождения русских православных пленников в

¹ Известия и заметки // Туркестанские ведомости. 1878. № 25, 27 июня.

² Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia. Boston, 1950. P. 21.

³ Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia...

ханствах Туркестана, однако на самом деле царское правительство было движимо торгово-экономическими интересами и желанием упредить захват рыночного пространства региона англичанами.

Религиозная политика царизма в Центральной Азии имела геополитические последствия. Хотя ее издержки приводили к мятежам мусульманского населения, но в то же время сблизили их с революционной борьбой народов империи. Поэтому сегодняшний уровень связей России с независимыми мусульманскими государствами Центральной Азии, их содержание во многом было подготовлено не только во времена советского общесоюзного экономического сотрудничества, но именно в дореволюционный период. Союз мусульманских стран региона с многоконфессиональной (но, в основном, христианской) Россией, безусловно, влияет на их роль и место в современной геополитике как в Центральной Азии, так и в глобальном масштабе, в том числе, разумеется, в контактах с исламским миром. В свою очередь, Россия через связи с государствами Центральной Азии по-прежнему сохраняет свое влияние в указанной геополитике, причем его исторически сложившееся религиозное содержание вряд ли подлежит какому-либо сомнению. Таким образом, религия и геополитика в Центральной Азии по-прежнему демонстрируют известную органику единства в тех или иных внешнеполитических акциях глобального формата, и она имеет, на наш взгляд, неплохие перспективы роста.

ГЛАВА 2. ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СОПЕРНИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1. Исламский фактор как инструмент противодействия России в геополитике Великобритании

Роль религии в геополитике в Центральной Азии нельзя сводить только к противостоянию православной России с мусульманским миром региона. Среди ведущих участников так называемой «Большой игры» – борьбы за приоритет в Центральной Азии – были Британская и Российская империи, которые являлись государствами, представлявшими христианскую мировую цивилизацию. Кроме многих разного рода противоречий в мировой геополитике между ними существовали и религиозные, поскольку Россия представляла православный (восточный) тип христианства, а Великобритания – протестантский (западный). Этот фактор различия не принадлежал к числу важнейших, но не учитывать его было бы ошибочным, поскольку он, в конечном счете, определял тип государственности и характер ее действий как во внутренней политике, так и во внешней, устанавливая логику геополитических маневров.

Зарубежные исследователи Ф. Скрайн и Э. Росс писали о том, что «отношения между религией и государством в России намного теснее, чем в Англии»¹, и отмечали, что «своим спокойным существованием императорская власть в России обязана столь же много православной церкви, сколь и самодержавным амбициям своих государей»². В Англии, в отличие от России, религия была отделена от государства, однако и здесь она играла важную роль в геополитических «играх» лондонских политиков. Англиканские миссионеры

¹ Skrine F. G. and Ross E. D. The Heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899. P. 348.

² Там же.

работали и в мусульманских странах, о чем писал турецкий исследователь О. Карабийик¹. Религиозное (христианское) единство России и Великобритании неизбежно должно было сказываться и на их противостоянии с мусульманским миром. Как представители христианской цивилизации, несмотря на все противоречия между ними, перед лицом исламской ойкумены они должны были искать пути согласия. И находили. Зарубежный исследователь Дж. Аддисон справедливо отмечал: «Как результат европейских завоеваний, большая часть мусульманского мира частично или полностью подпала под контроль христианской цивилизации»². Он считал, что именно «поэтому дух национализма и панисламизма был возбудителем большинства мусульманских движений и основным ключом к пониманию их сути»³. Еще до взятия русскими Ташкента Арминий Вамбери писал: «Нечего сомневаться в успехе предприятий русских в Средней Азии... Интересы цивилизаций должны заставить нас пожелать полного успеха русскому оружию»⁴. Зарубежный исследователь Д. Ливен указывает, что бывший деятель туркестанской администрации В. Череванский отстаивал в Государственном совете мнение о том, что «царская Россия имеет важную историческую заслугу в отодвижении исламского влияния от границ Центральной Европы к Памиру и монгольским границам. Ослабление ислама способствовало росту влияния мировой культуры, поскольку своим природным обскурантизмом он хотел отдалить от нее народы насколько возможно, и это было выгодно для Европы даже больше, чем она себе это представляла»⁵. Зарубежный исследователь Г. Элдер пишет о том, что «обе державы – Британия и Россия имели у себя мусульман-подданных и их реакция на те или иные протурецкие или антитурецкие движения должна была

¹ Карабийик О. Религия ислам. Стамбул, 2004. С. 131.

² Addison J. Th. The Christian approach to the Moslems. New York, 1942. P. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии: Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. С. 222.

⁵ Lieven D. Russian rulers under the old regime. New Haven and London, 1989. P. 200.

учитываться как русскими, так и англичанами»¹. Он отмечает, что «британские и русские политики откровенно плели интриги среди мусульман, расценивая их как законное оружие во взаимном противоборстве за гегемонию в Азии»².

В рассматриваемый период Великобритания оставалась лидером экономического развития в мире. Индекс промышленного развития Англии превышал все соответствующие показатели других развитых стран Европы и США. Колониальные владения Англии продолжали расширяться. В течение последней трети XIX в., когда Россия присоединяла Центральную Азию, они увеличились с 20 млн кв. км до 33 млн, а население – с 200 млн человек до 370 млн. Подобно России, Великобритания была многонациональной и поликонфессиональной империей. Исследователь Ю.В. Тихонравов цитировал слова одного из английских политиков: «Существование рядом враждебных религий является одним из наиболее выигрышных козырей в нашей политике в Индии»³. Из этого следует, что англичане умели разыгрывать религиозную карту в своей геополитике, преимущественно натравливая одни конфессии против других. Такая религиозная политика проводилась англичанами, например, в крупнейшей колонии – Индии. Специалисты указывают, что «до прихода британских колонизаторов религиозные противоречия, как правило, не имели непримиримого характера. Однако религиозная ситуация в Индостане могла быть при определенных условиях использована для разжигания розни между индусами и мусульманами»⁴.

Англия в исследуемый период претендовала на мировой гегемонизм. Британский исследователь А. Колкахаун писал о том, что «европейские державы и Америка встают на всё более твердую основу в международных

¹ Alder G.J. British India's Northern frontier. 1865–1895: A study of imperial policy. London, 1963. P. 62.

² Там же. P. 62.

³ Тихонравов Ю. В. Судебное религиоведение. М., 1998. С. 129.

⁴ Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки... С. 48.

отношениях, поэтому Великобритания должна тверже отстаивать свои права и преимущества в мире, если она хочет сохранить свое место в ряду великих наций»¹. В рассматриваемый период геополитические интересы Англии присутствовали во всех частях планеты, не исключая, понятно, и исламского мира.

Авторитетные специалисты отмечают, что, «используя ранее созданные колонии в Азии, прежде всего Индию, Англия продолжала укреплять и расширять свои позиции в этой части света»². В начале XIX в. английские разведчики начали совершать первые вылазки в сторону мусульманской Центральной Азии. О. Лэттимор указывает, что английские агенты часто посещали среднеазиатские ханства до прихода русских в регион. Таким был Мир Иззет Уллах, побывавший в Туркестане в 1812-1813 гг. Х. Дэвис писал о том, что в задачу Мир Иззет Уллаха входило «обнаружить основные пути, по которым русские торговцы могут связываться с ханствами, Китаем, Афганистаном и Пенджабом»³. Он указывал, что английский разведчик Муркрофт «надеялся изучить возможности захвата для британских промышленников значительной доли в торговле со Средней Азией и западными провинциями Китая»⁴. В 1830-х гг. на Памире побывал Джон Вуд, который «также исследовал торговые пути, соединяющие Оксус (Среднюю Азию) с Китайским Туркестаном, и перекрестки, которыми армия может достигнуть Афганистана и среднего течения Оксуса»⁵. А.В. Белоглазов пишет о том, что «в первой половине XIX в. к традиционным политическим процессам в Центральной Азии добавился еще один, глобальный геополитический способ – “Большая игра”, т. е. соперничество Британской и

¹ Colquhoun A.R. The problem in China and British policy. London, 1900. P. 10.

² Новая история (второй период). М., 1976. С. 52.

³ Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia... P. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же.

Российской империй»¹. Об этом весьма подробно писал известный российский профессор П.П. Литвинов². Зарубежный исследователь М. Эдвардс указывает, что выражение «Великая игра» было обнаружено историком Британской империи Джоном Вильямом Кейсом в бумагах Артура Конноли, казнённого в Бухаре в 1842 г. Он отмечает, что «Великая игра» охватывает более столетия общественных драм и личных трагедий, одиноких смертей в диких местах. Это был сценарий, составленный безжалостно, очень хорошо отработанный, в соответствии с викторианской концепцией имперской романтики»³.

Однако нас интересует вопрос, относящийся к теме данного исследования: участвовала ли религия в геополитических расчетах участников «Большой игры» в Центральной Азии. А.В. Белоглазов считает, что «исламский фактор учитывался обоими основными участниками “Большой игры” в Центральной Азии. Ради того, чтобы перетянуть местных правителей и политические элиты на свою сторону, каждая из империй – и Российская, и Британская – демонстрировали уважительное отношение к исламу... Однако если в России действительно уважительно относились к исламу, то британцы преуспели более в имитации приверженности к нему»⁴. Он отмечает, что в условиях англо-русского соперничества в регионе центральноазиатские ханства «проводили “многовекторную” политику, пытаясь ориентироваться сразу на обе стороны»⁵. Это мнение трудно оспаривать – оно является само собой разумеющимся, поскольку ни один политик в своих планах не может не учитывать фактор господствующего в той или иной стране религиозного мировоззрения.

¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань, 2013. С. 85.

² Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. ...

³ Edwardes M. Playing the Great Game: A Victorian cold war. London, 1975. P. VII.

⁴ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии... С. 88.

⁵ Там же.

Британский генерал-майор, деятель англо-индийского правительства, русофоб Г. Роулинсон любопытствовал: «Интересно будет узнать, что получится у христианского государства в деле установления порядка и цивилизации в Средней Азии, где ему противостоит масса невежественного, озлобленного, беспокойного и фанатичного мусульманского населения»¹. Он считал, что России надо дать свободу в Центральной Азии во имя будущего союза России и Англии на всем азиатском континенте².

Учитывался ли религиозный (исламский) фактор в геополитических намерениях Великобритании? Безусловно. О. Лэттимор пишет: «Более важным было то обстоятельство, что политика правительства Британской Индии по отношению к народам Средней Азии была окрашена концепцией исламского фронта против России»³. А.В. Белоглазов отмечает, что «в период Крымской войны 1853-1856 гг. Великобритания старалась использовать Турцию для натравливания центральноазиатских государств на Россию под лозунгами борьбы с неверными. Так, в конце 1853 г. в различных районах Центральной Азии появились эмиссары Османской империи. Они привезли воззвания турецкого султана, который призывал Бухару, Хиву и Коканд к нападению на Российскую империю»⁴. Поэтому кокандцы напали на форт Перовский, но их отбросили. Белоглазов дает в книге специальный раздел: «Исламский фактор в процессе присоединения Центральной Азии к России во второй половине XIX в.»⁵.

Одним из серьезных пунктов англо-русских противоречий в Центральной Азии был, конечно, вопрос о «русской угрозе» Индии. Российский исследователь П.П. Литвинов пишет о том, что уже в 1870-х гг. в

¹ Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. London, 1875. P. 277.

² Там же. P. 270.

³ Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia... P. 34.

⁴ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии... С. 87.

⁵ Там же. С. 89.

Лондоне «всё чаще заговаривали о “русской угрозе” Британской Индии. Об этом же трубила и английская пресса. Самые невероятные домыслы должны были убедить общественное мнение в том, что имперским интересам в Азии реально угрожает “русский медведь”. Сообщалось, например, что... генерал М.Д. Скобелев разработал план наступления на Индию и возглавит войска, которые двинутся к “жемчужине британской короны” через Алай, Памир и Гиндукуш»¹. Он отмечает, что «наиболее трезвомыслящие политики Великобритании выражали сомнение на этот счет»².

Безусловно, может возникнуть вопрос о том, имела ли «русская угроза» Британской Индии какое-либо отношение к рассматриваемой нами главной проблеме исследования, то есть к соотношению религии и геополитики в регионе Центральной Азии. Безусловно, имела. В Индии жили десятки миллионов индусов и миллионы мусульман. Они были недовольны политикой колонизаторов-англичан и нередко восставали против их власти. Индусские раджи и мусульманские правители, подчиненные английской власти, посылали своих представителей в Россию, в Туркестанский край с просьбами о подданстве. Таким образом, на наш взгляд, английские колониальные власти, вспоминая о «русской угрозе» Британской Индии, более опасались не только территориальных потерь, но и религиозно консолидированных выступлений угнетенных масс – индусов, мусульман, сикхов, джайнов и др., которые знали о том, как живут «туземцы» на российских территориях Центральной Азии. Поручик А.И. Выгорницкий, командированный в Индию для изучения языка «хиндустани» (то есть хинди и урду), в 1897 г. представил записку, в которой отмечал, что «англичане сознают невольное тяготение индусов к России и стараются как можно сильнее очернить ее и наше правительство, не гнушаясь никакими средствами... Специально для народа издаются книги с целью выставить Россию в самом неприглядном свете»³.

¹ Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. ... С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Русско-индийские отношения в XIX в.: Сб. архив. док-тов и мат-лов. М., 1997. С. 309.

Дореволюционный исследователь Б.В. Станкевич отмечал, что англичане печатали в Британской Индии прокламации религиозного характера, якобы отправляемые из Мекки мусульманам Туркестана, в которых те призывались к борьбе против русских. Листовки несли с собой в Центральную Азию британские агенты – мусульманские дервиши¹. Зарубежный исследователь Г. Элдер пишет о том, что «англичане в такой политике всегда исходили из того соображения, что Россия имеет у себя достаточно много ненадежных мусульманских подданных»². Видный советский востоковед Н.А. Халфин указывал, что восставшим кокандцам оказывали большую помощь извне. Он отмечал: «Англичане и турки уделяли много внимания пропаганде вражды к России в Кокандском ханстве»³. Таким образом, англичане всячески старались использовать религию для достижения своих геополитических целей.

Английские разведчики Ф. Скрайн и Э. Росс писали: «Индусы и мусульмане в Индии всегда готовы продолжать свою борьбу против англичан, что сдерживается их военным присутствием, однако именно из-за штыков, на которых и держится наша власть, она когда-нибудь неизбежно падет»⁴. Дж. Керзон признавал, что «русский режим в Средней Азии не допускает никакой антиисламской пропаганды и запрещает обращение мусульман в христианство. Такая религиозная политика русских властей выгодно отличается от действий англиканской церкви в наших колониях, чья миссионерская активность является просто поразительной, поскольку жаждет создавать христианских неофитов даже там, где они пока еще не стали британскими подданными»⁵. Он указывал, что «русский режим в Туркестане

¹ Станкевич Б.В. По Памиру (Путевые заметки). СПб. 1904. С. 95.

² Alder G.J. British India's Northern frontier. 1865-1895... P. 69.

³ Халфин Н.А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50-80-е гг. XIX в.) ... С. 31.

⁴ Skrine F.G. and Ross E.D. The Heart of Asia: A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899. P. 413.

⁵ Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889. P. 391.

оставил нетронутыми все принципы и учреждения в традиционном мусульманском образовании»¹. Дж. Керзон особо отмечал, что русские власти не отменили даже вакуфы в пользу мусульманских учебных заведений.

Как известно, в 1878 г. Россия направила миссию генерала Н.Г. Столетова в Афганистан. После Кабула Столетов побывал в Индии. 19 февраля 1880 г. он писал военному министру Милютину о своей поездке туда, указывая, что англичане «сильнейше» ненавидят русских². При этом он отмечал, что России надо «совершенно отвлечь персов от англичан, в противном случае мы совершенно испортим наше положение на Востоке»³. Безусловно, здесь усматривается связь религии и геополитики, поскольку персы были мусульманами, а англичане – христианами.

Таким образом, как нам представляется, Англия не намеревалась вступать с Россией в открытый военный конфликт из-за Центральной Азии, но стремилась упрочить там свое влияние «мирными» средствами разведки, шпионажа и антирусской пропаганды, с тем чтобы обратить религиозный (исламский) фактор в регионе на пользу своим геополитическим интересам. Выше мы уже отчасти упоминали о работе английской разведки по проникновению в Центральную Азию. Однако она приобрела совсем иной характер после того, как Россия завоевала этот регион и поставила под свой контроль существовавшие там ханства. Если ранее английская разведка шла в мусульманскую «неизвестность», то теперь она действовала в исламском мире, подчиненном чужой и враждебной ей геополитической силе. Разведка была уже не «ознакомительной», а профессиональной и конкретной. Естественно, что в ее деятельности религия и геополитика находили должное выражение. Авторитетные специалисты свидетельствуют о том, что во время продвижения России в Средней Азии Англия действовала в контакте с Османской империей. Они пишут: «Английские и турецкие агенты

¹ Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question...

² Русско-индийские отношения в XIX в.: Сб. архив. док-тов и мат-лов. М., 1997. С. 245.

³ Там же. С. 246.

действовали от имени султана как “халифа правоверных” и разжигали религиозный фанатизм. Под знаменем защиты ислама они подстрекали реакционное мусульманское духовенство среднеазиатских ханств против России»¹. Указанные авторы отмечают, что «английские офицеры, иногда переодетые афганскими купцами, появлялись в Хиве и Коканде»². Они утверждают, что «после взятия Ташкента в Средней Азии еще более усилилась деятельность английских и турецких агентов»³. Это были люди, подготовленные для проведения рекогносцировочных, топографических, картографических и тому подобных работ.

Помимо них в Центральной Азии работали так называемые «пандиты» – разведчики из числа «туземцев» Британской Индии. Они вначале занимались сбором «мелочной» информации, а потому их сведения не имели научного характера. Англичане решили улучшить это дело и в 1864 г. открыли специальную школу для подготовки кадров «туземных» разведчиков, которые были бы обучены таким образом, чтобы давать более качественную в профессиональном отношении информацию. Однако это относилось преимущественно к топографическим занятиям, поскольку сбор политической информации и плетение дипломатических интриг они оставили за собой. Секретарь американского посольства в России Юджин Скайлер, путешествовавший по Туркестану в 1870-х гг., писал: «Один из моих спутников-индусов доверительно сообщил мне, что он получил некоторые секретные поручения от английских властей в Индии доносить им о положении дел в Ташкенте»⁴. Профессор П.П. Литвинов, подробно писавший о жизнедеятельности индусов в Туркестанском крае, отмечал, что они проживали здесь на постоянной основе, занимаясь преимущественно ростовщицеством, но «именно из их числа англо-индийские разведслужбы

¹ История дипломатии. Т. 1. М., 1959. С. 815.

² Там же.

³ Там же. С. 820.

⁴ Schuyler E. Turkistan: Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. 1. London, 1876. P. 185.

чаще всего рекрутировали шпионов»¹. Он отмечал, что штаб Туркестанского военного округа периодически проводил «чистки» среди индусов края и среднеазиатских ханств с целью выявления среди них английских агентов. «По мнению штаба, многие из них особенно и не скрывали свою причастность к разведывательной деятельности»². Заподозренные в шпионаже индусы высылались за пределы Туркестанского края. В «Сводке сведений о сопредельных странах, добытых разведкой» генерал-квартирмейстер Туркестанского военного округа генерал-майор Л.В. Федяй сообщал в 1911 г. в Главное управление Генерального штаба о том, что «по имеющимся сведениям, англичане имеют в Средней Азии прекрасных и дорого оплачиваемых агентов в лице пешаварских чайных торговцев в Бухаре, Самарканде и других городах, а также в лице приказчиков английских фирм, скупающих шерсть и ковры»³. Он отмечал, что «рост прошений от индусов на торговлю в Туркестанском крае является тоже знаком активизации английской агентуры в Туркестанском крае, а также в Бухарском и Хивинском ханствах»⁴. Вряд ли есть основания усомниться в том, что в данном случае религиозный фактор применялся в геополитических интересах Англии в Центральной Азии.

В начале 1891 г. между Англией и Россией обострился так называемый «памирский вопрос». Сами англичане не планировали захватывать территорию «Крыши мира», однако хотели разделить ее между мусульманским Афганистаном и конфуцианским Китаем. В ракурсе рассматриваемой нами темы «памирский вопрос» представляет интерес тем, что здесь два христианских государства – Россия и Великобритания – столкнулись с мусульманским миром Восточного (Китайского) Туркестана и Афганистана. Таким образом, взаимодействие религии и геополитики нашло в «памирском вопросе» достаточно рельефное выражение, к сожалению, не

¹ Литвинов П. П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.) ... С. 196.

² Там же.

³ РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб. Азиатская часть). Оп. 1. Д. 3954. Л. 37 об.

⁴ Там же.

всегда учитываемое исследователями. Но была еще одна важная геополитическая реальность: неподалеку находились рубежи буддизма – ламаистского Тибета. Особенно усилились слухи о русском нашествии на Тибет в 1902 г. Англичане, желая завладеть одним из важнейших буддийских регионов, устроили в 1903-1904 гг. военную экспедицию в Тибет. Этот поход означал подключение буддизма к реализации британцами религиозного фактора в своих геополитических планах в Центральной Азии.

Как известно, в 1898 г. царская власть в Центральной Азии была потрясена Андижанским восстанием. Есть основания полагать, что англичане были причастны к его подготовке, поднимая мусульман на борьбу за свои геополитические цели в регионе. Во всяком случае, английский разведчик Р. Коббольд был причастен к деятельности английской агентуры во время Андижанского восстания 1898 г. Он сам похвалялся в британской газете «Daily news» от 30 марта 1899 г. тем, что он был в Фергане в 1898 г., когда там вспыхнул мусульманский бунт в Андижане, причем в своей статье «Россия в Средней Азии» он намекал на то, что в это время он не сидел там без дела¹. В начале XX в. наблюдалась активизация посещения англичанами скрытно и легально разных местностей Центральной Азии². Туркменские советские историки Дж. Давлетов и А. Ильясов указывали, что англичане завели своих агентов даже среди туркменских мусульманских ишанов, которые активно проповедовали против России³. И в этом случае британская геополитика в Центральной Азии использовала религиозный фактор.

Поскольку Восточный Туркестан входил в состав Китая, а его население было фактически всё мусульманским, то англичане не могли не проявлять здесь своей геополитической активности, используя благоприятный исламский фактор. Безусловно, английские политические маневры в Восточном (Китайском) Туркестане нельзя отделять от общей геополитики

¹ Туркестанские ведомости. 1899. № 30. 18 апреля.

² ЦГА Узб. Ф. 19 (Ферганское областное правление). Оп. 1. Д. 9113. Л. 51.

³ Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972. С. 126.

Лондона по отношению ко всей Поднебесной империи. В Восточном (Китайском) Туркестане Англия проводила двойственную, лицемерную политику. С одной стороны, она признавала власть центрального пекинского правительства, придерживалась заключенных с ним договоров, однако с другой – поддерживала сепаратистские мусульманские восстания в Кашгарии, создала мусульманское государство Якуб-бека. В 1867-1868 гг. китайские власти сделали крупные займы у иностранных купцов в Шанхае, чтобы снарядить карательную экспедицию генерала Цзо Цзун-тана в Восточный Туркестан для подавления бушующего там мусульманского восстания, причем «это была только половина требуемой суммы, поскольку другую половину Цзэн Го-фан взял из налоговых поступлений»¹. Примечательно, что британские финансисты не дали китайцам ничего. Генерал Цзо Цзун-тан – каратель восставших мусульман Восточного Туркестана писал китайскому чиновнику Цзэн Янь-фу: «Когда я хотел занять деньги в Шанхае, британцы мне ничего не дали»². А проанглийская газета в Шанхае открыто писала о том, что «синьцзянская кампания должна быть предотвращена всеми возможными средствами»³. Однако О. Лэттимор указывает, что «англичане помогли финансировать китайские “силы умиротворения”, при помощи которых маньчжурские власти с 1867 г. начали постепенно организовывать возвращение контроля над восставшими северо-западными провинциями Китая. Это были первые иностранные займы, полученные Цинской империей»⁴.

П.П. Литвинов пишет о том, что после подавления мусульманских восстаний 1860-1870-х гг. Цинский Китай стал снова притязать на влияние в Центральной Азии и Англия «всячески подогревала эти притязания цинского двора»⁵. Английский исследователь А. Краусс писал о том, что Англия должна

¹ Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia... P. 270.

² Там же. С. 271.

³ Там же.

⁴ Там же. Р. 32.

⁵ Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. ... С. 21.

во всём, что творится в Китае, максимально противодействовать России, «поскольку это подвергает серьезной опасности наш режим в Индии, наши отношения с Персией и Афганистаном, кроме того, это может поощрить дальнейшие атаки России на наши позиции в Средней Азии»¹. При этом он подчеркивал, что «единственным эффективным инструментом, который должен использоваться Англией в данном случае, является только сила»². Краусс указывал, что «в Китае реально сталкиваются интересы России и Англии, а потому они вступили в борьбу между собой за усиление влияния в нем»³. Он отмечал, что «если Россия захочет захватить Кашгарию, то мы будем иметь ряд казачьих постов, стерегущих одну сторону Музтага, который простирается до Каракорумского хребта и формирует северную границу Ранджмата и Кашмира. Поэтому задача британской политики состоит в том, чтобы воспрепятствовать этому и предотвратить соприкосновение своих границ с русскими, в связи с чем следует присоединить Тагдумбаш – эту недавнюю цель английской политики на Памире»⁴. Это в Лондоне очень хорошо понимали. Зарубежный исследователь Г. Элдер пишет о том, что «еще в период перед русско-турецкой войной (1877-1878 гг. – А. С.) было совершенно очевидно, что султан попытается поднять Мусульманскую Лигу против России в Средней Азии, и потому англичане решили захватить Кашгар»⁵. Зарубежный исследователь А. Лэмб указывает, что в 1896-1898 гг. разведывательные службы Военного министерства Англии возглавлял Джон Ардаг, которому «казалось, что Китайский Туркестан должен скоро пасть под натиском России, в связи с чем Англии следует лучше всего подготовиться к этому событию»⁶. Ардаг писал в Форин-оффис 18 июля 1898 г.: «Кашгарский

¹ Krausse A. China in decay. London, 1900. P. 374.

² Там же.

³ Krausse A. Russia in Asia: A record and a study. 1558-1899... P. 292.

⁴ Там же. P. 306.

⁵ Alder G.J. British India's Northern frontier. 1865-1895: A study of imperial policy. London, 1963. P. 62.

⁶ Lamb A. Britain and Chinese in Central Asia: The road to Lhasa. 1767-1905. London, 1960. P. 238.

район уже грозит упадком и перед тем, как Россия поглотит его, мы должны постараться сохранить границу, которая будет сдерживать русских так далеко от нее, насколько это возможно. Присутствие русских может быть беспокойным для нас на Тагдумбаше и Каракоруме в такой же мере, в какой это наблюдается сейчас на севере от Читрала»¹. Он предлагал захватить буддийский Тибет, чтобы Россия не оказалась там раньше англичан. Лэмб отмечает, что тот был прав, так как лорд Керзон в свое время, оценивая Памирское соглашение 1895 г., отмечал, что «умиротворение на Памире не спасет ни Кашгара, ни Тибета»².

Факты свидетельствуют о том, что китайские власти Восточного Туркестана одинаково боялись и России, и Великобритании. Россию олицетворял генеральный консул Н.Ф. Петровский, имевший огромное влияние в Кашгарии. Ф. Янгхазбенд отмечал, что «когда он впервые посетил Китайский Туркестан в 1887 году, российский генеральный консул имел там превосходящие позиции во влиянии на китайские власти, поскольку там не было ни одного английского резидента»³. Китайская администрация Кашгарии побаивалась Петровского (то есть России) и нервно реагировала на действия англичан в регионе. Коббольд отмечал, что как только он прибыл в Кашгар, то тут же местный даотай получил «известие о том, что англичанин Дизи собирается устанавливать столбы вдоль границы Тагдумбаша»⁴. Он указывал, что старался успокоить китайцев, уверяя их, что Дизи не состоит на государственной службе и что он установил столбы на некоторых вершинах с тем, чтобы использовать их как ориентиры для измерительных наблюдений⁵.

Авторитет российского генерального консула в мусульманской Кашгарии действительного статского советника Н.Ф. Петровского раздражал англичан, и они хотели иметь там такого же своего представителя.

¹ Lamb A. Britain and Chinese in Central Asia: The road to Lhasa. 1767-1905...

² Там же. С. 240.

³ Skrine C.P. Chinese Central Asia. London, 1926. P. XV.

⁴ Cobbold R.P. Innermost Asia: Travel and sport in the Pamirs. London, 1900. P. 56.

⁵ Там же.

Зарубежный исследователь Р. Гандри указывал, что «в силу изменившихся обстоятельств представляется нетрудным получить санкцию Китая на учреждение постоянного дипломатического представительства Англии в Кашгарии»¹. И он был прав. В 1890 г. китайский амбань Кашгарии и лорд Лансдоун подписали англо-китайскую конвенцию в Калькутте². Гандри считал, что «британский консул в Кашгаре станет лучом света в темноте, которая сейчас окутывает всю политику в Средней Азии»³. Но он не стал им. Упоминавшийся нами выше английский шпион Коббольд признавал, что «к сожалению, русский генеральный консул имеет сильное влияние в Кашгаре, а британский представитель Маккартней – нет»⁴. А. Краусс отмечал, что помимо Петровского в Кашгарии есть еще только один «представитель великой державы – это английский офицер Маккартней – способнейший человек, который, однако, не имеет консульского звания»⁵. Но позже тот получил статус британского консула в Кашгаре. И англичанин Дизи писал в 1901 г. о том, что «сильные позиции, которые имеет британский консул в Кашгаре Маккартней, объясняются его прекрасными личными качествами, его большими дипломатическими способностями, его лингвистическими талантами, его быстротой в действии и, особенно, его необыкновенным знанием характера каждого народа, с которым он имеет дело»⁶. Любопытно, что при этом он не упоминал о таком факторе, как геополитическая мощь Англии, которая стояла за Маккартнеем в Кашгарии и Восточном (Китайском) Туркестане вообще. Последующий британский консул в Кашгаре Скрайн указывал: «Уважение, питаемое мусульманами к английскому консульству в

¹ Gundry R. S. China and her neighbors: France in Indo-China, Russia and China, India and Tibet. London, 1893. P. 305-306.

² Там же. P. XXI

³ Gundry R.S. China and her neighbors: France in Indo-China, Russia and... С. 306

⁴ Cobbold R.P. Innermost Asia: Travel and sport in the Pamirs... P. 254.

⁵ Krausse A. Russia in Asia: A record and a study. 1558-1899... P. XIV.

⁶ Deasy H.H.P. In Tibet and Chinese Turkestan: Being the record of three years of exploration. London, 1901. P. 295.

Кашгаре, приобретенное еще его основателем Джорджем Маккартнеем, есть результат 28-летней профессиональной и целенаправленной деятельности»¹.

Безусловно, общая палитра геополитических маневров России и Англии в мусульманском мире Центральной Азии была весьма красочна и замысловата. Религия должна была учитываться ими на каждом шагу геополитики. Противоречия между ними можно считать неоспоримыми. В Центральной Азии Россия и Англия как две христианские державы противостояли иному – исламу как главной религии региона, одинаково им чуждой. Поэтому возникает вопрос о том, насколько реально глубоки были геополитические антагонизмы Петербурга и Лондона в исламской Центральной Азии? Могли они затмить собой их общецивилизационную приверженность к другой религии? Выше мы писали о «Большой игре», указывая, что Россия и Великобритания были главными ее участниками. Но не были ли противоречия между ними в известной мере «игрой», предполагавшей сговоры, «поддавки», уступки и т.п.? Ведь, в конце концов, они стали союзниками в первой мировой войне. Если бы противоречия между ними были действительно антагонистическими, непреодолимыми, враждебными и т.д., и т.п., то, вероятно, они никогда бы не смогли достичь согласия между собой. Не подавил ли геополитический прагматизм обеих держав предрассудки общего конфессионального свойства ради подавления сопротивления чужой религии? Попробуем разобраться.

Англичанин Белью писал: «При таком различии влияний цивилизаций и варварства, может ли кто-нибудь не желать угнетенным государствам Центральной Азии благ хорошего правления, получают ли они его с севера (от России. – А. С.), или с юга (от Британской Индии. – А. С.), или с обеих сторон в справедливой пропорции»². Российский разведчик Б.Л. Громбчевский, посетивший Кашгарию в 1885 г., полагал, что недалеко то время, когда две

¹ Skrine C.P. Chinese Central Asia... P. 63.

² Белью Г.У. Кашмир и Кашгар: Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. СПб, 1877. С. 308-309.

державы – Россия и Англия соприкоснутся в Азии и наступит разделение рынков, которое, может быть, «совершится мирным, естественным путем»¹. Но даже в таком случае «преимущество будет на стороне того, кто лучше будет знаком со странами, подлежащими разделу»². Поэтому надо исследовать пограничную полосу, хотя и с риском для себя, но зато с «большой пользой для дела»³. Дореволюционный российский исследователь Н.А. Нотович указывал, что «вся традиционная политика Англии отжила свой век и сам Солсбери начинает понимать, что сближение с Россией есть единственное средство хранить Индию от русского вторжения»⁴. Зарубежные исследователи Скрайн и Росс отмечали, что «пример работы пограничных комиссий 1885 и 1895 годов свидетельствует о том, что Россия и Англия могут решать все проблемы в Азии мирным путем, обеспечивая сердечный союз между двумя величайшими державами в Азии»⁵. Известный российский дореволюционный исследователь Ф.Ф. Мартенс выступал за сотрудничество России и Великобритании в международных отношениях. Он указывал, что «отличительная черта цивилизации заключается в духе *совместной деятельности*. Ради одной высокой цели, тем более *сделаются прочными основы их господства над азиатскими народами*»⁶ (курсив автора. – А. С.). Он выступал против идеи об образовании «буфера» между Российской и Британской империей, указывая, что «прямое соседство, напротив, будет служить наилучшим залогом искреннего согласия между Россией и Англией насчет их взаимной политики в Азии»⁷. В итоге, он вновь призывал к сотрудничеству России и Англии в Азии⁸. Дореволюционный российский

¹ Громбчевский Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году. Нов. Маргилан, 1886. С. 125.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Нотович Н.А. Где дорога на Индию? М.: Техник, 1869. С. 83.

⁵ Skrine F.G. and Ross E. D. The Heart of Asia: A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times... P. 415.

⁶ Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880. С. 8.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Там же. С. 91.

исследователь А.П. Субботин писал о том, что Россия и Англия могут добиться стабильного сотрудничества между собой в Азии. Редакция журнала «Вестник Европы» писала по поводу «розовых» мечтаний А.П. Субботина: «Всё это было бы так, если бы вообще международные столкновения могли быть сведены к вопросам экономического соперничества»¹.

Мы полагаем, что в деле достижения англо-русского сотрудничества в Центральной Азии, несмотря на сохранение всех взаимных противоречий в этом регионе, имела Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. Она была заключена 18 августа 1907 г., а утверждена императором Николаем II 7 сентября того же года². По мнению В. Хаббертона, данная Конвенция «погрузила вопрос о взаимоотношениях России и Англии в Центральной Азии на достаточную глубину, пока события первой мировой войны опять не позволили ему всплыть на поверхность»³. Таким образом, он не считал, что англо-русская Конвенция 1907 г. поставила крест на «Большой игре» в Центральной Азии. Д.П. Сингхал отмечает, что англо-русская Конвенция 1907 г. о разделе сфер влияния в Афганистане, Персии и Тибете «явилась следствием объединения России и Англии перед лицом общей для них германской угрозы». По его мнению, «в данном случае русские использовали страх англичан перед Германией для своего усиления в Азии через столы европейских конференций»⁴. С ним соглашается К. Фрэзер-Тайтлер, полагающий, что англо-российское соглашение 1907 г. было достигнуто благодаря англо-русскому сближению в Европе. Он отмечал, что

¹ Субботин А.П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках // Вестник Европы. 1885. Т. VI. Кн. II. С. 447.

² Высочайше ратификованная Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. 7 сентября 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1910. № 29551. С. 556-560; Сборник документов по истории СССР (период империализма). М., 1977. С. 122-126.

³ Habberton W. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan. 1837-1907... P. 82.

⁴ Singhal D.P. India and Afghanistan: A study in diplomatic relations. 1876-1907. Melbourne, 1963. P. 189.

«прочитав это соглашение, германский кайзер Вильгельм II надписал на нем: “Да, взятое целиком, оно нацелено против нас”»¹.

На наш взгляд, Конвенция 1907 г. весьма органично вписывается в контекст рассматриваемой нами главной темы данного исследования. Можно с уверенностью утверждать, что две христианские колониальные державы, по сути, заключили соглашение против двух мусульманских государств – Персии и Афганистана, с тем чтобы установить контроль над ними как во внутренней, так и во внешней политике. Конвенция признала китайский суверенитет над Тибетом, но при этом указала, что «буддисты, как русские, так и британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-Ламой и другими представителями буддизма в Тибете»². По сути, она защитила права буддизма перед суровым ликом администрации Цинской империи, которая часто произвольно их нарушала. В России было немало буддистов (калмыков, бурят, тувинцев и др.), которые стремились посетить Лхассу – сакральный центр их религии. Не меньше буддистов – поклонников религии Тибета было в английских колониях. Таким образом, Конвенция 1907 г., безусловно, была актом связи религии и геополитики держав в Центральной Азии.

В заключение вышесказанного мы пришли к выводу о том, что Великобритания вступила в контакты с исламом с самого начала своей колониальной экспансии в Азии и Африке. Но важнейшим регионом применения религии в геополитике Англии была Британская Индия. Здесь Лондон активно применял религиозный фактор, натравливая мусульман на индусов, устраивая распри между ними и прочими индийскими конфессиями. С территории Индии англичане распространяли свои религиозно-геополитические устремления на сопредельные исламские регионы, в том числе, естественно, и на Центральную Азию. Англичане первыми

¹ Fraser-Tytler K. Afghanistan: A study of political development in Central Asia... P. 177.

² Высочайше ратификованная Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. 7 сентября 1907 года... С. 559.

организовали фронтальное проникновение в этот регион. Британские разведчики и шпионы проникали в Туркестан, где использовали ислам в своих геополитических интересах. Особенно такая их деятельность усилилась после начала продвижения России в сторону Центральной Азии. Англичане всячески старались помешать ему, устраивая войны и интриги в Афганистане и Персии. Но это не имело успеха. С утверждением России в Туркестане англичане организовали так называемую «Большую игру» с этим главным своим соперником в Центральной Азии. Они старались убедить общественное мнение в том, что Россия представляет серьезную угрозу британским колониальным владениям в Индии, которые она может завоевать походами из Туркестана. Однако никто из серьезных политиков как в России, так и в Англии в это не верил. Поскольку к «Большой игре» в той или иной мере были причастны мусульманские государства – Афганистан, Персия, Турция, то британские политики старались разыгрывать и «исламскую карту» в своем противостоянии с Российской империей. Им удалось подчинить себе Афганистан и наладить сотрудничество с Османской империей на антироссийской основе. Есть основания полагать, что при всей непримиримости и остроте противоречий между Россией и Англией в регионе они – как христианские государства – находили возможности добиться согласия между собой во взаимном противостоянии еврохристианской цивилизации с мусульманским миром Центральной Азии, что поднимало роль религии в геополитике на глобальный уровень. Подписание англо-русской Конвенции 1907 г. по Персии, Афганистану и Тибету является весьма показательным примером в этом отношении, хотя этот документ не устранял полностью всех англо-русских противоречий не только в Центральной Азии, но и на мировой арене.

2.2. Место Германии в геополитическом соперничестве в Центральной Азии в 1865-1917 гг.

В рассматриваемый период Германия стала последним государством, приобретшим статус мировой державы. Еще в первой половине XIX в. она была раздроблена на множество мелких государств, из которых только Пруссия могла считаться субъектом мировой геополитики, но преимущественно европейской. В середине XIX в. Германия переживала процесс объединения, основой которого были экономические факторы, а целью – образование единого национального рынка. Однако мы не склонны преувеличивать значение «экономического детерминизма», так как некоторые германские земли (административно-территориальные единицы в Германии) Бисмарку пришлось загонять в единое государство «палкой», то есть путем политического прессинга.

В войне 1870-1871 гг. Пруссия разгромила Францию и в январе 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя. Она очень быстро начала накачивать геополитические «мышцы». Германия, быстро развиваясь в 70-е годы XIX столетия за очень короткий срок с четвертого места в мире по развитию, два десятка лет стала и догонять Великобританию. К концу XIX в. Германия вышла на второе место по объему производства железа и стали, уступив первенство США. За этот период добыча каменного угля в Германии возросла более чем втрое, а выплавка чугуна – в 6 раз. Наряду с тяжелой индустрией быстро росли такие отрасли промышленности, как химическая и электротехническая. Протяженность железных дорог увеличилась с 21 тыс. км в 1871 г. до 50 тыс. км в 1900 г. Понятно, что страна с такими темпами развития не могла не претендовать на приоритетные места в мировой геополитике. Однако продвижение по этому пути для нее было непростым. В конце XIX в. германский военно-морской флот занимал одно из последних мест в мире, но уже накануне первой мировой войны он стал вторым (после Англии) по своей мощи. Знаменосец

объединения Германии «железный канцлер» Отто фон Бисмарк считал первостепенной задачей страны утверждение позиций в Европе. Поэтому «поход на Восток» его не вдохновлял. Тем не менее в середине 1880-х гг. Германия приступила к колониальным захватам и к началу первой мировой войны сумела создать империю, охватывающую 2,5 млн кв. км с населением в 13 млн человек. Важнейшие колонии были захвачены ею в Африке и Океании. Но в 1880-х гг. роль Германии в мировой геополитике была еще сомнительной – сказывалось не только отсутствие сильного флота, но и глубокого проникновения в стратегически важные регионы мира, в том числе, понятно, в Центральную Азию, где сходились границы Британской (Индия), Российской (Туркестан) и Китайской (Синьцзян) империй. Но голос Германии в тех или иных ситуациях имел звучание. Так было, например, в 1884 г., во время Мервского кризиса. Как известно, на установление английского протектората над Афганистаном Россия ответила присоединением Туркмении. В 1884 г. русские войска генерала Комарова взяли Мерв, чему англичане возмутились. В.И. Ленин писал о том, что в 1885 г. Англия и Россия были на волосок от войны. Но ее не случилось. России неожиданно помог Бисмарк, который ее ненавидел, однако ему «было выгодно продолжение русской экспансии в Средней Азии: она отвлекала силы России из Европы и ухудшала англо-русские отношения»¹. Бисмарк страшился англо-русского сближения. 27 мая 1885 г. он писал императору Вильгельму I, что целью германской политики является «установить между Англией и Россией скорее враждебные, нежели слишком близкие отношения. Если состоится англо-русское соглашение... явится возможность во всякое время, смотря по надобности, усилить это соглашение путем присоединения Франции, в случае если русско-английская политика встретит сопротивление со стороны Германии; этим создастся основа для такой коалиции против нас, опаснее

¹ Хвостов В.М. Колониальная экспансия великих держав // История дипломатии: Сб. / Сост. А. Лактионов. М., 2006. С. 639.

которой для Германии ничего и быть не может»¹. Так Германия постепенно возвращалась к старинной политике «дранг нах Остен» («натиск на Восток»), которая представляла собой специальный сегмент геополитики Германии, порожденный еще в эпоху средневековья и связываемый, как правило, с именем немецкого императора Фридриха II Барбароссы. Следует заметить, что такой вектор была направлен против славянских стран и народов, однако его использование нами ни в коей мере не противоречит самому смыслу приведенного выражения, поскольку Центральная Азия – это действительный Восток. Но в период Нового времени Германия забыла о «дранг нах Остен» – как отмечалось, она состояла из множества мелких государств, большинство которых представляли собой города с их округами.

В контексте рассматриваемой проблемы считаем необходимым отметить, что вступивший на престол в 1888 г. молодой германский император Вильгельм II вспомнил о «дранг нах Остен» и решил привлечь на свою сторону мусульманский мир, во главе которого находилась Османская империя (Турция). В конце XIX в. германский император помог ей в ее войне с христианской Грецией. А в октябре 1898 г. он сам лично отправился на Ближний Восток. Он отмечал, что, посетив Гроба Господень, кайзер поклонился усыпальнице султана Саладина. В публичной речи он объявил себя вечным другом Турции. В.М. Хвостов указывал, что «в ответ на красноречие кайзера старший из присутствующих представителей мусульманского духовенства объявил, что отныне все эти 300 миллионов каждодневно будут призывать Аллаха ниспослать свое благословение на германского императора»². Вряд ли кто усомнится в том, что в данном случае Вильгельм II пытался эффективно разыграть «религиозную карту» в своем отношении к мусульманству Востока. Это был уже уровень геополитики. И такая «карта» будет окрашивать в последующем отношения Германии с

¹ Хвостов В.М. Колониальная экспансия великих держав... С. 640.

² Там же.

исламским миром – Турцией, Персией, Афганистаном и, естественно, Центральной Азией.

Активность Германии в Туркестанском крае и среднеазиатских ханствах приходится на начало XX века. Кыргызстанский исследователь К. Усенбаев писал о том, что Германия проявляла большой интерес к «Русскому Туркестану» и потому со временем в регионе появилось много немецких агентов¹. Всё начиналось с одиночных вылазок германских агентов в Центральную Азию. В конце XIX в. в Туркестане проявлял большую активность скандинав Свен Гедин. Есть основания полагать, что он получил 30 тыс. шведских талеров от германского Генштаба для проведения разведки в регионе. Во всяком случае, хорошо известно, что, узнав о прибытии на Памир русско-английской разграничительной комиссии в 1895 г., он тут же поспешил присоединиться к ней и внимательно отслеживал ее работу. Б.В. Станкевич, путешествовавший по Туркестану с конца мая 1900 г., писал о том, что он встретил на Памире немецкого офицера – поручика 1-го Баварского пехотного полка Вильгельма Фильхнера, который прошел от Оша до Памирского поста 385 верст. Поручик якобы пообещал своей невесте пройти в Индию через Русский Туркестан и Гиндукуш. Немец предъявил документы на такое путешествие². Станкевич писал об этом добродушно – видимо, он поверил немцу. Точно такую же «байку» приводила в своей книге Ю.Д. Головнина, посетившая Туркестан в 1901 г.³. Позже Германия приступила к организации работы с приверженцами ислама в регионе с немецким тщанием и педантизмом. В начале XX в. в Берлине была образована организация «Братьев-мусульман, проживающих в Германии», которая распространяла материалы, направленные против Англии, Франции, России и их союзников. Так, например, 16 марта 1912 г. Департамент полиции МВД направил в Департамент духовных дел того же ведомства копию воззвания «Братьев-

¹ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 80.

² Станкевич Б.В. По Памиру (Путевые заметки). СПб., 1904.

³ Головнина Ю.Д. На Памирах: Записки русской путешественницы. М., 1902.

мусульман», в которой указывалось, что Турция есть «владелица Великого халифата» и всем мусульманам надо объединиться для того, чтобы помочь ей в войне с «неверной» Италией¹. Совершенно очевидно, что в данном случае христианско-протестантские геополитики Германии старались помочь исламскому государству в его борьбе с христианско-католической Италией.

Понимая все сложности подрывной работы на российских территориях Центральной Азии, в начале XX в. немцы образовали два панисламистских центра в его восточной (китайской) части, в городах Кашгаре и Кульдже, а также в южной (афганской). Организацией диверсионной работы в Центральной Азии из Берлина руководил полковник фон Хафтен. По его приказу германский разведчик Отто фон Хентиг прибыл в Кашгар, где создал диверсионную группу из мусульман – уйгуров, узбеков, казахов и др. Он должен был координировать подрывную работу в российской части Туркестана. В Афганистане образовал группу шпионов-мусульман другой немецкий офицер – Оскар Нидермайер. Позже именно его группа наладила побег военнопленных, работавших на Термезской железнодорожной ветке. В 1914 г. фон Хентиг направил в Андижан разведчика Абдуррахмана-кары. Тот должен был создать там сеть германской агентуры с помощью германского агента Д.Н. Бауэра. Не обошлось без предательства. Российский купец Потеляхов вступил в сделку с Д.Н. Бауэром и начал переправлять в Кашгар золото. Советский историк из Узбекистана А.П. Савицкий писал о том, что в Кашгаре немцы работали рука об руку с турками и «именно из Синьцзяна распространялись прокламации, гласившие о слабости России и непобедимости Германии»². Он указывал, что «германский империализм и его союзник панисламизм рассчитывали создать в Синьцзяне прочную базу для политическо-диверсионной работы в Индии (Британской. – А. С.) и Русском Туркестане»³. Военный губернатор Семиреченской области писал:

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде (1912-1914). Л. 62 об.

² ЦГА Узб. Ф. Р-2287 (Савицкий Анатолий Петрович). Оп. 1. Д. 15 К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии. Л. 7.

³ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 89 – Панисламистское движение в Средней Азии. Л. 2.

«Германские агенты питали некоторые надежды на Туркестан, о чем имеются достоверные сведения наших консулов в Кашгаре и Кульдже»¹. Такие сведения действительно поступали. Генеральный консул России в Кашгаре докладывал в Министерство иностранных дел и туркестанской администрации о том, что германский резидент использует в своих целях неисламские религиозные силы – ему помогают христианские миссионеры – «шведы, проживающие в Кашгаре – страшные германофилы, многие из которых имеют секретные сношения с Хэндигом (фон Хентингом. – А. С.)»². Примечательно, что в 1916 г. именно кыргызы Афганского Памира помогли первому германскому послу в Кабуле Отто фон Хентингу, которого под давлением англичан афганский эмир вынужден был выдворить со своей территории, перебраться в Кашгарию. Фон Хентинг подарил тогда вождю афганских кыргызов Джафаркул-хану маузер, который потом перешел к его сыну Рахманкулу.

Российский посол в Турции Н.В. Чарыков докладывал 10 мая 1911 г. в Первый департамент Министерства иностранных дел о том, что состояние мусульманства в Центральной Азии привлекает внимание Германии. Он отмечал, что эта проблема заинтересовала ее «той стороной, которая носит название “желтая опасность” и которая заключается в возможности культурного и даже военного соперничества желтокожих обитателей Азии с народами белой расы»³. Н.В. Чарыков указывал, что в Турции существует целая «комбинация» антирусских групп, сила которых «еще увеличивается тем, что панисламисты и евреи в Турции пользуются, из соображений общей политики, деятельной и властной поддержкой Германии»⁴. Таким образом, в сферу антироссийской деятельности немцев были привлечены и

¹ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 89 – Панисламистское движение в Средней Азии. Л. 3.

² Архив СПб. ФИВ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 160 – Сведения по Афганистану, Персии, Китаю. Л. 20.

³ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 358.

⁴ Там же. С. 364.

представители иудаистской религии. Это подтверждается документально. В марте 1912 г. контрразведка Туркестанского военного округа арестовала по подозрению в шпионаже в пользу Германии туркестанского еврея Мовшу Арона Шмуйлова Смилгу, при котором были обнаружены доказательства его сотрудничества с немцами¹.

В России проживало много немцев, оказавшихся здесь в петровские времена и позже, особенно при Екатерине II. Часть из них, преимущественно военные и чиновники, со временем приняли православие, чем обеспечили себе ускоренное продвижение по служебной лестнице. Из туркестанских генерал-губернаторов или лиц, исполнявших такую должность, немцами были Кауфман, Розенбах, Флуг и Мартсон. В Туркестанском военном округе служили немцы-генералы, как правило, командиры бригад. Понятно, что они не были германскими агентами, а верно служили «царю и отечеству». Однако в царской России нельзя было быть просто немцем. Каждый из них должен был принадлежать к какой-либо религиозной конфессии. Большинство российских немцев считались приверженцами евангелическо-лютеранской веры, но были среди них и евангелические реформаты, адвентисты, баптисты, меннониты и проч. В начале XX в. Германия попыталась использовать религиозные каналы проникновения в Центральную Азию. В 1908 г. главный руководящий орган российских немцев-лютеран – Петербургская генеральная евангелическо-лютеранская консистория, не без подсказки со стороны Берлина, «вошла с ходатайством в МВД о разрешении приезда в Среднюю Азию для работы священников-иностранцев, но без принятия ими российского подданства. В январе 1909 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (структура МВД. – А. С.) довел это предложение до сведения туркестанской администрации. Последняя категорически его отвергла. Выражая суммарное мнение областных руководителей, туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов писал в МВД о том, что под

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 13572 – По делу еврея Мовша Арона Смилги, задержанного по подозрению в шпионаже в пользу Германии. (1912-13). Л. 1.

личиной пасторов в Среднюю Азию станут проникать германские шпионы, которые с «выгодой используют право свободного посещения населенных пунктов и гарнизонов»¹.

Естественно, что Германия поддерживала разнообразные связи с российскими соплеменниками и не могла не использовать религиозный фактор в своем отношении к России и, понятно, ее владениям в Туркестане. При этом следует иметь в виду то сильное прогерманское лобби, которое издавна процветало при царском дворе. Многие выходцы из германских династий правили (и по сей день правят) в некоторых государствах Европы, а последний русский царь Николай II был двоюродным братом кайзера Вильгельма II. Неудивительно, что немцы-администраторы на местах оказывали все знаки внимания своим соплеменникам. Примером может служить первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман. Именно он тепло принял, а потом расселил в местности Талас Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области большую группу немцев-меннонитов, образовавших несколько сел с исключительно немецким населением, этническим бытом, собственным самоуправлением и религиозной жизнью². Они жили замкнуто, с чужими практически не общались, но с властями поддерживали хорошие отношения. Еще лучшие отношения они поддерживали со своей «исторической» родиной – Германией, откуда они выписывали книги, газеты, журналы, одежду, семена для своих полей, породистый скот и проч. В Ташкенте в конце XIX в. уже функционировали филиалы германских фирм и торговые учреждения, где всегда можно было приобрести «немецкие» товары. Естественно, что меннониты использовали все каналы связи с Германией. Известно, что разведка германского Генштаба активно использовала возможности протестантского Библейского общества, распространявшего религиозную литературу, в том числе и на «туземных» языках. В

¹ Цит. по: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) ... С. 75.

² Там же. С. 77-84.

Туркестанском крае тоже был филиал протестантского Библейского общества, сотрудники которого открыто занимались сбором разведывательной информации, в связи с чем его прикрыли в 1880-х гг. Немцы пытались протестовать, ссылаясь на циркуляр министра внутренних дел Н.П. Игнатьева от 12 июля 1881 г. о разрешении продажи книг Священного Писания на русском и других языках, дозволенных цензурой. Однако им было резонно заявлено, что согласно «Общему губернскому учреждению» – главному фундаменту российского бюрократического механизма на территориях, подчиненных военному министерству, правами министра внутренних дел пользуется глава военного ведомства империи, а потому он может не принимать во внимание циркуляры МВД. Но туркестанские меннониты, как мы полагаем, не без совета извне решили заняться продажей книг протестантского Священного Писания среди русскоязычного и «туземного» населения Центральной Азии. И меннонит из селения Николайполь Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области Иоганн Зуккау 24 января 1892 г. подал соответствующее прошение на имя туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского, который его удовлетворил¹. Свидетельство о праве законной продажи им книг Священного Писания, согласно порядкам того времени, подписал 7 февраля 1892 г. военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Н. И. Гродеков. В документе указывалось, что Иоганну Зуккау «дозволяется повсеместно производить разносную торговлю книгами Священного Писания»². Как пишет П.П. Литвинов, «в годы первой мировой войны отношения между меннонитской общиной и туркестанской администрацией несколько осложнились. Среди сектантов обнаружились прогерманские настроения. Туркестанские власти учли это обстоятельство, но не прибегли к мерам жесткого характера»³. Однако в ноябре 1915 г. один из

¹ ЦГА Узб. Ф. 17 (Сырдарьинское областное правление). Оп. 1. Д. 21018 – О выдаче менониту Иоганну Зуккау свидетельства на продажу книг Священного Писания. Л. 2.

² ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21018... Л. 3.

³ Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) ... С. 83.

журналов («Echoes of Jewise») Великобритании, союзницы России в первой мировой войне, сообщал о том, что среди туркестанских меннонитов активно действуют германские шпионы-проповедники – супружеские пары Бон и Тильман, а также Анна Мон. В декабре 1915 г. министр внутренних дел А.Н. Хвостов предписал туркестанской «охранке» проверить эту информацию и в случае ее подтверждения принять должные меры. Одновременно он просил «временного» туркестанского генерал-губернатора немца Ф.В. Мартсона содействовать в проведении дознания по делу таласских меннонитов. Любопытно, что А.Н. Хвостов просил об этом «военную» полицию¹, которая никогда не подчинялась МВД, но лучше «охранки» знала действительное положение на местах². Однако действительного расследования дело не получило.

Меннониты Таласа относились прохладно к русским православным христианам, однако с мусульманами они ладить умели. Поэтому во время восстания 1916 г. немецкие сектанты встали на сторону повстанцев. Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Ерофеев писал 6 сентября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву: «Новотроицкое обложено большим скопищем киргиз, здесь киргизам оказывают содействие немецкие колонисты, доставляя провиант... На Сусамыре задержан немецкий шпион»³. Мы считаем, что меннонитов могла вдохновлять соответствующая деятельность германских агентов среди них, использовавших религиозный фактор в своих интересах. Кстати, А.П. Савицкий считал, что восстание 1916 г. в Туркестане было инспирировано прогерманской группой при дворе Николая II, которая побудила его издать указ от 25 июня 1916 г. о привлечении мусульман Туркестана на тыловые

¹ Так называемая «общая полиция» в Туркестанском крае считалась военной, так как, во-первых, она подчинялась военному министерству, а во-вторых, ее чины носили армейскую форму.

² ЦГА Кырг. Ф. 2 (Ошское уездное правление Ферганской области). Оп. 1. Д. 16. Служебные предписания Министерства внутренних дел. Л. 14.

³ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 15 – К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии. Л. 8.

работы. По его мнению, царица и военный министр В.А. Сухомлинов предполагали, что это приведет к восстанию в Средней Азии, ослабит Россию и заставит царя пойти на сепаратный мир с Германией¹. На наш взгляд, такая любопытная версия тоже имеет право на существование.

Более сильные позиции разведка Германии имела среди меннонитов Хивинского ханства. Дело в том, что после «удара», поразившего Кауфмана, исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский, вопреки обещаниям правительства, издал 5 июня 1881 г. приказ о том, что меннониты будут исполнять воинскую повинность, против которой, как известно, выступало их фундаментальное вероучение. Часть меннонитов не согласилась с этим и направилась в Бухарское ханство, однако, повинаясь указаниям Колпаковского, эмир Музаффар эд-дин отказался принять их. В лагере меннонитов возник раскол: часть сектантов возвратилась в пределы Туркестанского края, а «другая – наиболее ортодоксально настроенная... направилась к границам Хивинского ханства, где и провела зиму 1881-1882 гг.»². Позже немцы из туркестанской администрации помогли им устроиться в ханстве на постоянное жительство, и меннониты как рачительные хозяева неплохо устроились в Хиве. Здесь им было жить проще, так как не было постоянного надзора со стороны русских властей. Но эпизодический, разумеется, имел место. И его осуществлял начальник Амударьинского отдела Сырдарьинской области. Так, хивинские меннониты организовали школу для своих детей в селе Ак-Мечеть, в которой в начале XX в. обучалось полтора десятка детей. Но у них была проблема с учителем, которого они непременно хотели выписать из Германии, однако не получили разрешения русских

¹ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 15 – К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии. Л. 10.

² Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) ... С. 80.

властей¹. Тем не менее в ханстве им было проще принимать германских агентов, и вскоре они свили здесь свое «гнездо».

Поскольку хивинские меннониты, как и их таласские единовѣрцы, имели хорошие отношения с местными мусульманами, то германская агентура относительно спокойно нагнетала среди них антирусские настроения. Начальник Амударьинского отдела Сырдарьинской области полковник Колоссовский отмечал, что есть основания считать, что «беспокойное настроение туркменских племен, населяющих Хивинское ханство, имеет отчасти какую-то связь в сношениях, исходящих из среды немецких колонистов в Хиве»². Можно считать доказанным то обстоятельство, что восстание в 1915 г. в Хивинском ханстве под предводительством Джунаид-хана, проходившее, как обычно, под религиозными лозунгами «газавата» (борьбы с «неверными») было в немалой мере подготовлено германской агентурой, стремившейся ослабить влияние России в Туркестане. Так, например, 18 апреля 1915 г. агент «Мусульманин» сообщал в розыскной пункт Департамента полиции МВД по г. Асхабаду и Закаспийской области о том, что «среди сарыков (туркменское племя. – А. С.) Иолотанского приставства появилось германское оружие, провезенное из Афганистана контрабандным путем»³. Таким образом, «религиозная карта» в германской геополитике в Центральной Азии работала и в Хиве.

Конечно же, в этом отношении не осталось без внимания немецких агентов и Бухарское ханство. Известный французский туркестановед Х.К. д'Анкокс пишет о том, что «в Бухарском эмирате укоренилась интенсивная германская пропаганда, Германия помогала бухарским реформистам против России и вассального ей режима в ханстве»⁴. П.П. Литвинов пишет о том, что

¹ Иноятова Д.М. Школьное образование немцев Узбекистана (конец XIX – 20-е гг. XX века) // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат.-лов. Ташкент, 2008. С. 152.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1915. Д. 365. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 28.

⁴ D'Encausse H. K. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988. P. 119.

«в Бухаре “окопались” резиденты турецкой, афганской, персидской и прочих (английской, германской и др.) разведок, о деятельности которых вполне можно написать отдельное, специальное научное произведение»¹. Он рассказывает о визите русской контрразведки в Бухару осенью 1910 г., в ходе которого были выявлены центры враждебной панисламистской турецкой и германской пропаганды, склады оружия, антирусской литературы и листовок, арестованы некоторые одиозные лица из числа панисламистов, фанатиков, связанные с зарубежной агентурой. Но для всех было очевидно, что корень зла до конца ликвидирован не был.

Перед первой мировой войной агенты Германии сумели закрепиться в регионе Центральной Азии, где они активно работали среди мусульманского населения, в том числе используя завербованных ими «сотрудников». Так, например, «управляющий восковыми промыслами близ станции Мельниково немец Карл Иванович Хаушер выражал на словах глубокое порицание русскому правительству»². Он говорил о том, что если Россия и победит Германию, то она доведет свой народ до гибели, «выжав из него все соки»³. В центре Семиреченской области – городе Верном жил отставной надворный советник мусульманин Николай Александрович Куватов, выявленный как германский агент. В донесении Туркестанского районного охранного отделения о нем говорилось: «Пользуется большой популярностью среди туземцев, в особенности киргиз, восстанавливает их против русских, говоря, что русское правительство забрало все земли, рассаживает везде переселенцев, повесило в мечетях портрет Государя, а в скором времени поставит там иконы и тогда всё мусульманство пропадет»⁴. Особенно возросла активность

¹ Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) ... С. 290.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1914. Д. 32. Ч. 115. Литера Б. Л. 13 об.

³ Там же.

⁴ ЦГА Узб. Ф. 461 (Туркестанское Районное охранное отделение). Оп. 1. Д. 1487 – Дело о взаимоотношениях местного населения с немцами и китайцами, проживающими в Туркестанском крае и военном шпионаже. (1914 г.). Л. 24-24 об.

подрывной антирусской деятельности после заключения в 1907 г. англо-русской Конвенции по Афганистану, Персии и Тибету, фактически пристегнувшей Россию к блоку Антанты. Зарубежный исследователь К. Фрэзер-Тайтлер писал о влиянии англо-русского соглашения 1907 г. на политику Германии в Центральной Азии и реакции кайзера на него¹.

В рассматриваемый период в поле зрения контрразведки Туркестанского военного округа оказалась религиозная проповедница адвентистка Евгения Майер, которая специально училась на курсах узбекского языка, после чего принялась проповедовать христианские идеи и распространять в Самаркандской области литературу о Христе на «туземных» наречиях. Выяснилось, что она заказала одной только брошюры «Хазрат Иса Камдур» 1000 экземпляров, отпечатанных в местной типографии Гуззарова. Российские власти не препятствовали ей в этом, расценивая ее деятельность как миссионерскую. Однако туркестанский генерал-губернатор отнесся к действиям Е. Майер иначе – он порекомендовал самаркандскому губернатору «осторожно собрать о ней сведения, не скрывается ли за пропагандой христианских идей распространение среди местных мусульман идей пангерманизма»². Сведения такие были собраны, и они подтвердили опасения «главного начальника» Туркестанского края. Полиция подвергла немку – религиозную пропагандистку аресту и обыску, но вскоре ее освободили, порекомендовав воздержаться «от всякой миссионерской проповеди в крае и от пространных разговоров с туземцами на религиозные и иные отвлеченные и злободневные темы»³. Е. Майер подала жалобы в разные инстанции, но не имела успеха. С началом мировой войны она принялась вновь заниматься проповедями и продажей христианской литературы среди мусульман, однако такая ее деятельность была быстро пресечена туркестанской «охранкой», так как объективно работа Е. Майер носила все-таки прогерманский характер.

¹ Fraser-Tytler K. Afghanistan: A study of political development in Central Asia... P. 177.

² ЦГА Узб. Ф. 18 (Самаркандское областное правление). Оп. 1. Д. 3865 – С перепиской о Евгении Майер, распространяющей христианскую веру среди мусульман. Л. 1 об.

³ ЦГА Узб. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3865... Л. 26 об.

Немало агентов было завербовано немцами среди мусульманского духовенства. В начале первой мировой войны военный губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус писал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору о том, что среди мусульман «развернулась вся деятельность мулл... Они расхваливают немцев как защитников всех мусульман, утверждая, что Россия проиграет войну. При этом они утверждают, что слово “Германия” на таджикском языке означает “бери больше”, что поэтому Германия обязательно победит и освободит мусульман от гнета неверных»¹. Примеров такого рода прогерманской пропаганды исламского «клира» в Центральной Азии можно было бы привести и больше. Во время первой мировой войны в Туркестанском крае распространялись листовки, в которых говорилось о слабости России и непобедимости Германии и ее союзников. Но главное в данном случае мы усматриваем в другом: из приведенного красноречиво следует, что в деятельности германской агентуры в Центральной Азии религия и геополитика шли рука об руку.

Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Флуг направил военным губернаторам и начальнику Закаспийской области осенью 1914 г. циркуляр, в котором указывал, что с началом войны мусульманский мир пришел в движение, в связи с чем «не исключается возможность воздействия извне на местный мусульманский мир в том смысле, что с исконным врагом Полумесяца – христианским миром находится в войне покровитель и защитник мусульманства и его халифа (турецкого султана. – А. С.) германский император Вильгельм»². Флуг писал о том, что надо всячески поощрять патриотические движения среди «туземцев», так как их может

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917 (по архивным материалам) ... С. 79.

² ЦГА Каз. Ф. 73 (Заведующий розыскным пунктом в г. Верном Семиреченской области). Оп. 1. Д. 13 «б» – Список бухарскоподданных евреев, незаконно пробравшихся в г. Туркестан. Л. 69.

возбуждать пример мусульманской Турции¹. Нельзя сказать, что такие заявления носили голословный характер.

Среди мусульманского населения Туркестана было немало и тех, кто поддерживал Россию в годы первой мировой войны. Как отмечалось, уже в ее начале мусульмане Туркестанского края собрали в фонд победы русского оружия в войне значительную сумму денег. «6 октября 1915 г. во время торжественного богослужения по случаю “курбан-байрама” имам Шейхантаурской мечети г. Ташкента Сейид-Али-ходжа Ишанходжаев не преминул произнести пространную здравицу во славу “Государя Императора с фамилией и победу русского оружия”»². Во время празднования 50-летия взятия Ташкента летом 1915 г. мусульмане города в «адресе», преподнесенном русским властям, желали России успехов в войне. Конечно, можно подумать, что всё это было инспирировано самой туркестанской администрацией. Однако мусульмане Центральной Азии реально помогали России в войне. Большие пожертвования в фонд войны были сделаны бухарским эмиром и хивинским ханом. На фронтах первой мировой войны воевал Туркменский полк, некоторые конники которого получили Георгиевские кресты разных степеней. И не по одному. Отличились и другие мусульмане – выходцы из Туркестана, преимущественно офицеры³.

Вместе с тем объективное ухудшение положения простого народа в Туркестанском крае и среднеазиатских ханствах в годы первой мировой войны не могло не вызвать в среде мусульманского населения соответствующей негативной реакции. Как известно, его справедливое недовольство вылилось в 1916 г. в мощное региональное восстание против царистского режима. Мы

¹ ЦГА Каз. Ф. 73 (Заведующий розыскным пунктом в г. Верном Семиреченской области). Оп. 1. Д. 13 «б» – Список бухарскоподданных евреев, незаконно пробравшихся в г. Туркестан. Л. 69.

² Там же.

³ «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами»: Российские мусульмане и первая мировая война. 1915 г. // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. мат-лов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 436-445.

считаем, что его причины носили эндогенный характер, которые не зависели напрямую от каких-либо внешних сил. Однако было бы ошибочным отрицать и их известное влияние на подготовку и ход восстания. Германия активно использовала религиозный – исламский вопрос в своей геополитике в Центральной Азии. Начальник Штаба Туркестанского военного округа писал 15 сентября 1915 г. в Главный штаб, что «факт проникновения турок и немцев в Афганистан продолжает внушать опасения... Щедро немцы сыплют золотом, турки открыто занимаются пропагандой войны с Англией и Россией... Сведения беспрерывно продолжают собираться»¹.

В январе 1916 г. немцы созвали в Вене международный панисламистский съезд, на котором обсуждался вопрос о засылке в Туркестанский край германо-турецких эмиссаров для подготовки восстания мусульман региона против России². И они реально прибывали в Центральную Азию, где занимались соответствующей работой по организации мусульманского восстания. Начальник Туркестанского Районного охранного отделения Отдельного корпуса жандармов полковник Волков докладывал 15 марта 1916 г. «товарищу» министра внутренних дел, директору Департамента полиции сенатору Белецкому о том, что в октябре 1915 г. в Афганистан прибыли германские, австрийские военные и один турок. Эмир дал им аудиенцию, во время которой, однако, заявил, что Афганистан не готов к войне с Россией. Вместе с тем он окружил делегацию вниманием и разрешил ей посетить военные предприятия Афганистана, после чего гости дали рекомендации по улучшению их работы. Волков отмечал, что германские агенты свободно выезжали к границам России. Кроме того, они потратили много денег на издание в Афганистане листовок, прокламаций, воззваний и т.п. с призывами к мусульманам вступить в «священную войну» с Россией и

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4457 – О движении организованных немецкими агитаторами персидских вооруженных шаек и об агитации немцев и турок в Афганистане. Л. 13.

² ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 89 – Панисламистское движение в Средней Азии. Л.3.

русскими¹. Германские агенты не только выезжали на границу с Россией, но и проникали через нее непосредственно на российскую территорию в Центральной Азии. Начальник Туркестанского Районного охранного отделения направил 7 мая 1916 г. всем начальникам уездных полицейских управлений Туркестанского края предписание повсеместно искать «направленных в Туркестанский край германских шпионов Серенфуса и Гапсеналя, которые при посредстве мусульманина, некоего Шамси-Хаби, занимаются ведением широкой пропаганды против русских властей»². Заведующий Асхабадским розыскным пунктом МВД, ротмистр Фиркс докладывал 4 февраля 1916 г. «товарищу» министра внутренних дел, директору Департамента полиции сенатору Белецкому о том, что участилось поступление в Закаспийскую область писем к бабидам (бахаистам) с призывами поддерживать Турцию и Германию в войне против России. Он отмечал, что это, возможно, «уловка австро-германской пропаганды в Персии, дабы возвести ряд обвинений на бахаистов и тем самым заставить русскую администрацию принять против бахаистов меры административного воздействия, внести сомнения в их преданности России, которая дала им свободу вероисповедания и защищала их до сих пор от преследования персов-шиитов»³. Таким образом, Германия пыталась использовать религию бабидов (бахаистов) в своих геополитических планах в Центральной Азии. Заведующий Асхабадским розыскным пунктом МВД, ротмистр Фиркс докладывал 9 марта 1916 г. «товарищу» министра внутренних дел, директору Департамента полиции сенатору Белецкому о том, что прорвавшийся в 1915 г. из Персии «австро-германский отряд находится в настоящее время вблизи Кабула в летней резиденции эмира»⁴. Он отмечал, что афганское руководство

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84 – Туркестанское генерал-губернаторство. Области. Донесения начальника Туркестанского Районного охранного отделения и заведующих розыскными пунктами в гг. Асхабаде и Верном. Л. 165 об.

² ЦГА Кырг. Ф. 2. Оп. 2. Д. 15 – Переписка по розыску разных лиц. Л. 9.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 152.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 146 об.

«относится с полным уважением и предупредительностью к прибывшим иностранцам и разделяет их взгляды по политическим вопросам»¹.

Известный российский мусульманский деятель Магометбек Хаджетлаше 12 марта 1916 г. направил в Департамент духовных дел МВД «докладную записку», в которой указывал, что Германия сильно активизировала свою деятельность в Центральной Азии. Он отмечал, что «повсюду, в особенности в Бухаре и Хиве и на афганской границе, немецкие агенты свили себе прочное гнездо и умело руководят пропагандой»². Он писал о том, что сотни энергичных, смелых и опытных германских агентов, «обильно» снабженных золотом, под видом дервишей и бродяг «снуют по Востоку, пропагандируя величие и могущество Германии»³. Хаджетлаше указывал: «Особенно серьезное внимание русское правительство должно обратить на народы Средней Азии, Туркестана, Ферганы, откуда и нужно ожидать начала грандиозных событий»⁴. Его слова можно считать пророческими, так как именно здесь в 1916 г. вспыхнуло антицаристское восстание мусульман. Автор введения к сборнику документов о восстании 1916 г. в Туркестанском крае А.В. Пясковский отмечал: «Многие данные говорят о причастности к этому реакционному восстанию на юге Семиреченской области германо-турецкой агентуры и о связи с ней главарей восстания. Сам главарь и инициатор реакционного восстания в этом районе Мокуш Шабданов в начале 1916 года побывал в Турции (в Мекке и Константинополе). У него во время восстания “гостил” какой-то переодетый турецкий генерал. Есть указания в документах, что находившиеся в то время в Семиречье военнопленные турецкие и германские офицеры были причастны к реакционному восстанию, что местные немецкие колонисты поддерживали восставших киргизских манапов и казахских феодалов. Не раз царские власти

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 84. Л. 146 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 471 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма в России (1913–1917). Л. 238.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 239.

задерживали на юге Семиречья во время восстания турецких и германских шпионов и т.д.»¹.

Безусловно, восстание 1916 г. в Центральной Азии повлияло на ход первой мировой войны и, осложнив положение России, объективно было на руку Германии, хотя мы не склонны преувеличивать ее роль в указанном событии. На наш взгляд, народное выступление туркестанских мусульман в 1916 г., по сути, похоронило русский царизм и стало последним большим «гвоздем», вбитым в гроб прогнившей насквозь антинародной системы.

В ходе анализа исторической ситуации в Центральной Азии можно прийти к выводу о том, что среди участников «Большой игры» за преобладание в Центральной Азии Германия появилась позже других европейских держав, однако она сумела быстро нарастить свое влияние в регионе, прежде всего благодаря своим экономическим успехам, позволившим ей стать одним из важнейших субъектов мировой геополитики. Совершенно очевидно, что Германия не хуже других «игроков» смогла использовать религию в качестве катализатора своих геополитических устремлений в указанном регионе. Признавая их значительное влияние на ситуацию в Центральной Азии, мы, тем не менее, полагаем, что они вряд ли носили действительно решающий и определяющий характер в этом регионе.

¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док-тов. М., 1960. С. 16.

2.3. Геополитические императивы Цинского Китая в условиях «Большой игры»

В рассматриваемый период Китай играл существенную роль в геополитике в мусульманской Центральной Азии, но при этом он, подобно Англии и Германии, тоже не был исламским государством. Известный синолог В.Я. Сидихменов писал: «На протяжении многих столетий, в том числе и в период династии Цин, огромное влияние на духовную жизнь китайского народа оказывали... “три религии”: конфуцианство, даосизм и буддизм»¹. Важнейшим элементом из трех являлось, разумеется, конфуцианство. Китайцы называли свое государство «Чжун го» – «Срединное государство», «Поднебесная империя» и были уверены в том, что Китай является центром мира и все другие народы должны ему подчиняться. Все неханьские народы издавна считались «варварами», поскольку они не соответствовали стандартам истинной китайской цивилизации. Английский путешественник и разведчик лорд Данмор писал в 1893 г. о том, что «любой китаец свято верит в то, что его страна является единственной действительно культурной страной в мире».² В.Я. Сидихменов отмечал: «Все народы, жившие за пределами Китая, они (китайцы. – А. С.) считали своими вассалами и смотрели на них как на варваров»³. Мусульманское население Восточного Туркестана не было для них исключением. Китайцы завоевали этот регион еще в древний период, то есть до начала средневековья. Британский консул в Кашгаре Скрайн отмечал в 1926 г., что «в течение последних двух тысяч лет китайцы пять раз завоевывали Кашгарию и четыре раза их оттуда изгоняли»⁴.

¹ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого... С. 106.

² Murray Ch. A., earl of Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia... P. 135.

³ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого... С. 227.

⁴ Skrine C.P. Chinese Central Asia... P. 58.

В четвертый раз китайцев изгнали из региона на целое тысячелетие арабы в Таласской битве 751 г.

По мнению современных китайских авторов, «почти 600 лет понадобилось исламу для того, чтобы окончательно утвердить свое господство в Синьцзяне со времени его появления здесь в X в. Ислам смог вытеснить отсюда буддизм и стать господствующей религией по двум причинам. С одной стороны, это был в значительной степени результат использования в разные времена светскими властями исламского “джихада” в борьбе за местную власть. С другой стороны, это было тесно связано с крайне отсталой общественной и экономической системой Синьцзяна в то время»¹. Известный исследователь К. Риттер указывал, что в Восточном Туркестане шла борьба «белогорских» и «черногорских» ходжей, в которой участвовали все народности региона². Она ослабила местное мусульманство, и в 1758 г. Цинам удалось полностью его завоевать. Зарубежный исследователь Р. Крюгер пишет о том, что «проникновение Китая в Центральную Азию имело далеко идущие последствия»³. Присоединение значительной части Центральной Азии, населенной фактически одними мусульманами, стало надолго «головной болью» для Китая. Безусловно, этот факт придавал ему новый геополитический статус – выводил его на рубежи Британской Индии, Афганистана, Персии, а также в сферу стратегических интересов Российской империи. Он позволял Китаю играть новую роль в мировой политике. Но приобретенный регион был мусульманским, а значит, исламская религия не могла не влиять на геополитику Китая в Центральной Азии. Он должен был постоянно учитывать ее в своих действиях на международной арене в этой части азиатского континента. И все последовавшие в указанном регионе политические события подтвердили это непреложное обстоятельство.

¹ Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее... С. 106.

² Риттер К. Землеведение Азии: География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан... С. 359.

³ Крюгер Р. Китай: История страны... С. 438-439.

Безусловно, тысячелетнее отсутствие Китая в Восточном Туркестане имело свои последствия исключительно в политической плоскости. Традиционные торгово-экономические, культурные, этнические, религиозные и т.п. связи с Центральной Азией не только всегда сохранялись, но и активно развивались. Никакая власть не могла этому препятствовать, поскольку эти связи сложились в недрах глубинной истории региона. Восточный Туркестан часто называли «Малой Бухарой», подчеркивая его связь со Средней Азией. Характерно, что тон в политической жизни Кашгарии почти всегда задавали выходцы из Ферганской долины – Западного Туркестана. Такое взаимное притяжение двух субрегионов Центральной Азии имело место всегда. Так, например, кокандский хан Мухаммед Али (Мадали) заключил с китайцами в 1830 г. договор, согласно которому его торговые аксакалы должны были сидеть во всех крупных городах Восточного Туркестана. Чокан Валиханов писал: «Так как коканцы пользуются значительным влиянием в Кашгарии, то нужно было снискать расположение коканского аксакала (торгового консула)»¹. Он же отмечал, что все мусульмане Кашгарии ненавидят китайцев. Китайский исследователь Ли Чуен-нан указывает, что «генерал Цзо Цзун-тан в своем донесении трону обращал внимание на то, что в Синьцзяне мусульмане и китайцы не могут проживать вместе. Чиновники и народ далеки друг от друга, а потому установить здесь закон и порядок весьма трудно»².

Как отмечалось, китайцы считали все народы мира, кроме самих себя, отсталыми «варварами». Понятно, что во внутреннем Китае они относились соответственно к мусульманам, расселившимся в провинциях Ганьсу, Шэнси, Юньнани и др. Такая же концепция, но в геополитическом варианте, естественно, распространялась и на население Восточного Туркестана. Цинская администрация понимала, что исламская религия, консолидирующая практически всех жителей региона, является враждебной для нее силой, а

¹ РГВИА. Ф. ВУА (Военно-ученый архив). – 447 (Китай). Оп. 1. Д. 235 – Краткое извлечение из описания Кашгарии, или Алтышаара, составленного поручиком Валихановым (1857). Л. 2 об.

² Lee Chuen Nung. The political history of China. 1840-1928. Los Angeles, 1972. P. 115.

потому в целях наращивания своего геополитического влияния в Центральной Азии ей нужно максимально подавить местное мусульманство, расколоть его ряды, полностью подчинив приверженцев религии Пророка своим интересам. Российский ученый В.П. Литвинов справедливо указывает, что «власть Цинского Китая в Восточном Туркестане была глубоко антинародной... Она была цивилизационно чужда мусульманскому населению Кашгарии (Восточного Туркестана), она рассматривала каждого неханьца (некитайца) как “варвара”, достойного только угнетения и жестокой казни в случае неповиновения власти»¹. Российский консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский писал об одинаково негативном отношении китайцев к мусульманскому населению Восточного Туркестана – как оседлому, так и кочевому².

Естественно, что китайские мусульмане периодически восставали против ханьского угнетения, однако их выступления были разрозненными и легко подавлялись. Историки Китая пишут о том, что в 1855-1856 гг. было антикитайское восстание мусульман национальности пантай в провинции Юньнань. Было образовано мусульманское государство во главе с Ду Вэнь Сю, принявшего титул султана и взявшего себе имя Сулейман. Только в 1873 г. Цинам удалось разгромить повстанцев и ликвидировать их государство³. Другие китайские авторы указывали, что «многонациональное мусульманское восстание против маньчжурской эксплуатации и гнета вспыхнуло в Синьцзяне в 1864 г. во главе с уйгурами. Все эти восстания национальных меньшинств... были скоординированы с восстанием тайпинов в борьбе против маньчжурского деспотизма и феодальной эксплуатации»⁴. Современные китайские исследователи отмечают, что в 1860-1870-х гг. «волна антицинских выступлений серьезно разрушила административный аппарат, созданный

¹ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени) ... С. 297.

² Петровский Н.Ф. Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского. 1885 год // Сборник материалов по Азии. Вып. XXII. СПб., 1886. С. 16-17.

³ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 208-209.

⁴ Очерки истории Китая. Пекин, 1958. С. 227.

Цинами, нанесла сокрушительный удар по феодально-крепостническому режиму. Восставшие расправились с наиболее ненавистными феодальными чиновниками и беками-аристократами. Всё это стимулировано социально-исторический процесс в Синьцзяне. Однако это восстание имело и серьезные недостатки. Стихийность, отсутствие единого командования и крепкой организации, сильные религиозные и националистические тенденции и предрассудки привели к тому, что плодами восстаний воспользовались представители феодальных и религиозных кругов. Это обстоятельство изменило первоначальные цели и содержание восстаний»¹.

В.П. Литвинов пишет о том, что «жестокость карателей Цзо Цзун-тана в 1877-78 гг. в Кашгарии была традиционно (для китайцев) чудовищной – все мусульмане от младенцев до ветхих стариков, не успевшие бежать и укрыться в недоступных местах, беспощадно вырезались. Уйгуры, дунгане, казахи, кыргызы, калмыки и др. сотнями тысяч уходили в пределы Русского Туркестана и среднеазиатских ханств»². Однако никто из мировых политиков не осудил изуверство китайских карателей в Восточном Туркестане – ни лидеры стран Европы, ни США, ни даже султан Османской империи – халиф «правоверных». Только Россия реально возвысила свой голос против бессмысленного и варварского кровопролития. Она практически помогла бежавшим от китайской резни мусульманам Восточного Туркестана, приняв их в своих пределах и расселив на удобных местах в Семиречье. И это была большая геополитическая победа России в Центральной Азии: мусульмане региона повернулись лицом к ней, а не к единоверцам – Афганистану, Персии, Турции. Представляется совершенно очевидным, что вся эпопея с подавлением мусульманских восстаний в Восточном Туркестане была образцом сочетания религии и геополитики в Центральной Азии, поскольку события имели внерегиональное значение, затрагивая, как отмечалось,

¹ Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее... С. 131.

² Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени) ... С. 304.

геополитические интересы многих соседних государств или их лимитрофов – Британской Индии, России, Афганистана, Персии, Турции и, разумеется, среднеазиатских ханств – Бухарского, Кокандского (до его падения в 1876 г.) и Хивинского. Все они в той или иной мере испытывали на себе влияние этих событий.

В рассматриваемый период, особенно в годы мусульманского восстания 1860-1870-х гг. в Восточном Туркестане, росло тяготение коренного населения региона к российским владениям в Центральной Азии и региональным ханствам. Авторитет России среди мусульман Китайского Туркестана был весьма высок. А. Краусс отмечал, что «номинально Кашгар находится под властью китайского даотая, который ответственен за положение в регионе, однако на самом деле власть здесь контролируется господином Петровским – генеральный консулом России в Кашгарии»¹.

Известный в будущем белогвардейский «диктатор» России генерал Л.Г. Корнилов в бытность офицером (в чине капитана) Генерального штаба при Российском генеральном консульстве в Кашгаре писал в 1903 г.: «Нет никакого расчета стремиться к расширению наших границ присоединением Кашгарии... Несравненно выгоднее оставить ее во власти такого уживчивого и миролюбивого соседа, как китайцы, обеспечив за собой безусловное политическое и торговое влияние в этой стране, на что мы имеем исключительное право в силу близкого соседства с Восточным Туркестаном и близких родственных связей его населения с населением Русского Туркестана»². Безусловно, насчет «уживчивости» и «миролюбия» китайцев в Кашгарии он явно заблуждался. Очень многие факты антироссийского поведения китайских властей Кашгарии и до приезда туда Корнилова, и во время его пребывания там, и после отъезда не дают нам никаких оснований разделять его «благодушие» в части оценки указанных достоинств китайцев.

¹ Krausse A. China in decay... P. XIV.

² Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического обозрения. Ташкент, 1903. С. 426.

Дореволюционный российский деятель А.Д. Шеманский отмечал в 1903 г.: «Действительно, соседи наши (китайцы. – А. С.) в Средней Азии еще не вошли с нами в нормальные отношения. Кашгария – не то часть Китая... не то приобретает облик самостоятельного и пока еще “варварского” владения, могущего быть хотя и не слишком сильным, но достаточно беспокойным»¹. Генерал М.А. Терентьев, участник присоединения Центральной Азии, писал в 1906 г., чуть позже Л.Г. Корнилова, о том, что «китайцы и сами не были по отношению к нам искренне дружественными и добрыми соседями на восточной границе Киргизской степи, постоянно противодействуя утверждению нашей власти над киргизами (читай: кочевниками. – А. С.). Они привлекали к себе русских киргиз интригами, ласками и заманчивыми обещаниями»². При этом он подчеркивал, что между Россией и Китаем в Туркестане «спору за границу не прекращались»³.

Известно, что «генеральной» линией связи Западного Туркестана с Восточным традиционно были торгово-экономические контакты. Именно в них заключался партикулярный интерес сотрудничества двух регионов. Российский дореволюционный исследователь В.Ф. Новицкий указывал, что в 1883 г. российский экспорт в Синьцзян стоил 1 млн руб., а импорт из него – 800 тыс. руб. В 1893 г. стоимость российского экспорта в Синьцзян выросла до 2700000 руб., а импорта из него – 2100000 руб. За десятилетие был достигнут рост в 3 раза. Он писал: «Не подлежит сомнению, что в нынешнее десятилетие эти цифры вырастут еще более»⁴. Британский исследователь А. Колкахаун писал в 1900 г. о том, что, по данным на 1899 г., Россия вывозила из Китая чай, что составляло всего 9,4% от всего экспорта китайского чая, тогда как Англия и ее сателлиты (колонии) – 46,4%. Все европейские страны,

¹ Шеманский А.Д. Завоевание Средней Азии. – Разд. 3. Памирские походы 1891-1895 гг. и разграничение на Памирах // История русской армии и флота. М., 1913. С. 143.

² Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906. С. 8.

³ Там же.

⁴ Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану: Описание путешествия... С. 270.

кроме Англии, – 18,8%¹. Известный зарубежный археолог А. Штейн, исследовавший территорию Центральной Азии, писал о том, что в районе Сарыкола имеется русский гарнизон, так как «российский генеральный консул в Кашгаре (Н.Ф. Петровский. – А. С.) добился от китайских властей разрешения иметь небольшой казачий гарнизон в таком важном месте Сарыкола, как Ташкуртан, для того, чтобы контролировать торговлю и деловые операции с населением Русского Памира»². Что касается английской торговли из самой метрополии и Британской Индии с Восточным Туркестаном, то даже эпидемическая обстановка в Синьцзяне на нее не влияла. Китайский исследователь Ли Люен Пек указывал, что в 1894 г. английский посол в Пекине Макдональд сообщал в Цзунли-Яомынь³ о том, что агент англо-индийского правительства в Кашгаре Маккартней 21 и 23 февраля 1894 г. прислал телеграммы о том, что «кашгарский даотай, в связи с появлением бубонной чумы, решил закрыть торговые пути между Китайским Туркестаном и Британской Индией, установив барьеры из постов»⁴. Макдональд писал о том, что он «снесся с вице-королем Индии, который не находит в существующей ныне обстановке в Кашгарии такого серьезного повода, который мог бы оправдать действия кашгарского даотая по закрытию торговых путей между Китайским Туркестаном и Британской Индией»⁵. Английский исследователь А. Краусс отмечал, что «влияние центрального пекинского правительства на жизнь в мусульманском Синьцзяне (Восточном Туркестане) представляется весьма слабым»⁶.

Как отмечалось, в конце XIX – начале XX в. мусульманский мир переживал этап своего возрождения. Его пространства охватили идеи панисламизма и пантюркизма. Понятно, что мусульманское население

¹ Colquhoun A.R. The problem in China and British policy... P. 51.

² Stein M. A. Ruins of Desert Cathay: Personal narrative of exploration in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1. London, 1912. P. 95.

³ Министерство иностранных дел.

⁴ Lee Luen Pek. English and Chinese official documents. Changhai, 1905. P. 15.

⁵ Там же.

⁶ Krausse A. China in decay... P. 14.

Восточного Туркестана не могло не воспринять их. Современные китайские исследователи отмечают, что «в начале XX века идеи панисламизма и пантюркизма стали проникать из Османской империи в Синьцзян»¹. Они пишут о причинах их успеха в Китайском Туркестане: усиление феодального гнета и эксплуатации мусульман региона; упадок экономики Синьцзяна, наконец, «идеи панисламизма и пантюркизма встречали сочувствие у рядовых мусульман в силу общности религиозных верований»². В Кашгарии идеи панисламизма и пантюркизма распространяли купцы-мусульмане, а также студенты, обучавшиеся в Турции, и паломники, побывавшие в Мекке и Медине. Кроме того, пропагандистами указанных идей были турецкие эмиссары, действовавшие под личиной учителей мусульманских учебных заведений Китайского Туркестана. Китайские авторы указывают: «С одной стороны, синьцзянцы сами распространяли у себя идеи панисламизма и пантюркизма. С другой стороны, эти идеи активно насаждались властями Османской империи»³. Цинские власти Синьцзяна пытались противодействовать деятельности турецких пропагандистов, но без особого успеха. Мы полагаем, что его отсутствие объяснялось не только слабостью контрпропагандистского аппарата синьцзянских властей. Во-первых, к началу XX в. китайский режим в Восточном Туркестане окончательно прогнил и даже установление республиканской власти в 1911 г. не смогло купировать развитие процесса. Во-вторых, в памяти мусульманского населения региона еще свежи были злодеяния китайских карателей, подавлявших его восстания против маньчжурской власти. Наконец, в-третьих, в Восточном Туркестане к вышеуказанным идеям примешивалась изрядная доля национализма. Уже в то время начали складываться два основных течения регионального национализма: 1) «Синьцзян для уйгуров», преследовавшее цель установления автономии уйгуров в пределах Китая и обеспечение их преимуществ над

¹ Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее... С. 174.

² Там же. С. 174.

³ Там же. С. 175.

другими народами региона; 2) «объединенный национализм», имевший целью «объединение всех национальностей Синьцзяна с центром в Кульдже»¹. Они сохраняют свое влияние по сей день. Исследователь Д.В. Кузнецова отмечает, что «решение “уйгурского вопроса” значит для КНР и устранение проблемы “трех зол” – уйгурского сепаратизма, религиозного экстремизма и международного терроризма»². О значительной силе мусульманского сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР уверенно пишет кыргызстанский исследователь А.А. Князев³. Российский исследователь Г.А. Антонов связывает уйгурский национализм и сепаратизм в СУАР с силами международного исламского терроризма⁴. Действительно, такие мусульманские сепаратистские организации СУАР, как «Яна аят», «Лобнорские тигры», «Харахат», «Искры Родины» и др. настроены очень воинственно к великоханьскому режиму в Восточном Туркестане. В политическом плане они выступают за образование «Великого Туркестана» как единого исламского государства (халифата), включающего в себя как его Восточную, так и Западную части. Сотрудничество мусульманских сепаратистов Синьцзяна с ИГИЛ началось с первых дней существования пресловутого «Мусульманского государства».

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что Китай не был сторонним участником «Большой игры» в Центральной Азии, хотя иногда он дистанцировался от нее, как это было при Памирском разграничении 1895 г. Завоевав Восточный Туркестан, китайцы сразу проявили свой жестокий нрав по отношению к мусульманам этого региона. Более того, они планировали

¹ Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia...P. 18.

² Кузнецова Д.В. Исламский фактор во внешней политике КНР // 50 лет РУДН: Интернациональный опыт подготовки специалистов для СССР, России и зарубежных стран: Мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 50-летию РУДН (17-18 апреля 2009 г.). М.: Изд-во РУДН, 2009. С. 249.

³ Князев А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек: КРСУ, 2001. С. 109.

⁴ Антонов Г.А. Международный терроризм в контексте социальных и политических изменений // Диалог цивилизаций. Бишкек: Илим, 2005. № 1 (6). С. 83.

поход в Западный Туркестан (Центральную Азию). Это напугало местных правителей, и ташкентский правитель – вассал Бухарского ханства Юнусходжа направил в 1797 г. послов в Петербург с просьбой принять его владения под покровительство Российской империи. Примечательно, что обратился он не к англичанам в Индию, а именно к русским¹. Пока китайцы осваивались в Восточном Туркестане, Россия еще не очень тревожилась. Но позже, когда Китай проявил свою жесткую позицию в вопросах территориального расширения, в 1799 г. на основании доклада президента Коммерц-коллегии, действительного тайного советника князя Г.П. Гагарина император Павел I издал указ о заселении Южной Сибири, вдоль границ с Поднебесной, отставными солдатами и ссыльнопоселенцами². Зарубежный исследователь Р. Гандри отмечал, что в рассматриваемый нами период «главным принципом китайской внешней политики всегда было стремление окружать себя “буферными” государствами, а потому, возможно, Туркестан ценился менее как зависимый, не говоря уже о том, чтобы он мыслился пекинскими политиками как передовой рубеж, прикрывающий любое продвижение к его северо-западным провинциям»³. Он указывал, что Китай с опаской относился к «туркестанским мусульманским народам, которые, считая себя независимыми, всегда были склонны нападать на Китай в Восточном Туркестане, что показало движение Якуб-бека к границам Печили. Китай в отношении своих мусульман преследовал политику умиротворения их как своих подданных у себя дома, вместо того чтобы отражать их нападения от своего порога»⁴. Р. Гандри полагал, что «мусульманская Кашгария всегда была источником всякого рода народных восстаний и стала еще более ощутимым

¹ Русско-индийские отношения в XIX в.: Сб. архив. док-тов и мат-лов... С. 36.

² Там же. С. 37.

³ Gundry R. S. China and her neighbors: France in Indo-China, Russia and China, India and Tibet... P. 303.

⁴ Там же.

источником народных движений, вызванных русским завоеванием Коканда, с которым они всегда были кровно и тесно связаны»¹.

Большой геополитической проблемой для Китая в Восточном Туркестане стало мусульманское государство Джетышаар (Семиградье), которое образовал ставленник англичан Якуб-бек Батурбаши (предводитель храбрецов), узбек, выходец из селения Пискат близ Ташкента, служивший некогда кокандскому хану и возглавлявший оборону Ак-Мечети от наступавших русских войск². Сначала Якуб-бек явился с отрядом в Кашгарию в 1865 г. как посланец кокандского хана и действовал под предводительством местного правителя Бузург-хана. Используя недовольство народа, Якуб-бек сверг Бузург-хана, отправив его в хадж – паломничество в Мекку, взял власть и объявил себя не ханом, а Аталык Гази («защитник веры»)³. Г. Белью отмечал, что Якуб-бека на Западе называли «Наполеоном татарских степей»⁴, а народ Кашгарии именовал его Бадаулетом – «счастливец». После захвата власти с той же помощью англичан Якуб-бек стал «собирать земли». Но Дунганский султанат ему пришлось «загонять» под свое крыло относительно долго, а Таранчинское (уйгурское) государство оказалось под властью русских войск, занявших временно Илийский край и образовавших так называемый Кульджинский район. Так или иначе, но к июню 1867 г. войска Якуб-бека захватили семь городов Восточного Туркестана и образовали свое государство – Джетышаар. Якуб-бек сформировал армию в 60 тыс. человек, то есть в 4 раза больше, чем там было цинских войск. «Туркестанские ведомости» писали о том, что в Восточном Туркестане шли военные действия между дунганами и уйгурами и китайскими войсками. Газета отмечала, что кашгарский правитель Якуб-бек начал борьбу против дунган⁵. В 1868 г. Бадаулет прислал свое

¹ Gundry R.S. China and her neighbors: France in Indo-China, Russia and China... P. 303.

² Бородин. Правитель Алтышаара // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. II. СПб., 1873. С. 197-201.

³ Белью Г.У. Кашмир и Кашгар: Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. ... С. 6.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ Из Семиреченской области // Туркестанские ведомости. 1872. № 14.

посольство в Санкт-Петербург, но его приняли холодно, указав, что государство Якуб-бека Джетышаар не является суверенным и не должно иметь никаких территориальных претензий к России. Иначе и быть не могло— царскому правительству было известно, что Якуб-бек связался с англичанами в Индии против России.

Исследователь А.В. Постников отмечает, что «в начале второй половины XIX в. Великобритания особенно усилила свою политическую активность в южных районах Центральной Азии. Интерес англичан к Восточному Туркестану и Памиру сильно возрос с момента прихода к власти в результате антикитайского восстания в Кашгаре Якуб-бека и образования на части Синьцзяна мусульманского государства Йеттишаар. Англия видела в Кашгаре новый рынок сбыта и намеревалась превратить его в форпост своей колониальной политики в Центральной Азии»¹. Он отмечает, что англичане обосновались в стратегически важном Герате и реально угрожали России. Англия таким образом «всячески старалась сделать орудием своей антироссийской политики сначала правителя Йеттишаара, а затем Китай и его администрацию в Синьцзяне»². Англичанин Р. Гандри писал о том, что «Лондон хотел использовать государство Якуб-бека как буфер между нашей и русской территорией»³. Зарубежный исследователь Р. Тэйлор указывал, что в 1869 г. кашгарский правитель Якуб-бек «забрал китайское владение Сарыкол, часть региона, называемого “Памиром”, где находятся истоки Оксуса»⁴. В 1870 г. англичане отправили к Якуб-беку миссию под руководством Дугласа Форсайта, не имевшую, однако, формальных полномочий. Англичане опасались, что Якуб-бек может стать пророссийским правителем, а русские используют Кашгарию против Британской Индии. Форсайт со своей миссией

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке... С. 71.

² Там же.

³ Gundry R.S. China and her neighbors: France in Indo-China, Russia and China... P. 305.

⁴ Taylor R. Central Asia: Travels in Kashmere, Little Tibet and Central Asia. New York, 1892. P. 97.

сделали немало для того, чтобы перетянуть Якуб-бека на свою сторону. Исследователь А.В. Постников пишет о том, что в 1873 г. вице-король Индии лорд Нортбрук направил в Кашгар новую миссию во главе с Форсайтом. При миссии были также разведчики-пандиты. Все деяния этой миссии были подробно описаны Белью, на которого мы ссылаемся в этом исследовании¹. Известный русский дореволюционный востоковед М. Венюков указывал, что англичане надеялись на то, что Афганистан и Джетышаар Якуб-бека составят «непрерывную ограду Индии с северо-запада»². «Хотя мы и не поддерживаем Якуб-бека в борьбе его с китайцами и не мешаем ему бороться с ними, – писал он, – прямой интерес наш не допускать возникновения в соседстве с нашими среднеазиатскими владениями мусульманских государств, тем более находящихся под влиянием из-за Гималаев»³. То есть из Британской Индии. О. Лэттимор пишет о том, что в 1874 г. Форсайт подписал договор в Кашгаре с Якуб-беком об обмене дипломатическими миссиями на уровне посольств. Он указывает, что это «был факт, беспрецедентный для всех других среднеазиатских правителей»⁴. Валантайн Чирол в статье «Китай», в «Британской энциклопедии» (10-е изд., т. 3, с. 3) писал о том, что «Англия видела в государстве Якуб-бека сильное государство, могущее стать возможным удобным буфером не только между Китаем и Россией, но также между Британской Индией и Российской империей»⁵. Однако, как отмечалось, Великобритания вела политику «двойных стандартов» в Восточном Туркестане. Лондонское правительство поддерживало пекинское правительство, давало ему займы на подавление государства Якуб-бека и иных, продавало оружие и проч., тогда как англо-индийское правительство в

¹ Белью Г.У. Кашмир и Кашгар: Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. С. 6.

² Венюков М. Рецензия на книгу «Путешествие на Памир» Гордона // Известия Императорского Русского Географического общества. 1876. Т. 12. С. 28, в сноске.

³ Венюков М. Россия и Восток: Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 127.

⁴ Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia... Р. 34.

⁵ Там же. Р. 33.

Симле активно поддерживало Джетышаар Якуб-бека и во всём ему помогало. Из Лондона Пекину говорили о том, что в Симле сидит «независимое» от него правительство, действующее по нормам британской демократии, которая предполагает возможность подчиненных правительству органов принимать решения по своему разумению, руководствуясь требованиями адекватной текущей обстановки в том или ином регионе. Таким образом, Англия помогала Якуб-беку руками своей индийской администрации, которая устроила ему отношения с Турцией. Посол Якуб-бека Сейид Якуб-хан-тюря посетил Константинополь. Султан при встрече с ним советовал кашгарским властям «быть дружественными с Британией». Султан послал Якуб-беку «артиллерийские пушки и трех турецких офицеров в качестве инструкторов»¹. О связях Якуб-бека с Турцией подробно пишет исследователь А.Д. Васильев².

Следует заметить, что в это время Россия поддерживала с Джетышааром активные торговые отношения. В «Политическом очерке Восточного Туркестана» (1869 г.) отмечалось, что «несмотря на вражду с Кокандом, Якуб-бек предложил кокандскому хану соединиться против России... угрожая в противном случае войной»³. Вместе с тем Бадаулет не хотел сильно ухудшать отношения с Россией. Г. Роулинсон писал о том, что «Якуб-бек, наблюдая натиск России на Коканд и Бухару, вполне оправданно ожидал от нее таких же действий и в свой адрес»⁴, и отмечал, что тот был прав в этом, так как «Россия вряд ли станет спокойно смотреть на становление сильного и независимого мусульманского государства во главе с Якуб-беком на своих границах»⁵. Генерал указывал, что в 1872 г. Якуб-бек пригласил из Ташкента барона Каульбарса, с тем, чтобы разъяснить ему свою позицию. Роулинсон отмечал,

¹ Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia... С. 34.

² Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государства Якуб-бека // Восток. 2007. № 2. С. 15-22.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4793 – Политический очерк Восточного Туркестана. Л. 6.

⁴ Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia... P. 341.

⁵ Там же. С. 341-342.

что в российских официальных кругах Якуб-бека называли «де-факто глава Семиградья»¹. Аталык Гази писал 8 июня 1872 г. туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману: «Всякий, заключающий мир и дружбу с великой Россией, не испытал на себе ни вреда, ни угнетения»². Он обещал, что для России «все пути для торговли будут открыты»³. К.П. Кауфман в рапорте в Главный штаб от 28 июля 1872 г. оценил миролюбие Якуб-бека, однако указал, что вести с ним переговоры о разграничении не следует, так как он не является законным правителем⁴. Якуб-бек, действительно, воздерживался от открытых антироссийских акций и предпочитал вредить России скрытным образом. В рапорте туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману от 20 апреля 1876 г. семиреченский военный губернатор генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский писал о том, что кашгарский правитель Якуб-бек «не принимал никакого участия в “священной войне” против нас даже тогда, когда кокандское восстание (1873-1875 гг. – А. С.) было в полном развитии»⁵. Он отмечал, что Бадаулет понимал, что если он вступит в «священную войну» против русских, то существенно изменит ситуацию в восстании, и поэтому он не пошел на такой шаг⁶. К.П. Кауфман подчеркнул слова «никакого участия» и написал на полях синим карандашом: «неправда». В мае 1876 г. российское правительство направило к Якуб-беку военную миссию во главе со штабс-капитаном А.Н. Куропаткиным. Она не принесла особых результатов, но глава миссии написал об этом книгу, не утратившую своего научного значения по сей день⁷.

В это время китайские карательные войска во главе с генералом Цзо Цзун-таном активно продвигались по территории Кашгарии, и судьба

¹ Rawlinson H. *England and Russia in the East...* С. 343.

² ЦГА Узб. Ф. 1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Оп. 27. Д. 6. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 27. Д. 6. – Л. 3.

⁵ АГИМ. Ф. 307. (Гродеков Николай Иванович). Оп. 1. Д. 19 – Рапорты, копии, переписка и др. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 41 об.

⁷ Куропаткин А.Н. Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее вооруженные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

Джетышаара, образно говоря, повисла на волоске¹. Англичане пытались спасти государство Якуб-бека. О. Лэттимор пишет о том, что британское правительство предложило китайскому послу в Лондоне Гу Сань-таю образовать мусульманское государство в Центральной Азии, которое охватит беспокойный для Пекина Восточный Туркестан. Посол доложил об этом Пекину. Однако генерал Цзо Цзун-тан категорически отверг это предложение, отметив, что решение проблемы с государством Якуб-бека есть внутреннее дело Китая. При этом он отметил, что, пытаясь «образовать мусульманское государство в Центральной Азии, Англия хочет таким образом создать мощный барьер на пути к своим богатствам в Северной Индии»².

Якуб-бек умер фактически на закате своего государства, теснимого китайскими карательными отрядами, возглавляемыми генералом Цзо Цзун-таном. Перешедшая к сыну власть была эфемерной. В 1876 г. пало Кокандское ханство. От Аталыка отвернулись англичане. Авторитетные специалисты отмечают, что «к этому времени уже сформировался союз Цинов с иностранными колонизаторами, в котором видную роль играла Англия»³. В такой ориентации Англии значительную роль сыграла рассматриваемая нами связь религии и геополитики. Якуб-бек демонстративно подчеркивал свое уважение к Османской империи и заявлял о преданности турецкому султану как халифу всех «правоверных». Английский врач, участник английского посольства в Кашгарию к Якуб-беку в 1873-1874 гг. Белью писал о том, что Якуб-бек чеканил свои монеты, но «с именем “царствующего султана Турции”»⁴. Он же отмечал, что в Яркенде, при Якуб-беке, «турецкие офицеры... явились, на удивление туземцев, в полной форме и породили

¹ Тихонов Д. Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XVI. М., 1958. С. 109-137.

² Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian frontiers of China and Russia... P. 272.

³ Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки... С 176.

⁴ Белью Г.У. Кашмир и Кашгар: Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. ... С. 229.

множество разноречивых мнений о том, кто такие они были»¹. При этом Белью указывал, что турецкие офицеры-советники при Якуб-беке называли солдат Аталыка – андижанских узбеков «глупой скотиной»². Происламская ориентация Якуб-бека выразилась и в том, что в его войске служило много афганцев³. Бадаулет мыслил геополитически, но как мусульманин. Он знал о напряженности русско-турецких отношений и не без оснований считал, что дело идет к очередной войне между Османской и Российской империями. Он надеялся, что Турция, как это было в Крымской войне 1853-1856 гг., снова победит Россию, так как ей опять поможет Англия. Но он просчитался. Он плохо знал Англию, а точнее, ее геополитические замыслы. Она уже не хотела помогать мусульманам. Примечательно, что разгром государства Якуб-бека китайскими карателями состоялся как раз под конец русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в котором Османская империя была разгромлена наголову. Безусловно, Цинам удалось справиться с мусульманскими повстанцами в Кашгарии в 1878 г. во многом благодаря тому, что Россия в 1876 г. ликвидировала Кокандское ханство, преобразовав его в Ферганскую область Туркестанского края, и не поддержала ничем государство Якуб-бека.

Мы считаем нелишним отметить, что свой вклад в развитие событий в Восточном (Китайском) Туркестане внесли кыргызы, причем не только кашгарские, о которых писал К. Риттер⁴. А он отмечал, что кыргызы Восточного Туркестана принимали активное участие в борьбе китайского генерала Фу-де против «ходжей» в Кашгарии. Однако они же в 1825-1827 гг. не менее активно поддержали восстание Джехангира против китайского ига в регионе⁵. П.П. Литвинов пишет, что «антицинские настроения киргизов обусловили их активное участие в восстании мусульманского населения

¹ Белью Г.У. Кашмир и Кашгар: Дневник английского посольства... – С. 174-175.

² Там же. С. 281.

³ Там же. С. 185.

⁴ Риттер К. Землеведение Азии: География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан... С. 283

⁵ Там же.

Восточного Туркестана в 60-70-х годах XIX века. Английский шпион – “пандит”, известный в историографии под кличкой “Мирза”, докладывал своему начальству, что памиро-алайские киргизы пользуются исключительным влиянием при дворе кашгарского правителя Якуб-бека и составляют костяк его личной гвардии»¹.

Разгром государства Якуб-бека убрал «лишнюю» карту из геополитического «пасьянса» в Центральной Азии. Он отчасти расстроил англичан, однако они имели твердые связи с центральным правительством Китая и надеялись на свое влияние в нем. Россия тоже не сожалела по этому поводу. Афганский эмир не видел в Якуб-беке надежного союзника. Турция, зная о проанглийской ориентации Бадаулета, тоже не надеялась на него, тем более что у нее начали портиться отношения с Великобританией. Что касается мусульманских ханств – протекторатов России, то главного соратника Якуб-бека – Кокандского ханства уже не существовало, а прочие никогда на него особенно не полагались. Таким образом, лишнее мусульманское государство в регионе никому не было нужно. В итоге, геополитический расклад в Центральной Азии вернулся на круги своя. Бухарское и Хивинское ханства играли в нем скромную роль, но как мусульманские государства они учитывались участниками «Большой игры» в регионе.

Итак, Китай еще в древний период был связан с Восточным Туркестаном. Он был изгнан оттуда на целое тысячелетие арабо-тюркскими войсками еще до широкого распространения ислама в Центральной Азии. Связи Китая с мусульманством региона поддерживались на торгово-экономическом уровне. Он никогда не выпадал окончательно из геополитических планов властей Поднебесной, которые, воспользовавшись благоприятной для них геополитикой, в середине XVIII в. вернули себе контроль над Восточным Туркестаном. Они устроили административное

¹ Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. ... С. 19.

управление регионом, однако не могли достичь согласия с местным мусульманством, окрепшим в вере Пророка за истекшее тысячелетие. Мусульмане постоянно бунтовали против китайских властей, а в 1860-1870-х гг. их восстание охватило весь Восточный Туркестан. В этот период Англия вела двойственную, лицемерную геополитику, поддерживая как центральное пекинское правительство, так и мусульманских инсургентов Кашгарии, особенно марионеточное государство Якуб-бека. Китайскому правительству помогла только царская Россия, временно заняв Кульджинский район, который она позже вернула ему без всяких проволочек. Китайские войска жестоко подавили мусульманское восстание в Восточном Туркестане, упрочив геополитические позиции Поднебесной в Центральной Азии. Ее властям удалось договориться с местным мусульманством, хотя его неприятие Китая оставалось прежним. Пекинское правительство, учитывая исламский религиозный фактор в регионе, в своей геополитике в Центральной Азии лавировало между основными участниками «Большой игры» – Россией и Англией, однако окончательно от нее не отстранялось. Оно боялось британцев и старалось насолить России своими подрывными действиями. У китайских властей вызревала надежда на союз с мусульманами для будущей геополитической победы над Россией и Англией в Центральной Азии. Даже после победы Синьхайской революции в Поднебесной геополитическая линия китайских властей в мусульманской Центральной Азии не претерпела кардинальных изменений, и это можно считать парадигмой внешней политики Пекина в этом регионе.

ГЛАВА 3. МУСУЛЬМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1. Идеи панисламизма как геополитический «ответ» укреплению Российской империи в Центральной Азии

Географически Османская империя (Турция) не относилась к региону Центральной Азии, как, впрочем, и многие иные субъекты геополитики в этой части азиатского континента (Англия, Франция, Германия и др.). Пожалуй, только Россия, присоединив Среднюю Азию, могла к ним относиться на совершенно легитимных основаниях. Однако, на наш взгляд, геополитика как таковая тем и отличается от региональных международных отношений, что она включает в свой «оборот» многие отдаленные от того или иного места планеты страны. Понятно, что и степень влияния религиозного фактора со стороны разных государств на геополитику в указанном регионе тоже была разной. Что же касается Турции, то для нее он, видимо, представлялся самым значительным. В рассматриваемый период Турция считалась лидером мусульманского мира планеты. Несмотря на существование многих пережиточных явлений консервативного ислама, в своем развитии она усвоила и немало европейских форм бытия. Вместе с тем Османская империя продолжала оставаться чисто мусульманским государством. К. Маркс писал о том, что «турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона»¹. Он отмечал, что поэтому в Османской империи немислимо уравнение мусульман и «гяуров» («неверных»)– христиан). К. Маркс указывал,

¹ Маркс К. Греческое восстание // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958. С. 130.

что «это непременно означало бы на деле – заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами, означало бы разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»¹.

Сегодня многие считают едва ли не предосудительным обращаться к трудам «классиков» марксизма. И зря, так как они не утратили своей теоретической значимости для ясного и четкого понимания тех или иных исторических проблем. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали важнейшее значение религиозного фактора в Османской империи. Они писали о том, что турки могут быть разными по имущественному положению, «но какое бы социальное положение он (турок. – А. С.) не занимал, он принадлежит к привилегированной религии и национальности – он один имеет право носить оружие и самый высокопоставленный христианин обязан при встрече уступать дорогу мусульманину, принадлежащему к низшему слою общества»². В Российской империи высокопоставленный мусульманин не имел преимуществ перед низшим по социальному статусу православным или иным христианином. Но в Британской Индии самый захудалый англичанин тоже стоял выше высокопоставленных индусов или мусульман.

Османская империя играла значительную роль в мировой геополитике. Она завоевала обширные территории в Европе, в которой она рассматривалась именно как *исламская* – противник главной континентальной религии – христианства. Кстати, нынешние трудности Турции со вступлением в Евросоюз во многом связаны, на наш взгляд, именно с этим обстоятельством. Тем не менее, некоторые страны Европы вступали с Турцией во временные союзы, в связи с чем ее роль в мировой геополитике только возрастала. Однако с течением времени Османская империя утрачивала свои позиции, особенно в XVIII в. В XIX в. процесс продолжался, поскольку Турция была снедаема внутренними противоречиями и ростом освободительного движения

¹ Маркс К. Греческое восстание... С. 130.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Британская политика. – Дизраэли. – Эмигранты. – Мадзини в Лондоне. – Турция // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957. С. 6.

покоренных ею народов – славян, арабов, евреев и др. Об этом весьма подробно пишет российский исследователь С.А. Нефедов¹.

Император Николай I (1825-1855) называл Турцию «больным человеком». К. Маркс писал в 1853 г. о том, что этот русский «царь всегда тщательно заботился о том, чтобы разложение турецкого государства совершалось исключительно под опекой России»². Для понимания сущности рассматриваемой в диссертации проблемы, это замечание «классика» имеет важное значение, так как, завоевав Среднюю Азию, Россия приобрела мощные ударные позиции в отношении Турции. Однако, несмотря на явно слабеющие опоры, Османская империя в изучаемый период всё же сохраняла свой вес как в мировой, так и региональной политике. И в немалой степени именно из-за своего религиозного статуса. Во многих местах мусульманского мира, весьма отдаленных от Оттоманской империи (например, в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и др.), турецкий султан считался халифом всех «правоверных». Конституция Османской империи 1876 г. в статье 4 гласила: «Его Величество в силу звания халифа есть покровитель мусульманской религии. Он повелитель и падишах всех оттоманов»³. Во многом сохранению влияния такого статуса способствовало то, что Турция владела Хиджазом с его главными святынями мусульман – Меккой и Мединой. И берегла его как зеницу ока. Зарубежный исследователь А. Петерсен пишет о том, что Османская империя завоевала, а потом утратила многие территории, но «она, тем не менее, не утратила контроль над Хиджазом, где турки сохранили существовавшее местное управление шерифов Мекки в качестве своих губернаторов»⁴. Ежегодно десятки тысяч приверженцев веры Пророка

¹ Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008. С. 591-634.

² Маркс К. Русско-турецкие осложнения. – Уловки и увертки лондонского кабинета. – Последняя нота Нессельроде. – Ост-Индский вопрос // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957. С. 202.

³ Новая история стран Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1995. С. 115.

⁴ Petersen A. The Ottoman Conquest of Arabia from 16th to the 18th Century // Bulletin of the Society for Arabian Studies. 2008. № 13. P. 8.

совершали хадж (паломничество) в это священное места ислама, где имели дело с турецкими властями. Понятно, что мусульмане Центральной Азии не были исключением, хотя хадж в регионе до прихода в него России и постройки здесь железных дорог совершали очень немногие верующие. Таким образом, хадж адептов ислама в Центральной Азии был одним из обстоятельств роста религиозного фактора в геополитике Османской империи в этом регионе, о чем весьма подробно пишет российский исследователь В.П. Литвинов¹.

Турция проявила геополитический интерес к Центральной Азии еще в XV в., поскольку этот регион уже тогда заявил о себе именно в религиозном отношении. После взятия Константинополя султан Мехмет II направил в Центральную Азию шейха Эфенди-Таура для установления связей с тамошними правителями и простыми мусульманами. Посланец явился в Туркестан с драгоценным религиозным даром – «Кораном Османа», который считался рукописным произведением самого этого «праведного» халифа, писавшего его якобы перед своим убийством, в связи с чем на книге сохранились пятна крови третьего преемника Пророка. По этому поводу В.П. Литвинов пишет: «Не исключено, что сам Эфенди-Таур или же его ученики подарили эту “священную” реликвию бухарским ханам, которые передали ее в Самарканд для хранения в мечети при мавзолее Ходжи Ахрара. Известно, что коронация (вознесение на белом войлоке) бухарских правителей происходила в Самарканде, во время которой муллы читали именно этот Коран»². Во время самаркандской операции русских войск в 1868 г. шейхи-хранители мавзолея Ходжи Ахрара продали драгоценную реликвию за сто рублей русскому офицеру Серову, после чего она оказалась в Императорской публичной библиотеке в С-Петербурге³.

¹ Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха Нового времени) ...; Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам) ...

² Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени) ... С. 210.

³ Шебунин А.Ф. Куфический Коран Императорской С-Петербургской публичной библиотеки. СПб., 1891.

После посещения турком Эфенди-Тауром Центральной Азии власти Османской империи продолжали поддерживать связи со среднеазиатскими ханствами – Бухарским и Хивинским, к которым на рубеже XVII-XVIII вв. присоединилось Кокандское. Они направляли туда как официальные посольства, так и агентов-разведчиков, являвшихся в ханства под личиной мулл, учителей, дервишей, абитуриентов, поступавших в знаменитые бухарские медресе и т.п. Можно утверждать о том, что до появления первых признаков российской экспансии в Центральной Азии, несмотря на религиозное «родство», турецкий «истеблишмент» не придавал особенного значения региональным ханствам как субъектам мировой геополитики – Стамбул был занят проблемами европейских отношений, борьбой с шиитской Персией, ваххабитским движением в Аравии и т.д. Считалось, что ханства Центральной Азии как собратья по вере будут всегда в русле турецкой геополитики в регионе. Однако в первой половине XIX в. ситуация в последнем стала меняться, причем не в пользу Османской империи. В 1830-х гг. Россия устроила военные укрепления на северном берегу Каспийского моря. Турецкие власти усмотрели в таких действиях большую стратегическую угрозу для себя. И для того, чтобы купировать ее, они прибегли к религиозному рычагу в геополитике, направив «в Закаспийский регион своих агентов из числа турецких накшбендийцев¹, поставив перед ними задачу усиления исламизации полуязычников туркмен, казахов и прочих номадов края и развития в них антирусских настроений. В начале 1840-х гг. в регион прибыли агенты турецких спецслужб: Кутлуг-хаджи (старший в «команде»), Мухаммед-шериф и Юсуф-ишан. Все они объявили себя ходжами-ишанами – духовными наставниками номадов, а Кутлуг-хаджи получил прозвище Каракум-ишан². Узбекистанский историк советского периода А.П. Савицкий уверенно считал Каракум-ишана, появившегося с товарищами в дельте

¹ То есть членов мусульманского ордена Накшбендийя, названного в честь известного исламского святого из Бухары Бахаэтдина Накшбанда (1318-1389).

² Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени) ... С. 212.

Амударьи в 1840-х гг., турецким агентом, связанным также и с английскими спецслужбами в Британской Индии. Он писал о том, что к ишану постоянно и открыто наезжали «гости» из Турции, так как Туркмения тогда еще не была присоединена к России. По его словам, Каракум-ишан открыто принимал у себя турецких агентов в фесках¹. Турецкие религиозные агенты-ишаны сыграли большую роль в том, что присоединение Туркмении к России шло с большим трудом и в виде вооруженных столкновений. Однако «даже после присоединения Туркмении к России ученики “Каракум-ишана” продолжали свою антироссийскую “проповедническую” деятельность среди туркмен, казахов и др. в пользу Турции, вплоть до падения царизма, активно используя для этого “святые места” и паломничество к ним»².

Таким образом, в подобных действиях Османской империи в Центральной Азии активно сочетались религия и геополитика. Естественно, что это не могло не проявить себя во время наступления России в Средней Азии в 1860-х гг. Турки изначально усилили борьбу против нашествия «неверных» в ханствах региона, о чем писал разведчик, российский офицер-казах Чокан Валиханов³. Авторитетные специалисты свидетельствуют о том, что во время продвижения России в Средней Азии Англия действовала в контакте с Османской империей. Они отмечают: «Английские и турецкие агенты действовали от имени султана как “халифа правоверных” и разжигали религиозный фанатизм. Под знаменем защиты ислама они подстрекали реакционное мусульманское духовенство среднеазиатских ханств против России... После взятия Ташкента в Средней Азии еще более усилилась деятельность английских и турецких агентов»⁴. Такая пропаганда имела успех, поскольку, как отмечал В.М. Хвостов, авторитет турецкого султана «высоко

¹ Савицкий А.П. Некоторые данные об исламских учреждениях и политике царских властей в Туркестане... С. 62-63.

² Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект... С. 212.

³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энц., 1984. С. 223.

⁴ История дипломатии. Т. 1 / В.П. Потемкин, С.В. Бахрушин, А.В. Ефимов, Е.А. Косминский, А.Л. Нарочницкий, В.С. Сергеев, С.Д. Сказкин, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов; Под ред. В.А. Зорина и др. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1959. С. 820.

чтился в мусульманском мире»¹. Академик В.В. Бартольд уточнял, что среднеазиатские ханы признавали турецкого султана халифом всех правоверных мира в пику шиитской Персии². Понятно, что Турции не нравилось продвижение России вглубь Туркестана.

Вместе с тем правители Османской империи – халифы «правоверных» использовали свой религиозный статус в Центральной Азии осторожно. Они учитывали то, что новая война (после Крымской 1853-1856 гг.) с Россией не сулит им никаких выгод, так как процесс обновления царской империи, вступившей в полосу кардинальных реформ, был более чем очевиден. Разыгрывать в таких условиях религиозную карту в мировой геополитике в Туркестане они не решались, поскольку это не находило понимания и в европейских христианских столицах, не желавших усиления мусульманской Османской империи. Турецкий исследователь М. Сарай пишет о том, что во время русско-бухарской кампании 1868 г. посол бухарского эмира Музаффера в Стамбуле «предложил турецким властям оказать помощь Бухаре, направив военных советников и специалистов по изготовлению оружия, однако турецкое правительство отказалось послать своих военных в Бухару, так как оно опасалось, что это может вызвать протест со стороны России»³. Вместо этого Турция послала в Бухару своего эмиссара – шейха Сулеймана-эфенди, прибывшего в Бухару в конце 1870 г. Не исключено, что он надоумил местные власти просить подданства Турции, поскольку 8 февраля 1871 г. бухарское правительство направило великому визирю Османской империи «меморандум», в котором просило султана взять ханство под свою руку и отмечало, что вся «страна и народ будут подчиняться Оттоманской империи во всём, что она пожелает, и все приказы ее будут исполняться беспрекословно и сразу. Правительство нашей страны, находясь под Оттоманским

¹ История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время, 1871-1914 / В. М. Хвостов; Под ред. А.А. Громыко и др. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1963. С. 73.

² Бартольд В.В. Турция, ислам, христианство // Соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966. С. 427.

³ Saray M. The Russian Conquest of Central Asia // Central Asia Survey: The Journal of the Society for Central Asian Studies. 1982. Vol. 1. № 2-3. P. 22.

протекторатом, обеспечит то, что советы и приказы Оттоманской империи будут безусловно исполняться»¹. Однако такая просьба не встретила понимания в турецких верхах. В итоге, Бухара вынуждена была подписать с Россией договор в 1868 г., превративший ее в протекторат царской империи.

Но антироссийская деятельность Турции в среднеазиатских ханствах не только не уменьшилась, но и становилась активнее. Известный советский востоковед Н.А. Халфин писал о том, что «англичане и турки уделяли много внимания пропаганде вражды к России в Кокандском ханстве»². Это было понятно, так как именно в этом государстве в начале 1870-х гг. началось восстание народа, в котором заглавную роль играли кочевники-кыргызы. Турция внесла значительный вклад в его подготовку и осуществление. Г. Роулинсон указывал, что в начале восстания в 1873 г. российскому послу в Турции графу Н. П. Игнатьеву дали понять, что «Россия действует вразрез с интересами мирового ислама. Естественно, что Н.П. Игнатьев правильно понял опасность мусульманской пропаганды в деле противопоставления Запада и Востока»³. Россия не вмешивалась во внутренние дела Кокандского ханства, поскольку ее политики тоже учитывали связь религии со своими геополитическими планами в Туркестане. Они лишь воспользовались полным крушением ханства, образовав на его месте Ферганскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края)⁴.

Давно считается фактом, что перед началом Ферганского восстания один из его лидеров – Абдуррахман-афтобачи совершил хадж в Мекку и Медину, а на обратном пути побывал в Стамбуле, где получил

¹ Saray M. The Russian Conquest of Central Asia... С. 23.

² Халфин Н.А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50-80-е гг. XIX в.) ...С. 31.

³ Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. London, 1875. P. 344.

⁴ Именной, данный Сенату – Об порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. 1876 год. СПб., 1878. № 55593. С. 139; Именной, объявленный Сенату Товарищем Министра Юстиции – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. Т. 51. Отд. 1. 1876 год. СПб., 1878. № 55594. С. 139-140.

«благословение» турецкого султана на «газават» против русских¹. По итогам восстания, российская газета «Голос» писала в 1876 г. о том, что «Турция пока еще мало сделала вреда в Русской Средней Азии (то есть вне Кокандского ханства. – А. С.), но в будущем сделает еще многое»². Газета оказалась более права, чем В. М. Хвостов, который отмечал, что во время ухудшения англо-турецких отношений из-за Египта «первенствующее влияние в Константинополе в 80-х гг. (XIX в. – А. С.) перешло к России»³. По его мнению, Россия усилила свое влияние на Стамбул – и турки притихли. У нас есть большие сомнения на сей счет, так как в середине 1880-х гг., во время движения так называемых «джетым-ханов» (лжеханов) Турция немало постаралась для того, чтобы его активизировать. Турецкие агенты под разными личинами во множестве проникали в Туркестан, где творили свое дело. Они призывали мусульман региона к восстанию против власти «неверных» – русских, распространяли листовки антироссийского и антихристианского содержания. Так, например, в 1886-1887 гг. в Туркестанском крае во многих местах (преимущественно в Ферганской области) турецкие агенты распространяли листовки-воззвания якобы от имени пророка Мухаммеда, в которых, в частности, говорилось: «Я созвал народное собрание и с многочисленным войском мы истребим всех неверных с помощью Всемогущего Бога и силою Всевышнего владыки»⁴.

В.П. Литвинов пишет о том, что «следствием политических интриг Османской Турции, ее подрывной деятельности в Туркестане стало мусульманское восстание в Андижане в мае 1898 г.»⁵. Среди историков бытует мнение о том, что вождь этого восстания – ишан Мухаммед Али по дороге из хаджа в Мекку побывал в Стамбуле, где получил от турецкого султана Абдул-

¹ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 94 – Мюридизм в Средней Азии на службе иностранных хищников. Л. 20.

² Туркестанский сборник. Т. 151. СПб., б. г. С. 13.

³ История дипломатии. Т. 2... С. 190.

⁴ Архив СПб. ФИВ РАН. Ф. 33 (Кун А. Л.). Оп. 1. Д. 186 – Воззвание некоего Мухаммеда к священной войне с неверными. Л. 2.

⁵ Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект... С. 327.

Гамида II «грамоту» для устроения газавата против русских. Мы с большим сомнением относимся к этой версии, однако известная зарубежная исследовательница Х.К. д'Анкосс с уверенностью пишет: «Невозможно отрицать то, что ишан обращался к султану, согласно традиции, которой ранее следовали среднеазиатские правители»¹.

Царские власти не допускали обвинений в адрес «халифа правоверных», но подрывную деятельность турок в Средней Азии признавали. Правительственная комиссия под председательством генерала Н.И. Королькова, расследовавшая причины Андижанского восстания 1898 г., отмечала, что перед мятежом в Туркестанском крае нарастало влияние Турции. Комиссия указывала: «То, что это влияние существовало, можно заключить из того, что в последнее время в крае часто появлялись турецкие подданные без определенных целей и надлежащих документов, а также присылались из Турции для распространения в народе иллюстрированные константинопольские издания, прославляющие победы турок над греками и поправление христианского креста»². Комиссия особо отмечала, что турецкий султан устанавливал связи с афганским эмиром для совместного агитационного разложения мусульман Центральной Азии. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской писал 22 февраля 1899 г. военному министру А.Н. Куропаткину о том, что турецкие эмиссары сыграли значительную роль в Андижанском возмущении, а их подготовили специальные учреждения в Стамбуле. Он отмечал, что «за деятельностью таковых учреждений надо зорко следить, не жалея расходов на лазутчиков, дабы подробно и непрестанно знать всё ими предпринимаемое»³. 2 марта 1899 г. глава военного ведомства писал министру иностранных дел М.Н. Муравьеву

¹ Allworth E. *Central Asia: A century of Russian Rule...* P. 169.

² РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты Командующего войсками Туркестанского военного округа и Военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы (Отчет генерал-лейтенанта Королькова) (1899). Л. 10 об.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2524 – По вопросу о надзоре за деятельностью мусульманских религиозных учреждений в Стамбуле. Л. 1 об.

о необходимости установления постоянного надзора за теми мусульманскими центрами в Турции, которые обучали агентов для засылки их в Туркестанский край и среднеазиатские ханства¹. 6 марта 1899 г. министр иностранных дел уведомлял Куропаткина о том, что он сделал соответствующее распоряжение российскому послу в Константинополе, действительному статскому советнику Зиновьеву². Департамент полиции МВД направил 8 декабря 1898 г. циркуляр военным губернаторам и начальнику Закаспийской области, в котором отмечал необходимость выловить всех сторонников миньтюбинского ишана, которые скрылись в Турции. При этом прилагался список таких лиц³.

После андижанских событий активность Османской империи в Центральной Азии не только не снизилась, но и продолжала нарастать. Турецкая агентура внедрялась повсеместно в регионе. Многие турецкие деятели посещали Центральную Азию открыто и легально. Известный мусульманский деятель, активист «младотурецкого» движения Абдурашид Ибрагим-эфенди разъезжал по России и проповедовал идеи борьбы с «неверными». Вторично он посетил Туркестанский край в 1908-1909 гг. Стало известно, что перед этим он произнес в стамбульской соборной мечети «Айя София» проповедь, опубликованную в турецком журнале «Сабимир-Рашад». В ней Абдурашид Ибрагим-эфенди открыто призывал к войне с «неверными» – христианами, указывая, что «необходимо воззвание ко всему мусульманству, живущему вдали от театра военных действий»⁴. Речь шла о войне Турции с Италией. Российские власти выяснили, что он в основном орудовал в Семиреченской области, где было много протурецки настроенных татар⁵. Турецкий агент Агиб Жудо свободно разъезжал по Туркестанскому краю, выдавая себя за «ключаря гроба Магомета», поскольку имел документ от Оренбургского губернатора с просьбой оказывать ему содействие, который

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2524... Л. 2.

² Там же. Л. 3. 3 об.

³ ЦГА Узб. Ф. 17. Оп. 1. Д. 31121 – Циркуляры полиции о розыске разных лиц. Л. 1-2.

⁴ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 841 – С переводами статей из мусульманских газет. Л. 36.

⁵ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 841... Л. 38.

ему помогли «выправить» местные татары¹. Некто Я. Н-ов писал в 1910 г. в газете «Новое время» о том, что «ключарь» – интеллигент с высшим образованием – открыто сеял семена панисламизма, отмечая, что подобных ему турецких эмиссаров было немало в Туркестанском крае². В 1908-1909 гг. Туркестанский край объехал адъютант турецкого султана Исмаил Хаккы. Российская разведка знала о его визите, но не препятствовала ему. Хаккы остался доволен приемом и писал панисламистам в Маргилан: «Мужайтесь, время свободы для мусульман настало... Продолжайте в мечетях, медресе, подворьях у ходжей и именитых лиц ваши совещания так, чтобы гяуры ничего не понимали. Халиф-султан молит об освобождении своих верных сородичей»³.

С начала XX в. усилилась деятельность турецкой агентуры среди кочевников, слабая исламизация которых беспокоила Османскую империю. 20 марта 1901 г. в Лепсинске Семиреченской области был арестован турок, который собирал деньги якобы на строительство большой мечети в Стамбуле и распространил сотни листовок антиправительственного характера, отпечатанных на арабском языке⁴. Кстати, образец такой листовки можно и сегодня увидеть в архивном деле⁵. В конце 1902 г. в Семиреченской области арестовали турецких агентов Сейида Мухаммеда Хамида Эфенди и Насреддина Кичикова, имевшего китайский паспорт. Они выступали с антирусскими проповедями среди кыргызов и казахов. Весной 1903 г. в Атбашинском участке Пржевальского уезда Семиреченской области были арестованы четверо кыргызов, пропагандировавших объединение всех мусульман под властью турецкого султана. Во время обыска при них были обнаружены книги, брошюры, листовки и прочие документы антирусского

¹ Туркестанский сборник. Т. 542. СПб., б. г. С. 36.

² Н-ов Я. Забытая окраина // Новое время. 1910. № 12433. 22 октября.

³ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 94. Л. 34.

⁴ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20752 – Дело о новометодных школах в Семиреченской области. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 49.

содержания. В ходе расследования выяснилось, что они «хотели поднять антирусское восстание в Атбашинском участке и других соседних с ним местностях»¹. Казах-«революционер» Алихан Букейханов писал в 1910 г. о том, что в результате турецкой пропаганды кочевники стали сильнее ненавидеть русских и с большим интересом слушали «бродячих» проповедников из Турции, повествовавших «о великом халифе-султани турецком, о справедливости, царящей в его царстве, и благоденствии его народа... Степь слушала эти рассказы с глубокой завистью к подданным восточных деспотов»².

Советский историк из Узбекистана А. Савицкий отмечал, что в 1910 г. начался неожиданный приток турок в Среднюю Азию. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов писал в 1910 г. председателю Совета министров П.А. Столыпину: «По имеющимся у нас данным за последний год стремление турок в край заметно увеличилось, хотя бы с предыдущим годом и за первую половину этого года их прибыло в край больше, чем за весь 1909 год»³. Естественно, что многие из них включились в религиозную пропаганду. Ситуация в мировой геополитике тому благоприятствовала. Департамент духовных дел МВД разослал 28 октября 1911 г. циркуляр всем губернаторам, в котором указывал, что ввиду войны между Турцией и Италией среди мусульман России растут настроения против «неверных», в связи с чем собираются деньги в фонд турецкого оружия. Создаются даже специальные комитеты для этого. От губернаторов требовали принятия срочных мер против такого рода действий⁴.

В 1911-1912 гг. шла Балканская (болгаро-турецкая) война. Она вызвала естественный прилив протурецких настроений среди мусульман

¹ ЦГА Кырг. Ф. 148 (Начальник Атбашинского участка Пржевальского уезда Семиреченской области). Оп. 1. Д. 1. Переписка Начальника Атбашинского участка об аресте пропагандистов объединения мусульман. Л. 27.

² Букейханов А., Дулатов М., Байтурсинов А., Рыскулов Т. Казахи о русских до 1917 года. Лондон: Оксфорд, 1985. С. 52.

³ ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 94... Л. 30.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде (1912-1914 гг.). Л. 11.

Туркестанского края. Повсеместно проходил достаточно открытый сбор средств в фонд турецкой победы. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов направил 28 октября 1912 г. руководителям областей края циркуляр, в котором призывал их решительно пресекать любые поползновения такого рода и требовал сообщать о положении дел в каждой области на данном направлении деятельности¹. Все военные губернаторы отрапортовали о спокойствии ситуации в своих областях. Вместе с тем начальник Закаспийской области сообщал, что во вверенных ему пределах осуществлялся сбор средств в фонд Красного Полумесяца, которым заправляла Турция. Его разрешил купцу-татарину Шарифу Губаеву начальник Красноводского уезда. Сбор был прекращен по личному приказу начальника Закаспийской области, а собранные Губаевым 183 руб. были сданы в местное казначейство. 29 января 1913 г. Самсонов направил новый циркуляр областным руководителям, призывая их усилить бдительность по пресечению любых форм помощи туркам – материальных или пропагандистских. Он предлагал разъяснять туркестанским мусульманам, что если они желают помочь Турции, то им надо сдавать деньги в фонд Российского общества Красного Креста, «которое, имея свои санитарные отряды как в Турции, так и у ее противников, распределяют собранные деньги на нужды раненых обеих воюющих сторон»².

20 марта 1913 г. директор Департамента полиции МВД С. Белецкий издал циркуляр, в котором сообщал начальникам губернских жандармских управлений о том, что в Туркестанском крае, особенно в Семиреченской и Ферганской областях, ввиду неудач Турции в Балканской войне и помощи, оказываемой Россией славянам, среди населения растет возбуждение и отрицательное отношение к российскому правительству. Мусульмане Туркестанского края рассуждают о возможной войне России с Китаем, выражая симпатии к последнему. Они призывают сплотиться вокруг Японии

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 15799 – О движении среди мусульман и их интересе, проявляемом к болгаро-турецкой войне. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

и Китая и объявить войну России. С. Белецкий отмечал, что среди мусульман Туркестана растет протурецкая пропаганда, распространяются прокламации с призывом собирать деньги в пользу Турции и обещанием, что газета «Тус» будет дважды в неделю публиковать список жертвователей. Департамент полиции МВД требовал принимать все меры к пресечению такого рода действий и не делать публикаций такого рода в мусульманской прессе без разрешения властей¹. 26 июля 1913 г. военный губернатор Самаркандской области докладывал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову о том, что последние действия Турции в Балканской войне вновь воодушевили мусульман, которые активизировали сбор денег в фонд Турции. Собранные средства повез в Турцию бывший депутат Государственной Думы, самаркандский купец Ташпулат Абдухаликов, который по приезду в Стамбул сдал деньги турецким властям².

В рассматриваемый период сбор средств в фонд Турции среди мусульман Центральной Азии был обычным явлением и имел успех. Такого рода архивных дел встречается немало³. Туркестанские власти не всегда могли пресекать его из-за постоянной и острой нехватки участковых полицейских приставов. Мероприятия по сбору средств особенно активизировались перед первой мировой войной, а также и в ходе нее. Так, например, 28 февраля 1914 г. начальник Самаркандского уезда писал в рапорте в свое областное правление о том, что на территории его уезда активно орудуют турецкие агенты, собирая средства в фонд турецкой армии, потерпевшей неудачу в

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 15799... Л. 2-2 об.

² Там же. Л. 10.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде (1912-1914 гг.); ЦГА Каз. Ф. 41 (Верненское уездное правление Семиреченской области). Оп. 1. Д. 98 – Дело о розыскании турецкоподданного М. Амина, обвиняемого в распространении исламизма; ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 15799 – О движении среди мусульман и их интересе, проявляемом к болгаро-турецкой войне; ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 20752 – Дело о новометодных школах в Семиреченской области; ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 132 – О высылке за границу турецкоподданного Магомет-Шерифа Абыльхасанова за распространение воззваний об откровениях пророка Магомета, и др.

Балканской войне 1913 г.¹. Штаб Туркестанского военного округа сообщал 18 октября 1914 г. военному губернатору Ферганской области генерал-майору А.И. Гиппиусу о том, что, по сведениям разведки, в подведомственных ему пределах действует турецкий шпион Хатыб Омар Наджбек, который «производит сборы пожертвований среди мусульман на военные нужды Турции»². Штаб выражал недовольство тем, что «военная» полиция Ферганской области не знала о такой деятельности и вовремя не задержала турецкого эмиссара. Требовал разыскать и арестовать его незамедлительно.

19 сентября 1914 г. Генеральный штаб – центр русской военной разведки направил телеграмму туркестанскому генерал-губернатору и командующему Туркестанским военным округом о том, что в Среднюю Азию направлены турецкие «эmissары-агитаторы» с персидскими паспортами³. Краевая канцелярия и окружной штаб уведомили об этом всех областных руководителей. Штаб 24 сентября 1914 г. предписал властям установить наблюдение за всеми, имеющими паспорта персидского консульства в Константинополе, с сообщением об этом подполковнику Отдельного корпуса жандармов Пригаре, который был начальником VI(контрразведывательного) отделения Штаба округа. При этом особо отмечалось, что областные власти не должны принимать в отношении указанных лиц никаких «немедленных мер»⁴. 14 ноября 1914 г. Штаб Туркестанского военного округа вторично указал военным губернаторам и начальнику Закаспийской области на то, что в Тифлисе персидский консул выдает турецким подданным персидские паспорта, которые могут обнаружиться в Туркестанском крае. Особо отмечалось, что выявлять такие паспорта нетрудно, поскольку они не имеют визы русских консульств в Персии. Штаб отмечал, что при обнаружении таких

¹ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 31. Д. 979 – Со сведениями о настроении умов местного населения. Л. 29.

² ЦГА Кырг. Ф. 20 (Узгенский участковый пристав). Оп. 1. Д. 2 – Директивные указания по розыску разных преступников. Л. 13.

³ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16680 – По сношению Штаба ТуркВО о муллах, имеющих паспорта персидские и турецкие. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3 об.

паспортов надо немедленно уведомлять руководителя окружной контрразведки¹.

На протяжении всей первой мировой войны религиозный компонент в деятельности турецкой агентуры в Центральной Азии неуклонно возрастал. Она влияла на сознание мусульман региона, вызывая у них неоднозначную реакцию. Об этом можно писать много, но мы ограничимся констатацией факта, что использование Турцией в это время религии как рычага в геополитике имело в целом успех в Туркестане. Понятно, что Турция внесла соответствующий вклад и в подготовку и осуществление восстания 1916 г. в регионе, однако возводить на нее вину в его организации мы считаем несерьезным. Это был взрыв эндогенного народного недовольства своим положением.

Рассматривая проблему взаимосвязи религии и геополитики в Центральной Азии, роль в ней Османской империи, вряд ли стоит ее демонизировать, как это делали в советские времена и продолжают иногда делать сегодня. Турция была действенным примером для мусульманского мира в том, как в условиях исламской государственности можно добиваться прогресса в развитии. Это – первое. Второе. Для Османской империи проблема роли религии в геополитике имела не только внешнеполитическое, но и внутреннее значение. По подсчетам К. Маркса, в середине XIX в. в Турции насчитывалось христиан: 13730000 греко-православных; 2400000 армян и 900000 католиков². Он же отмечал, что в Турции православный «священник в приходе является одновременно судьей, старостой, учителем, душеприказчиком, сборщиком налогов, вездесущим фактотутом в гражданской жизни... мастером на все руки»³. Маркс указывал, что турок надо упрекать не за ущемление прав православного духовенства, «а, наоборот, в

¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16680... Л. 7 об.

² Маркс К. Объявление войны. – К истории возникновения восточного вопроса // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958. С. 171.

³ Маркс К. Греческое восстание // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958. С. 131.

том, что под их владычеством эта всеобъемлющая деспотическая опека, этот контроль и вмешательство церкви смогли проникнуть во все сферы общественной жизни»¹. Он писал о том, что отделение государства в Турции от церкви «означало бы не только упразднение магометанства, но и уничтожение православной церкви в том виде, в каком она существует в Турецком империи»². Зарубежный исследователь Р. Льюис отмечает, что в Османской империи положение христиан было в целом удовлетворительным. Она указывает, что православный патриарх имел знаки власти от султанов – звание паши и штандарт с тремя конскими хвостами. Он мог опираться на османские органы власти – полицию, суд, тюрьмы и др. Христиане имели возможность поступать на службу в армию. Р. Льюис отмечает, что «иногда власти вмешивались для защиты членов общин (христианских. – А. С.) от злоупотреблений их собственных пастырей»³.

Таким образом, внутриконфессиональное положение в Турции не могло не играть своей роли и в геополитике. Так, например, такой авторитетный ученый, как академик В.В. Бартольд, писал о том, что «в XVIII в. греки и сербы довольно охотно возвращались из-под власти Австрии и Венеции под власть Турции»⁴. Он отмечал, что турецкие христиане не понимали европейской христианской государственности и «предпочитали жить под властью турок, пользуясь свободой от воинской повинности, свободой веры, языка и самоуправления и платя небольшие подати»⁵. Известно, что греки, получив независимость, испытывали большие трудности экономического и иного характера, а потому с тоской вспоминали о сытой и спокойной жизни в пределах мусульманского государства – Османской империи. Многие из них возвращались в Турцию. В дореволюционный период из России в Турцию

¹ Маркс К. Греческое восстание // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 10. М., 1958. С. 131.

² Там же.

³ Льюис Р. Османская Турция: Быт, религия, культура / Пер. с англ. М., 2004. С. 50.

⁴ Бартольд В.В. Турция, ислам, христианство // Соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1966. С. 431.

⁵ Там же. С. 430.

выехали десятки тысяч крымских татар и представителей горских народов Кавказа. Такой же эффект наблюдался и в Центральной Азии. Мусульмане среднеазиатских ханств, прожившие в российских пределах Туркестана, свободного от властного произвола и деспотизма ханских режимов, старались перебраться под сень власти русского царя-христианина.

Однако в начале XX в. религиозная толерантность в Турции приобрела новый облик. Как известно, младотурки пришли к власти в Османской империи в результате революционных событий 1908-1909 гг. Во время революции младотурки выдвигали лозунги социальной справедливости, демократии, равенства всех народов Османской империи, независимо от национальности и вероисповедания. Этот принцип был закреплён в программе младотурецкой партии 1908 г., пункт 6-й которой указывал: «Каждый, вне зависимости от расы и веры, обладает равными правами и свободами»¹. Однако несколько позже сами младотурки попрали этот принцип, начав гонения против христианских этносов. Известный российский исламовед Н.П. Остроумов писал о том, что младотурки, захватив власть в Османской империи, ввели конституцию, но отношение к христианам не изменили — преследовали жестоко как времена «грубого деспотизма». Он напоминал о том, что младотурки предали проклятию знаменитого турецкого шейх-уль-ислама Джамалетдина, который в начале XVI в. отказался дать фетву, позволяющую султану Селиму I (1512-1520) обратить всех подвластных ему христиан в ислам. В 1913 г. один из младотурецких лидеров Зия Гекалп писал в журнале «Тюрк урду» («Турецкий очаг») о том, что «когда турецкие интеллектуалы пришли к понятию османской нации, состоящей из различных религиозных общин, они не испытывали потребности в исламизации, но как скоро родилась идея тюркизма, необходимость исламизации стала ощущаться»². В итоге, как отмечал первый драгоман российского посольства

¹ Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки... С. 156.

² Там же. С. 164.

в Константинополе А.Н. Мандельштам, «мусульманский фанатизм и турецкий шовинизм заволокли им (младотуркам. – А. С.) глаза двойным туманом».

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в рассматриваемый период Османская империя активно использовала исламскую религию и ее учреждения в своей геополитике в Центральной Азии. Этому способствовало ее лидерство в мусульманском мире и в немалой мере статус турецкого султана как «халифа правоверных» планеты. Использование турками религии в геополитике в Центральной Азии, безусловно, имело эффект, однако ограниченный и потому не решающий, поскольку в торгово-экономическом отношении регион был издавна более связан с российскими рынками. С завоеванием его Россией такие экономические связи только усилились, так как они стали проще. Ранее существовавшие таможенные и иные преграды были устранены. Позже, в годы революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции в Центральной Азии, именно эти обстоятельства обусловили сохранение региона в составе новой – советской России, а потом – Союза ССР. Приведенные нами события свидетельствуют о том, что в сегодняшней геополитике Турции в Центральной Азии есть немало общего с теми явлениями, которые имели место в рассмотренном нами прошлом. Видимо, и результаты будут такими же.

3.2. Положение Афганистана в геополитическом соперничестве в Центральной Азии второй половины XIX – начала XX в.

Если мусульманская Турция сегодня всё же ассоциируется в сознании людей со светскими государствами, то Афганистан вряд ли кем-либо сопоставляется с ними. Даже в шиитском Иране степень влияния религии на сознание людей носит, на наш взгляд, более поверхностный характер, чем в Афганистане, в котором она представляется некой «кондовой» сущностью. Ислам в Афганистане всегда был остро нетерпимым к иным религиям.

Известно, что летом 2001 г. талибы уничтожили две статуи Будды, высеченные в огромном скальном массиве вдоль течения реки Бамиан. Исследователь Ю. Аверьянов указывает, что такое случилось не впервые— «еще в средние века мусульмане разрушили лица обоих гигантов, в более позднее время, согласно легенде, шах Насир Ашраф расстреливал большого Будду из пушек»¹. Так сложилось исторически, и этот фактор давно уже проявил себя в мировой геополитике. Достаточно напомнить события первой англо-афганской войны рубежа 1830-1840-х гг., которая закончилась поражением гордых бриттов именно из-за торжества в сознании афганцев синтеза национальной гордости с идеями освободительной борьбы в форме «священной войны» мусульман с «неверными» (джихада).

Вместе с тем, если исходить из геополитической точки зрения, то неприятие афганцами «кафиров» (немусульман) не носило абсолютного характера. Например, еще перед первой англо-афганской войной эмир Дост-Мухаммед искал сближения с христианской Россией и не усматривал в этом ничего противоречащего интересам мусульман его страны. В октябре 1835 г. он направил посольство во главе с Хусейном Али в Россию, с тем чтобы просить ее помощи в его противостоянии с англичанами. В Петербурге с Хусейном Али беседовали министр иностранных дел К.В. Нессельроде и К.К. Родофиникин. Они быстро поняли суть дела и направили в Афганистан И.В. Виткевича для уточнения ситуации и сбора необходимой информации. Российский исследователь О.В. Боронин пишет о том, что И.В. Виткевичу «удалось склонить эмира к заключению российско-афганского союза. Британия, в свою очередь, оказав дипломатический нажим на Петербург, препятствовала заключению каких-либо договоров России с Дост-Мухаммедом. Неожиданная смерть инициатора этого союза — И.В. Виткевича также содействовала тому, что идея союзных отношений оказалась нереализованной»².

¹ Аверьянов Ю. Будда на земле Афганистана // Наука и религия. 2004. № 2. Февраль. С. 20.

² Центральная Азия в составе Российской империи / Кол. авт. М., 2008. С. 83.

Всё было, по нашему убеждению, проще: перед англо-афганской войной Великобритания была рядом с Афганистаном – в Индии, тогда как Россия отстояла от него в конце 1830-х гг. на тысячи километров. В то время Англия не видела в России серьезного соперника в Афганистане, но уже в 1850-х гг. британский премьер-министр Пальмерстон (1855-1858) говорил: «Афганистан должен быть или наш, или – русский»¹. Он знал, что мусульманские правители этой страны отдавали предпочтение России. Даже завоевание русскими мусульманской Средней Азии не изменило такой геополитической ориентации. Американский исследователь В. Хаббертон указывает, что «согласно английской внешнеполитической доктрине в Азии Афганистан должен был оказаться не на границах, а внутри сферы британского влияния на этом континенте»². Он отмечает, что Афганистан «принадлежал к числу тех стран, которые, будучи незначительными сами по себе, становились предметом высокой политики и орудием в имперских планах держав»³. Зарубежный исследователь П. Гуру пишет о том, что «Афганистан обладает опасным для него преимуществом: он контролирует важные проходы. Англия, владычица Индии, и Россия соперничали между собой за влияние в Афганистане; наследием конфликтов между ними явился отросток афганского Бадахшана – Вахан, пролегающий между Гиндукушем и Памиром и отделяющий долину Инда от России. Теперь место Великобритании занял Пакистан. Россия же ныне сильна как никогда»⁴. По словам В. Хаббертона, «лорд Керзон отмечал, что Афганистан как государство существует только всецело благодаря своему географическому положению»⁵. Зарубежный востоковед В.Э. Куртис указывал, что «Афганистан является буфером между Российской и Британской империями в Азии. Пока афганский эмир теоретически находится под английским протекторатом, России придется

¹ Bourne K. The foreign policy of Victorian England. 1830-1902... P. 36.

² Habberton W. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan. 1837-1907... P. 83.

³ Там же. С. 86.

⁴ Гуру Пьер. Азия / Пер. с франц. М., 1956. С. 387.

⁵ Habberton W. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan... P. 86.

постоянно сталкиваться с трудностью ситуации в Центральной Азии самым серьезным образом, а Англия будет пытаться сделать всё для того, чтобы это столкновение становилось всё более существенным»¹. Находясь между двух могучих империй в Азии, Афганистан мог сохранить свою независимость только потому, что ни одна из них не давала другой возможности захватить его и сделать своей колонией. Д.П. Сингхал пишет о том, что вице-король Индии Литтон «был убежден в том, что Афганистан не сможет существовать длительное время как независимое государство между Россией и Великобританией»². Деятель туркестанской администрации С.Н. Южаков указывал, что «Афганистан должен быть на стороне Англии или его присоединят к Англо-Индии – такова альтернатива, проповедовавшаяся такими влиятельными органами английской печати, как “Таймс”, “Стандарт” и др.»³. Он отмечал, что Афганистан, по мысли англичан, должен служить главным оплотом Индии на северо-западе. Он прикрывает Пенджаб со стороны Персии и Русского Туркестана. Не нарушив суверенитета Афганистана, напасть на Британскую Индию невозможно⁴. Таково было положение мусульманского Афганистана в геополитике в Центральной Азии.

Соседство с Британской Индией вызывало у Афганистана большее недовольство, чем присутствие России в Средней Азии. Не желая портить отношения с Великобританией, российское правительство открыто признало, что мусульманский Афганистан не является объектом его геополитических интересов. Исследователь А.В. Постников пишет, что, «пытаясь поставить какой-то предел продвижению русских в Центральной Азии, уже в 1869 г. Англия выступила с инициативой начать переговоры с Россией о разделе сфер влияния в Центральной Азии и создании буферной зоны между владениями

¹ Curtis W.E. *Turkestan: The Heart of Asia...* P. 22.

² Singhal D.P. *India and Afghanistan: A study in diplomatic relations. 1876-1907...* P. 179.

³ Южаков С.Н. *Афганистан и сопредельные страны*. СПб., 1885. С. 2-3.

⁴ Там же. С. 1.

Российской империи и Великобритании в этом районе»¹. Вначале предполагалось сделать такой зоной Афганистан. Но Россия не согласилась, так как существовали некоторые бухаро-афганские противоречия. Однако в 1873 г. лорд Грэнвилль пришел к соглашению с Россией о том, что Афганистан станет «буфером» между двумя империями в Азии. А. Краусс писал о том, что «теория создания “буферного государства” – это несущественная идея, так как рано или поздно такая промежуточная территория может быть поглощена одной или другой стороной противостояния. К тому же защита “буферного государства” как не своего – более серьезная проблема, нежели законная защита собственной территории»². Поэтому пришедший к власти в Англии кабинет Б. Дизраэли усилил нажим на афганские власти и призывал их к изгнанию русских из Центральной Азии. Новый британский премьер-министр полагал, что русские уже успели исподволь завоевать влияние в Афганистане и подталкивают эмира к активным действиям.

Зарубежный исследователь Д.П. Сингхал пишет о том, что английская идея «русификации» Афганистана, вызванная изобилием российских товаров на рынках Стамбула, была надуманной, поскольку «было бы удивительно, если бы русских товаров не было бы на близком к России афганском рынке, который был далек от Англии»³. Тем не менее Англия начала готовиться к новой войне с Афганистаном. Г. Роулинсон указывал в 1875 г., что «туркестанский генерал-губернатор П.К. Кауфман в докладе военному министру писал: “Приобретая Бадахшан и Вахан, он (афганский эмир Шер-Али-хан. – А. С.) продолжил бы линию границы с Бухарой и оказался бы рядом с Каратегинем, откуда можно без труда достичь Коканда. Наконец, его северо-восточная граница соприкоснется с владениями Якуб-бека. Таким образом, здесь есть дорога, которая может привести его к прямому

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке: Монография в документах. М., 2001. С. 115.

² Krausse A. Russia in Asia: A record and a study. 1558-1899... P. 314.

³ Singhal D.P. India and Afghanistan: A study in diplomatic relations. 1876-1907... P. 183.

столкновению с Россией»¹. Но генерал при этом отмечал, что «в таком случае под нашим контролем окажется лучший торговый путь между Западной и Средней Азией – он проходил бы через Бадахшан и Вахан в Яркенд и Кашгар»². Безусловно, именно это и было невыгодно для усиления позиций России в регионе и выгодно англичанам. Осознавая это, Г. Роулинсон отмечал, что, чувствуя невыгоду такого пути для себя, Россия «питает исключительный интерес к району Сарыкола или Ташкурмана, находящимся сразу за афганской границей Вахана»³. 31 октября 1875 г. лорд Солсбери писал премьеру Дизраэли: «Я не предлагаю послать миссию в Афганистан против воли эмира, однако я рекомендую посоветовать нашему индийскому правительству оказать давление на эмира с тем, чтобы он был вынужден желать ее появления в своих владениях»⁴. При этом он отмечал, что «сила русских на границах с Афганистаном представляется эмиру такой большой, а наши действия кажутся ему такими робкими, что он вполне может считать безопаснее для себя связать свою судьбу с ними, а не с нами»⁵.

Последовавшие затем события показали, что геополитические предпочтения мусульманского правителя, действительно, качнулись в сторону России, а не Великобритании. В Петербурге это правильно поняли и придвинули русские войска к северным границам Афганистана. В 1878 г. в Кабул, к эмиру Шир-Али-хану, была направлена военно-дипломатическая миссия генерал-майора Н.Г. Столетова. «Целью миссии была передача афганскому эмиру... проекта русско-афганского договора, предусматривающего установление дружеских отношений между двумя странами и предоставление Афганистану финансовой, материальной и

¹ Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia... P. 317, в сноске.

² Там же. С. 317.

³ Там же. С. 318.

⁴ Bourne K. The foreign policy of Victorian England. 1830-1902... P. 404.

⁵ Там же.

военной помощи в случае агрессии извне»¹. 24 сентября 1878 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу о том, что русская миссия генерала Столетова в Кабул – это «шахматный ход русских в Афганистане»². «После прибытия Столетова в Кабул англичане потребовали у эмира принять в афганской столице британскую миссию. По совету Столетова эмир отклонил это требование англичан. У афганцев появилась уверенность в получении поддержки от России»³. Российский разведчик полковник Матвеев писал: «Правитель Афганистана эмир Шир-Али поспешил окончательно прервать и без того шаткую дружбу свою с англичанами и открыто признать себя нашим союзником»⁴. «Однако после возвращения Столетова на родину царское правительство не утвердило привезенный им проект русско-афганского договора»⁵. Это позволило англичанам начать в 1878 г. вторую войну с Афганистаном. Россия не поддержала эмира Шир-Али-хана, а позже даже не пустила его в С-Петербург. В.М. Хвостов писал о том, что афганский эмир Шир-Али-хан в 1878 г. в письме к турецкому султану призывал того «прийти к пониманию с русскими»⁶. А новый эмир Якуб-хан, настроенный проанглийски, в мае 1879 г. подписал так называемый Гандамакский мирный договор с Великобританией, который превращал Афганистан фактически в английский протекторат. «Прибывший в Кабул английский резидент бесцеремонно вмешивался во внутренние дела страны: по его усмотрению смещались и назначались чиновники»⁷.

После этого события в Афганистане становится более заметным влияние религии на политику. Унизительный для гордых мусульман-афганцев договор

¹ Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь / Сост. М.К. Басханов. М., 2005. С. 228-229.

² Маркс – Энгельсу в Литлгемптон. 24 сентября 1878 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 34. М., 1964. С. 71.

³ Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки... С. 393.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. – 445 (Афганистан). Оп. 1. Д. 16 – Отчет о поездке начальника штаба войск Сыр-дарьинской области по Бухарским и Афганским владениям (1879 г.). Л. 1 об.

⁵ Губер А.А. и др. Новая история стран Азии и Африки... С. 393.

⁶ История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 192.

⁷ Всемирная история. Т. 7. М., 1960. С. 202.

с Англией вызвал восстание в Кабуле, о котором авторитетные специалисты писали: «В августе 1879 г. в Кабуле началось народное восстание. Афганские солдаты и восставшие горожане уничтожили английский конвой. По всей стране формировались отряды ополченцев для продолжения борьбы против захватчиков... Народ требовал, чтобы эмир Якуб-хан объявил "священную войну"»¹. А она была уже деянием религиозного характера. В среде повстанцев-мусульман в это время были сильны надежды на помощь от русских. Российский разведчик полковник Матвеев писал о том, что «в Кабуле с нетерпением ждут возвращения генерала Столетова и удивляются его продолжительному отсутствию»².

Большую роль в активизации народных масс в рассматриваемое время сыграло афганское мусульманское духовенство. Восстание, таким образом, приобрело явно религиозный характер.

В сложных политических условиях «вначале 1880 г. из среднеазиатских владений России в Афганистан перешел племянник Шер-Али-хана Абдуррахман. Русские власти тайно снабдили его оружием и деньгами. Собрав значительное войско, Абдуррахман продвигался в сторону Кабула»³. Как известно, англичане признали его афганским эмиром, обеспечив оружием и деньгами. Однако не менее хорошо известно и то, что Абдуррахман со свитой долгое время находился на содержании российского правительства в Самарканде, где вел праздный образ жизни, ни в чем особенно не нуждаясь. Думается, что российские власти запустили в Афганистан сомнительного претендента на престол – племянника эмира – с ведома англичан, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что между англичанами и русскими в Центральной Азии были не только противоречия, но и сговоры за плечами ее мусульманских народов. Россия могла поддержать более реального претендента на престол – не племянника, а родного сына умершего в 1879 г.

¹ Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки... С. 394.

² РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 16... Л. 19.

³ Губер А.А. и др. Новая история стран Азии и Африки... С. 394.

эмира – Айюб-хана. Это в большей мере соответствовало законам мусульманского права (шариата). На наш взгляд, выбор Абдуррахман-хана на престол был фактом принесения норм религии и права в жертву геополитическим интересам держав в Центральной Азии.

Несмотря на это, англичане, используя религию, изначально немало постарались на поприще ухудшения отношений Афганистана с Россией. Так, в начале 1884 г. между туркменами Иолотани появился британский агент – весьма грамотный, умный и ловкий человек, которого все вскоре стали звать «Сиях-пуш», то есть «носящий черную одежду». Он проповедовал чистоту мусульманской веры и призывал отстраниться от «неверных» – русских, которые стремятся сделать мусульман рабами и обратить их всех в христианство. Сиях-пуш создал сеть агентов, которые распространяли прокламации с идентичным содержанием. После того как их отловила военная контрразведка, оказалось, что часть из них являлась афганскими офицерами. Разведка Штаба Туркестанского военного округа сообщала о том, что афганский эмир Абдуррахман-хан издал «манифест о джихаде», но без указания против кого именно – русских или англичан. Она отмечала значительное оживление деятельности афганской агентуры в приграничной зоне¹. Газета «Свет» писала 18 апреля 1885 г. о сражении русских войск под командованием генерал-лейтенанта А.В. Комарова с афганцами 18 марта 1885 г. Она отмечала, что англичане распустили слухи о том, что русские якобы разбиты под Кушкой, при этом английская пресса не скупилась на всякого рода измышления по этому поводу². Фактически одновременно российский консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский писал военному губернатору Ферганской области о том, что афганский эмир строит происки против России. Он отмечал: «На Аксу... собрались 5 пансатов покойного Якуб-бека с преданными им киргизами (всего до двухсот человек) и рассылают приглашения соседним

¹ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1212 – Всеподданнейшие отчеты военных губернаторов Туркестанского края (1889-1899). Л. 78.

² Свет. 1885. № 85. 18 апреля.

киргизам прибыть к ним для начатия “священной войны” против русских и китайцев»¹.

Мы полагаем, что некоторые исследователи нередко преувеличивают проанглийские настроения афганского эмира Абдуррахман-хана и его русофобские взгляды. Эмир писал в своей «Автобиографии» о том, что он дружит с Англией, пока ему это выгодно². Эмир отмечал, что «Англия больше вмешивалась в дела афганские, чем Россия, поэтому Англия больше, чем Россия, причинила страданий Афганистану»³. Однако в те или иные периоды напряженности между Россией и Афганистаном он старался не доводить дело до открытых военных столкновений. Авторитетные специалисты свидетельствуют о том, что во время Мервского кризиса в 1885 г. англичанам удалось спровоцировать афгано-русский конфликт, однако «после того, как афганские войска были разбиты в бою у Таш-Кепри, Абдуррахман уклонился от дальнейших военных действий против России»⁴. Зарубежный исследователь Н.М. Шахрани пишет о том, что в 1893 г. афганский эмир в беседе с Дюрандом отмечал, что он уже получил «отрубленную руку» (то есть поражение от русских. – А. С.) на Суматаше (на Памире. – А. С.), а потому он «не намерен удлинять военное присутствие вдоль Гиндукуша, с тем чтобы иметь и это потом отрубленным»⁵. На наш взгляд, в сложившейся в те времена ситуации у афганского эмира Абдуррахман-хана не было иного выбора, как подчиниться английскому влиянию. Капитан англо-индийских спецслужб, разведчик Р. Коббольд, путешествовавший по Туркестану в сентябре-октябре 1897 г., писал о том, что «Афганистан находится накануне своего окончательного поглощения, и оно откладывается только до смерти или свержения нынешнего его правителя»⁶.

¹ ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1487 – О слухах из соседних владений. Л. 45.

² Автобиография Абдуррахман-хана, эмира афганского. Т. 1. СПб., 1901. С. 324.

³ Там же. С. 294.

⁴ Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки... С. 395.

⁵ Shahrani Nazif Mohib M. The Kirgiz and Wakhi of Afghanistan: Adaptation to closed frontiers. Seattle and London: Univ. of Washington Press, 1979. P. 36.

⁶ Cobbold R. P. Innermost Asia: Travel and sport in the Pamirs... P. 27.

Мы полагаем, что исподволь афганский эмир Абдуррахман-хан не мог питать к англичанам добрых чувств. И одной из причин его негативного отношения к британцам, безусловно, была так называемая «линия Дюранда». Она была призвана разграничить Афганистан с Британской Индией, о чем ранее неоднократно просил англичан сам эмир Абдуррахман-хан. Но они отправили свою разграничительную миссию в Кабул только к исходу 1893 г. После переговоров с афганским эмиром миссия подписала 12 ноября 1893 г. соответствующее соглашение. Видные советские востоковеды писали по этому поводу о том, что в 1893 г. угрожая войной, англичане вынудили эмира Абдуррахмана признать границей между Афганистаном и британскими владениями в Индии («линию Дюранда»). «Линия Дюранда» пересекала территорию, населенную афганцами, что привело к тому, что за пределами афганского государства оказалось более половины афганцев. Попытка английских войск выйти на «линию Дюранда» вызвала восстание пограничных племен, продолжавшееся до 1897 г., после подавления восстания сопротивление пуштунов Индии продолжалось. Мало кто обращал внимание на то обстоятельство, что «линия Дюранда», по сути, была следствием взаимосвязи именно религии и геополитики англичан, так как она юридически отрезала мусульман Британской Индии от Афганистана со всеми вытекающими из этого последствиями.

«Линия Дюранда» имела отношение и к решению «Памирского вопроса», основными участниками которого были Великобритания и Россия. Как отмечалось, Китай демонстративно отстранился от участия в его решении. Афганистан не смог этого сделать, поскольку на него оказывали давление англичане. Однако он вел себя весьма инертно. Д.П. Сингхал пишет о том, что «28 марта 1895 г. вице-король Британской Индии сообщил афганскому эмиру Абдуррахман-хану о заключении Памирского соглашения с Россией и об его условиях. Эмир согласился»¹. На Памирских переговорах от Афганистана

¹ Singhal D. P. India and Afghanistan: A study in diplomatic relations... P. 147.

присутствовал губернатор Бадахшана, Сердар Гулям Мухаммед-хан, который «однако он не был облечен эмиром какими-либо дипломатическими полномочиями»¹. «В результате Памирского разграничения 1895 г. Афганистан фактически оказался зажатым между двумя великими державами и находился в постоянной опасности поглощения или той, или другой стороной»². Английские «путешественники» (разведчики) Ф. Скрайн и Э. Росс писали о том, что «можно считать фактом, что в течение последних лет Памирский вопрос постоянно обострялся, однако его решение в 1895 г. внесло ясность в наши отношения с Афганистаном»³. То есть подтвердился его марионеточный статус по отношению к Великобритании. Кроме того, по результатам Памирского разграничения 1895 г. к Афганистану отошла территория Вахана – узкая полоса земли шириной от 7 до 11 км. Она и должна была стать тем самым «буфером», который должен был не допускать прямого соприкосновения границ двух величайших империй в мире – Британской и Российской. Афганский эмир не хотел принимать такого «подарка». К. Фрэзер-Тайтлер указывал, что «под давлением Дюранда афганский эмир, несмотря на всё свое нежелание, все-таки согласился установить контроль над негостеприимной долиной Вахана в северо-восточном углу своих владений»⁴. «Правительство Британской Индии уговорило афганского эмира Абдуррахмана установить свой контроль над Ваханом»⁵. За это оно выделило афганскому эмиру 50000 рупий (5000 фунтов стерлингов) в год на содержание администрации в Вахане. По мнению К. Фрэзер-Тайтлера, «с точки зрения англо-индийского правительства, это была вполне приемлемая цена за то, чтобы обеспечить безопасность северо-восточной части Гиндукуша от проникновения сюда России»⁶. Кстати, это обстоятельство подтверждает и

¹ Singhal D. P. India and Afghanistan: A study in diplomatic relations... P. 147.

² Там же. С. 178.

³ Skrine F.G. and Ross E.D. The Heart of Asia: A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times... P. 427.

⁴ Fraser-Tytler K. Afghanistan: A study of political development in Central Asia... P. 169.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Там же. С. 169.

Н.М. Шахрани, указывающий, что «англичане дали эмиру 50 тыс. рупий для восстановления афганской администрации в долине Вахана, к чему Абдуррахман-хан был совершенно не расположен»¹. Д.П. Сингхал указывает, что территория Вахана «была важна только со стратегической точки зрения, ибо она имела лишь 8 миль ширины. Афганский эмир сам лично не был заинтересован в этом клочке земли, так как она была слишком отдалена, и представлялось трудным удержать ее под своим контролем. Однако англо-индийские власти не принимали во внимание озабоченность эмира – они хотели прежде всего сохранить собственную безопасность»². В конце концов, эмир согласился взять Вахан под свою руку.

Абдуррахман-хан мог быть недоволен и тем, что англичане сознательно вредили ему и в разных прочих делах. Так, по мнению авторитетных специалистов, политика поощрения ислама и его святынь в Афганском Туркестане помогла Абдуррахман-хану «установить тесные связи с многими религиозными лидерами пограничных (с Россией. – А. С.) племен»³. Однако несколько позже отношения Абдуррахман-хана с пограничными племенами обострились из-за провокационной политики британцев. «Англичане засылали к недовольным (пограничным племенам. – А. С.) своих агентов, призывавших горцев к подчинению британским властям и провоцировавших выступления против эмира»⁴. Вместе с тем англичане в нужных для себя случаях помогали Абдуррахман-хану в борьбе с непокорными «окраинами».

Надо сказать, что Афганистан рассматриваемого периода не представлял собой исключительно мусульманского «монолита». У него были свои проблемы с Кафиристаном, население которого было языческим и не признавало ислам. Полковник Матвеев писал о кафиристанцах: «За мусульманами они просто охотятся, как за добычей... и из их рук еще никто

¹ Shahrani Nazif Mohib M. The Kirgiz and Wakhi of Afghanistan... P. 37.

² Singhal D. P. India and Afghanistan: A study in diplomatic relations... P. 147.

³ История Афганистана... С. 181.

⁴ Там же.

живым не ушел»¹. Авторитетные специалисты указывают, что только в 1896 г. афганскому эмиру Абдуррахман-хану удалось в основном покорить Кафиристан. Захват Кафиристана и мусульманизация его населения позволила афганскому эмиру принять новый религиозный титул – «зийя аль-миллат ва-д-дин» («свет нации и религии»)². Естественно, что Англия помогла Абдуррахман-хану покорить языческий край, так как, не признавая свою мусульманскую государственную власть, они питали и крайнее отвращение к британцам, о поведении которых в Индии по отношению к местному «туземному» населению они были немало наслышаны. Поэтому в геополитическом отношении исламизация населения Кафиристана в большей мере отвечала интересам англичан, чем пребывание его в своей родной языческой вере.

Афганский эмир Абдуррахман-хан всегда имел самые тесные отношения с исламским духовенством страны, привлекал его к решению многих вопросов внутренней политики. Однако он использовал его возможности и в геополитике Афганистана. Одним из приближенных к эмиру представителей мусульманского «клира» в государстве был так называемый Гуль-Падишах, которого в Афганистане знали под именем Сахиб-заде и очень уважали, поскольку он считался потомком «праведного» халифа Омара. Поэтому он имел огромный авторитет среди суннитов Афганистана и нескольких десятков тысяч мюридов (50-60 тыс. человек). Летом 1891 г. российским властям в Туркестане стало известно от российского генерального консула в Хорасане о том, что Гуль-Падишах намерен приехать в Закаспийскую область с целью пропаганды среди туркмен, после чего он намерен отправиться в Мекку по железной дороге до черноморских портов России, а откуда морским путем добираться до Джидды – последнего порта

¹ РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 16 – Отчет о поездке начальника штаба войск Сыр-дарьинской области по Бухарским и Афганским владениям (1879 г.). Л. 65 об.

² История Афганистана... С. 182.

перед священным городом ислама¹. Поскольку генконсул в Хорасане отправлял донесения в МИД России, то оттуда была отправлена соответствующая депеша в Азиатскую часть Главного штаба – орган, при помощи которого военное министерство руководило Туркестанским краем. 22 июня 1891 г. Азиатская часть предупредила начальника Закаспийской области А.Н. Куропаткина о том, что во вверенные ему пределы может прибыть известный афганский фанатик Гуль-Падишах, в связи с чем необходимо принять надлежащие меры. Решительный и последовательный администратор принял их, дав указание своей канцелярии разослать всем местным руководителям распоряжение об усилении полицейского наблюдения за поведением Гуль-Падишаха в области.

Газета «Туркестанские ведомости» писала в 1897 г. о том, что, по сообщениям англичан, афганский эмир Абдуррахман-хан созывал к себе во дворец известных мусульманских правоведов и предложил им составить книгу о «священной войне» мусульман с неверными – джихаде. И сам сделал замечания по этой книге, когда читал ее рукопись². Кроме того, позже были написаны и другие религиозные книги, сочинения, трактаты и т. п., которые должны были оправдать применение религии – ислама в международных делах (геополитике). 5 декабря 1898 г. начальник Штаба войск Туркестанского военного округа генерал-майор Н.Н. Белявский писал начальнику Азиатской части Главного штаба генерал-майору Д.В. Путяте о том, чтобы тот прислал ему книги по исламу, изданные по указанию афганского эмира Абдуррахман-хана, так как в Туркестанском крае они отсутствуют³. Путята нашел заказанную литературу, но возникла проблема качественного перевода присланных им книг. Переводчик был приглашен из учебного отделения восточных языков Первого департамента Министерства иностранных дел.

¹ ЦГА Туркм. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62 – По поводу проезда из Герата в Закаспийскую область фанатика Гуль-Падишаха. Л. 1.

² Туркестанские ведомости. 1897. № 36.

³ РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана «О священной войне (джихад)». Л. 1.

Позже эти переводы были направлены в Штаб Туркестанского военного округа. Однако главный труд, написанный муллой Мухаммед Азим-ханом по заказу афганского эмира Абдуррахман-хана, – «О священной войне (джихад)» доставала уже сама туркестанская администрация. В начале 1899 г. в Афганистан был направлен со специальным заданием раздобыть эту книгу для Генерального штаба капитан Л.Г. Корнилов, будущий незадачливый российский «диктатор» (в 1917 г.). Он выполнил поручение и привез требуемое произведение. Позже оно было переведено на русский язык и опубликовано в «Сборнике материалов по мусульманству», который издавался в Ташкенте. На титульном листе книги вверху было написано: «Это книга, в которой нет сомнения. Благодарение Богу! Эта душеспасительная книга по августейшему приказанию того, чей авторитет достигнет неба, названная: Слова амира городов о побуждении к священной войне. Составлена приближенным эмира, покровителя сейидов, муллой Мир-Мухаммед-Азим-ханом да продлится его благополучие. Напечатана в столичном городе Кабуле в 1304 году гиджры (1886 г. – А. С.)¹.

Есть основания полагать, что содержание подобной литературы, несмотря на неграмотность подавляющего большинства населения в Афганистане и Туркестане, тем не менее было известно массам мусульманского населения – о том в проповедях говорили муллы. И оно фанатизировало мусульманское население. Например, участников Андижанского восстания 1898 г. Российский исламовед Н.П. Остроумов писал в предисловии к переводу книги муллы Мир-Мухаммед-Азим-хана о том, что «в андижанских беспорядках прошлого года (1898 г. – А. С.) прямое или косвенное влияние афганского эмира также не подлежит сомнению, о чем высшей администрации Туркестанского края известно»². И он был прав. Правительственная комиссия под председательством генерала Н.И.

¹ РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана «О священной войне (джихад)». Л. 11.

² РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35... Л. 12 об.

Королькова, расследовавшая причины Андижанского мятежа 1898 г. отмечала, что свою роль в нем сыграла политика афганского эмира Абдуррахмана, который в конце 1896 г. принял новый титул: «Блюститель веры» – и начал чеканить особую золотую монету с целью образования фонда «священной войны». Кроме того, эмир издал под своей редакцией две книги о джихаде¹. Комиссия указывала, что в Туркестане развелось много афганских агентов, которых вылавливали на местах русские военные. Любопытно, что из перевода вышеуказанной книги были сделаны специальные выписки, представленные потом царю Николаю II². Здесь были выбраны те места, где содержались наиболее агрессивные призывы к войне с «неверными» с целью их полного истребления.

Помимо такого рода книг среди мусульманского населения Туркестана широко распространялись листовки, поступавшие из Афганистана. Министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф писал военному министру А.Н. Куропаткину о том, что российский генеральный консул в Мешхеде сообщил в депеше от 8 сентября 1898 г. о том, что афганский эмир «в большом количестве» рассылает прокламации, призывающие к «священной войне» (газавату). Он прилагал копию этой депеши. Российский генеральный консул в Мешхеде статский советник Панафидин указывал в ней, что он получил известия из Герата о том, что в стране повсеместно распространяются тысячи прокламаций эмира афганского Абдуррахмана о «священной войне» (газавате) против «неверных». Писал, что такие листовки направлены и в Бухару – 2 тыс., в Чарджуй – 1 тыс. и также много – в Мерв и туркменские аулы³.

Однако в военном министерстве усомнились в том, что такие сообщения могут отражать истинное положение вещей в Афганистане и настроения его

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты Командующего войсками Туркестанского военного округа и Военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы (Отчет генерал-лейтенанта Королькова) (1899). Л. 10 об.

² РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп. 1. Д. 35... Л. 51-53.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2330 – По поводу полученных сведений о рассылке Афганским Эмиром прокламаций, призывающих к священной войне (газават). Л. 2.

эмира. Военный министр А.Н. Куропаткин, семь лет (1890-1897 гг.), возглавлявший Закаспийскую область, граничащую с Афганистаном, и неплохо знавший ситуацию в нем и настроения эмира Абдуррахмана, поручил Главному штабу разобраться в этом деле. 9 сентября 1898 г. Главный штаб направил зашифрованные телеграммы с данными Панафидина туркестанскому генерал-губернатору Духовскому, чтобы его сотрудники проверили их истинность. Одновременно он направил такие же документы начальнику гарнизона в Керки, начальнику Кушкинского поста и Российскому политическому агенту в Бухаре с тем, чтобы они тоже проверили правдивость данных генконсула в Мешхеде. 10 сентября 1898 г. Главный штаб направил зашифрованную телеграмму туркестанскому генерал-губернатору Духовскому, в которой от имени военного министра просил его ответить на один вопрос: «Сколько раз, по местным сведениям, за последние десять лет приписывалось эмиру афганскому провозглашение газавата»¹. 11 сентября 1898 г. Азиатская часть составила на сей счет докладную записку по Главному штабу. В ней она приводила «справку», из которой следовало, что имеются десятки разных донесений относительно намерения афганского эмира начать газават против «неверных». Например, в 1889 г. таких донесений было 15, в 1890 г. – 2. В 1891-1893 гг. слухов такого рода не было, но уже в 1894 г. было получено 9 подобных донесений. В 1895 г. таких сведений не поступало, но в 1896 г. слухи о намерениях афганского эмира устроить газават распространялись. В 1897 г. они участились, так как афганский эмир «присвоил себе новый титул: “Свет мира”, который с тех пор чеканится на золотой монете, а под влиянием успехов турок в борьбе с Грецией издал воззвание, призывающее всех мусульман к борьбе с неверными, каковое, по-видимому, оказало весьма значительное влияние на восстание племен, пограничных с Индией»². Из всего этого явно вытекало, что сообщения чиновников российского Министерства

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2330 – По поводу полученных сведений о рассылке Афганским Эмиром прокламаций, призывающих к священной войне (газават). Л. 11.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2330... Л. 13 об.

иностранных дел по этому поводу оставляли желать лучшего, вводя в заблуждение высшие инстанции империи относительно реальной политики афганского эмира. Тем не менее, 19 сентября 1898 г. российский генеральный консул в Хорасане статский советник Панафидин направил новую депешу в МИД, в которой опять писал о прокламациях афганского эмира насчет газавата и приводил те же данные об их рассылке¹. Весной 1899 г. сообщения об этом повторились, и вновь военное министерство вынуждено было возобновить по этому поводу переписку с вышеуказанными адресатами.

Мы полагаем, что такого рода информация была правдивой и антирусские листовки и литература постоянно распространялись в Центральной Азии и впредь. Так, 27 сентября 1909 г. офицер 4-й Туркестанской стрелковой бригады, штабс-капитан Чайковский докладывал в Штаб Туркестанского военного округа о том, что в Афганистан завезено много листовок на «туземных» языках для мусульман Туркестанского края, а также Бухарского и Хивинского ханств, в которых говорилось о планах Англии и России разделить между собой Афганистан и все другие соседние мусульманские владения. Листовки призывали объявить джихад и не допустить реализации планов «неверных»². Таким образом, религиозные листовки широко обращались в орбите геополитических действий Афганистана в Центральной Азии. В большом количестве они распространялись среди мусульман центральноазиатских ханств. Начальник Туркестанского районного охранного отделения подполковник Андреев писал директору Департамента полиции МВД в 1910 г. о том, что «родственное по религиозным убеждениям, по быту и нравам население Афганистана... имеет непрерывные сношения с населением Бухары... Афганистан изучает Бухару в стратегическом и тактическом отношениях, Афганистан имеет в Бухаре и во

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2330 – По поводу полученных сведений о рассылке Афганским Эмиром прокламаций, призывающих к священной войне (газават). Л. 35-35 об.

² ЦГА Кырг. Ф. 154 (Ошский уездный начальник). Оп. 1. Д. 1 – Секретные бумаги к сведению. Л. 110.

всём Туркестанском крае военный и политический шпионаж»¹. Глава туркестанской «охранки» отмечал, что Афганистан снабжает Бухару оружием.

Особенно активизировалась деятельность афганской агентуры в Центральной Азии в годы первой мировой войны. Несмотря на то, что Россия была союзницей Англии – «сюзерена» Афганистана, афганский эмир Хабибулла-хан вел против нее подрывную работу, возможно, даже с ведома англичан, не заинтересованных в усилении российских позиций в Центральной Азии. Так, в Бухаре обосновался под личиной «торгового агента» афганский резидент Хаджи-Абду-Наби Хан-Мухамеджанов, который достаточно открыто вел подрывную деятельность против России. Выяснилось, что афганец занимается шпионажем и установил связи с мусульманскими экстремистами – «маджахиддинами» в Туркестанском крае. Для русской контрразведки пресечь деятельность Хаджи-Абду-Наби было сложно, поскольку, во-первых, статус торгового агента охранялся российским Министерством иностранных дел, во-вторых, он жил на территории формально независимого Бухарского ханства, в-третьих, во время войны Россия не хотела обострять отношения с Афганистаном, поддерживавшим связи с враждебной Турцией. Недаром туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в своем последнем «всеподданнейшем» отчете от 22 февраля 1917 г. писал о том, что «с выступлением против нас Афганистана нельзя ручаться, что мусульманское население Бухары и даже всего Туркестана останется спокойным»². И в этих его словах заключался глубокий смысл взаимосвязи религии и геополитики в Центральной Азии рассматриваемого периода.

Указывая на существование такой взаимосвязи в Центральной Азии, российская газета «Колокол» писала в начале 1912 г.: «Афганистан хочет подготовить мусульманское население Туркестана к панисламистскому движению, а затем встать во главе “газавата” для освобождения мусульман из-

¹ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 295.

² РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 194. Д. 24 – Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора (секретно) от 22 февраля 1917 года. Л. 9 об.

под власти неверных, и это его задача, которую мы не хотим видеть, как не желали видеть приготовлений Японии к маньчжурской войне»¹. О геополитических амбициях афганского эмира писал зарубежный исследователь Г. Элдер, отмечавший, что тот надеялся создать «сильное исламское государство, которое может однажды подняться на южных границах России в тесном союзе с англичанами в Индии и угрожать тем самым беспокойным мусульманским территориям России»².

Естественно, что афганский эмир исполнял роль геополитической угрозы не только по указке англичан, но и по причинам мусульманской религиозной солидарности с соседним и дальним исламским миром. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков писал 20 февраля 1913 г. председателю Совета министров В.Н. Коковцеву о том, что агент афганского эмира в Мешхеде заявил бухарскому представителю о том, что в недалеком будущем афганский эмир «объявит России войну, которая обязательна для всех мусульман как священная война, и мусульмане должны принять участие в этой войне с неверными (т.е. русскими) и душой, и имуществом»³. В устремлении эмира явственно просматривалась связь религии с геополитическими планами Афганистана в Центральной Азии.

Таким образом, в заключение можно свидетельствовать о том, что Афганистан, несмотря на свою всестороннюю отсталость, был немаловажным субъектом в геополитике держав в Центральной Азии. Этот статус определялся его значимым географическим положением, чем он выгодно отличался от таких же отсталых среднеазиатских ханств – Бухарского и Хивинского. Будучи «буфером» между двумя крупнейшими империями планеты – Британской и Российской, Афганистан неизбежно стал зависимым

¹ Руслан-Русланский. Почему России опасны афганские вождения? // Колокол. 1912. 20 января.

² Alder G. J. British India's Northern frontier. 1865-1895: A study of imperial policy... P. 178.

³ РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 530. Д. 863 – Наряд донесений о привлечении за революционную деятельность, распространение революционных изданий по Ташкентской судебной палате (1913). Л. 124 об.

государством от Англии. Вместе с тем он пытался играть и самостоятельную роль в геополитике. В этом ему помогал статус истинно религиозного мусульманского государства, в котором многие приверженцы веры Пророка в Центральной Азии склонны были видеть защитника своих интересов и симпатизировали ему. Это одинаково озадачивало как Россию, так и Великобританию. Есть основания полагать, что в своих отношениях по Афганистану они достигали не только явных, но и тайных соглашений в интересах еврохристианской цивилизации. Представляется важным отметить то обстоятельство, что гибкость религиозно-геополитического поведения помогла «буферному» Афганистану сохранить, а позже (после революции и гражданской войны в России) укрепить свою независимость и полный суверенитет.

3.3. Религиозный аспект взаимоотношений Персии и Российской империи в 1865-1917 гг.

Как известно, сегодня многие исследователи предпочитают писать не о Персии, а об Иране, причем даже в тех случаях, когда речь идет об этом государстве в древний период, средневековье и новое время. В этом ничего зазорного, однако считаем нужным уточнить, что, во-первых, термин «Персия» долго признавали сами иранцы, которые только после празднования 1000-летия Фирдоуси (1934) стали официально употреблять слово «Иран»; во-вторых, во всех документах рассматриваемого нами периода фигурирует слово «Персия», в том числе, понятно, и в правовых актах.

Место и роль Персии в мировой геополитике всегда были весьма значимыми. Главный редактор журнала «Иран-наме» Сафар Абдулло пишет о том, что «Иран является одним из самых древних очагов цивилизации. Народы Центральной Азии и Ирана с древнейших времен жили в едином культурном

пространстве»¹. Достаточно упомянуть о греко-персидских войнах, о завоевании Персии Александром Македонским. Это были не только сражения, но и первые опыты взаимодействия западной и восточной цивилизаций, повлиявших друг на друга. Утверждение ислама в Персии связало ее с мусульманским миром, однако эти узы позже повлекли за собой немало проблем в ее отношениях с последним. Персидский вариант веры Пророка – шиизм порождал конфронтацию с ортодоксальными (суннитскими) мусульманскими странами. Соответственно, геополитика в исламской ойкумене постоянно имела персидский «привкус». На этой основе отношения Персии с другими мусульманскими государствами, несмотря на религиозную общность, имели порой больше противоречий, чем с неисламским миром. Известна постоянная и напряженная борьба между суннитской Османской империей (Турцией) и шиитской Персией. Поскольку в мировой геополитике ничто не игнорируется, то турецко-персидские противоречия учитывались в рассматриваемый период как в мусульманских, так и в еврохристианских странах. Естественно, в этом плане автора больше интересуют отношения Персии с Россией, так как в целом исследование посвящено проблеме взаимосвязи религии и геополитики в Центральной Азии во времена русского царизма.

Считается, что русско-турецкие дипломатические связи насчитывают немногим более полутысячелетия. Мы полагаем, что российско-персидские отношения имеют не меньшую историю. Их роль и значение в геополитике царской России на Востоке были тоже не меньшими. Вместе с тем по степени напряженности они уступали русско-турецким контактам. Так, еще во времена Ивана Грозного, когда турки захватили в конце 1570-х гг. кавказское побережье Каспийского моря, «в этой обстановке иранские шахи Худабенде, а затем Аббас вступили в переговоры с русским правительством о военном

¹ От главного редактора // Иран-наме: Научный востоковедческий журнал. Алматы, 2007. № 1, 2. С. 3.

союзе»¹. Безусловно, Персия и Турция заключали между собой договоры о взаимном дележе, например, кавказских территорий, но это были временные союзы, принципиально не менявшие традиционные векторы их геополитики по отношению друг к другу. Россия принимала это во внимание в своих геополитических маневрах на Востоке. В.М. Хвостов писал о том, что Персия интересовала Россию потому, что она находилась в состоянии перманентного конфликта с Турцией из-за границ. Это, разумеется, так, но в основном Россия была заинтересована в Персии по торгово-экономическим соображениям. Завоевание при Иване IV Астраханского ханства открыло России путь к берегам Каспия, где она вскоре утвердилась в Астрахани. После этого торговля России с Персией по морю приобрела новые импульсы, укреплявшие их добрососедские отношения.

Но Россия не всегда могла помочь Персии в борьбе с турками, которые стремились перерезать волго-каспийский путь сотрудничества двух стран. Так, например, когда в конце XVI в. персидский шах Аббас (1587-1628) обратился к России с предложением объединить усилия против Турции, то она, измученная Ливонской войной и терзаемая первыми приступами надвигающейся Смуты, не смогла вступить в предложенный ей союз. Однако по происшествии Смутного времени интенсивность русско-персидских отношений постоянно нарастала. Безусловно, они, прежде всего, были торгово-экономическими и закрепились двусторонними договорами. Но, как известно, любая геополитика основывается, прежде всего, на экономических интересах, а не на политических, религиозных, культурных и т.п. Всё это можно считать «побочными» обстоятельствами.

В российско-персидских торгово-экономических отношениях того времени отменялись вообще или снижались пошлинные сборы, расширялись права купцов, торговых компаний и проч. В этом плане представляется показательным декабрьский договор 1664 г. о значительных льготах для

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 832.

российской торговли в Персии¹. Он, кстати, распространялся и на российских «торговых» мусульман (татар). В 1675 г. царь Алексей Михайлович отменил взывание пошлин с персидских товаров, привезенных специальными посланцами². Петр I, поглощенный заботами об открытии «окна в Европу», тем не менее не забывал о восточной (персидской) торговле. В перечне задач, поставленных им Правительствующему Сенату перед Прутским походом 1711 г., можно прочесть: «Персидский торг умножить, и армян как возможно приласкать и облегчить всем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»³. В указе от 13 апреля 1711 г. эти слова повторяются слово в слово в пункте 7-м⁴. В сентябре 1711 г. был издан указ, освобождавший от сбора таможенных пошлин товары, привезенные из Персии⁵. В 1717 г. персидский визирь Эхтимат Давлет заключил договор с российским посланником Волынским о торговле русских купцов в Персии⁶. Несмотря на сопротивление части персидских чиновников и духовенства, шах Хуссейн через три года всё

¹ Открытый указ, исходатайствованный у персидского шаха Аббаса II российскими великими послами – О невзимании во всем персидском государстве с купчин, целовальников, с торговых русских людей, и с товаров их, за подводы и за провоз пошлин; а также наемных денег за постоянное и полавочное; о непритеснении их взятками, о снабжении всем нужным и о препровождении повсюду с честью. Декабрь 1664 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 366. С. 603.

² Именной, объявленный из Поместного приказа – О невзыскании таможенных пошлин с товаров, привезенных посланными в Персию от Государя. Б/д 1675 года // ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 618. С. 1029.

³ Именной, данный Сенату – О поручении Правительствующему Сенату попечение о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства. 2 марта 1711 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 2330. П. 9. С. 635.

⁴ Сенатский – Подробные распоряжения в исполнение Высочайших пунктов, состоявших 2 марта 1711 года. 13 апреля 1711 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 2349. С. 663.

⁵ Сенатский – О встрече в Астрахани персидского посла и о сопровождении его до Москвы с надлежащей почестью; о невзимании пошлин с привезенных им шаховых товаров, и об осмотре, чтобы в числе прибывших с персидским послом не оказалось индейцев с товарами. 24 сентября 1711 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 2429. С. 741.

⁶ Договор, заключенный российским посланником Волынским с персидским министром Эхтимат Давлетом – О торговле русских купцов в Персии. 30 июля 1717 года // ПСЗРИ-1. Т. 5. СПб., 1830. № 3097. С. 500-503.

же ратифицировал этот сугубо торговый акт¹. Одновременно с указанной ратификацией российский консул в Исфагане Семен Аврамов получил из Государственной коммерц-коллегии инструкцию с приложением такого же документа, выданного вице-консулу Баскакову, а также верительную грамоту для представления ее персидскому шаху². В документе речь шла, в основном, о торговых делах, а также о принципах и задачах работы российского консульского суда в Персии. Акт может представлять интерес и как образец «верительной грамоты» того времени. Религиозный фактор имел при этом и место, и влияние, поскольку в российско-персидской торговле активно участвовали армяне-христиане и индусы.

В 1723 г. царь Петр I добился больших геополитических успехов на Востоке: по договору Персия уступала ему часть своих территорий в Прикаспийском регионе³. Но эти успехи не получили развития. В 1732 и 1735 гг. императрица Анна Иоанновна заключила новые договоры с Персией, вернув ей ранее уступленные земли⁴. И вряд ли ее можно упрекнуть в

¹ Ратификация персидского шаха Гуссейна на статьи о торговле, заключенные российским посланником Волынским с Эхтимат-Девлетом 30 июня 1717 года. Декабря (б/д) 1720 года // ПСЗРИ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3699. С. 279-280.

² Инструкция, данная из Государственной Коммерц-коллегии определенному в Испагань консулу Семену Аврамову. – С приложением Инструкции, данной вице-консулу Баскакову и верюющей грамоты к шаху Персидскому. Декабря (б/д) 1720 года // ПСЗРИ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3700. С. 280-287.

³ Трактат между императором Петром I и шахом Тахмасибом, заключенный в Санкт-Петербурге российскими министрами и полномочным послом персидского шаха Исмаил беком – О уступке в вечное Российской империи владение лежащих по Каспийскому морю провинций Гиляни, Мизендерана, Астрабата и городов Дербента и Баку со всеми принадлежащими к ним землями, за сделанное от России шаху против бунтовщиков вспоможение. 12 сентября 1723 года // ПСЗРИ-1. Т. 7. СПб., 1830. № 4298. С. 110-112.

⁴ Трактат между Россией и Персией – О восстановлении между обеими Державами дружественных отношений, об уступке персидскому шаху обратно бывших под российским владением провинций Лагеджанской, Ранахута, Гилянкой, Астаринской и прочих от Астрабата по реку Куру; о возвращении других остающихся за Россией персидских владений, как скоро сие государство будет в совершенной независимости от неприятелей безопасности; о восстановлении взаимной торговли со всеми прежними правами и свободой; о удовлетворении за убытки, понесенные во время бунтов российскими купцами: о пребывании в резиденциях обоих государств министрам и для их охранения и распространения торговли в городах консулам и агентам; о прощении и личной безопасности всех персидских провинций жителям, в подданстве российском состоящим и о восстановлении по-прежнему Грузинского царя Вахтанга. – С приложением ратификации персидского шаха на сей трактат. 21 января 1732 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5935.

геополитических растратах. Во-первых, Россия не могла закрепить за собой новые территории, а во-вторых, шиитская Персия нуждалась в поддержке, так как только в 1730 г. смогла изгнать со своей территории афганцев-суннитов. Помощь христианской России имела геополитические последствия: новый правитель Персии Надир-шах за короткое время создал огромную державу, включившую в себя Афганистан, Закавказье, Северную Индию и часть Центральной Азии – Бухарское и Хивинское ханства. Однако в 1747 г. Надир-шах был убит и его скороспелая империя распалась. Но еще до этого императрица Елизавета Петровна в 1744 г. разрешила транзит персидских товаров в Европу через российскую территорию, что тоже имело геополитический подтекст, укрепляя связи исламо-шиитской Персии с христианским миром Европы¹.

Этот тренд российской геополитики был поддержан при императрице Екатерине II, которая считала главным врагом России Турцию, а не ослабевшую после внутренних неурядиц Персию. Однако она проявляла значительный интерес к последней, рассматривая ее как возможного союзника России в противостоянии с Османской империей. Царица понимала значение религиозных разногласий между Турцией и Персией. Кроме того, она объявляла себя защитницей христианства в мусульманском мире. Поэтому после того, как бывший астрабадский хан Ага-Мухаммед, выходец из тюркского племени каджаров, вероломно захватил власть в Персии и в 1795 г. совершил страшный разорительный поход против православной Грузии, вступившей по Георгиевскому трактату 1783 г. в союзнические отношения с Россией, императрица в марте 1796 г. объявила войну «похитителю»

С. 614-620; Манифест – О заключении мира с Персидским государством. 29 мая 1732 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 6077. С. 841-842; Манифест – О кондициях, постановленных в трактате между российским и персидским Дворами, в силу которых российские купцы могут в Персии торговать беспошлинно и пользоваться разными другими привилегиями. 23 ноября 1734 года // ПСЗРИ-1. Т. 9. СПб., 1830. № 6648. С. 431-432.

¹ Сенатский – О дозволении персиянам провозить товары через Астрахань в другие государства с тем, чтобы сии товары подвергнуты были таможенному досмотру и взысканию надлежащих в казну пошлин. 13 июля 1744 года // ПСЗРИ-1. Т. 12. СПб., 1830. № 8991. С. 169-170.

персидского престола¹. Екатерина II в манифесте порицала все злодеяния персидского шаха, но подчеркнуто выступала и в роли защитницы христианства на Кавказе, обвиняя Ага-Мухаммеда в «разграблении там и разорении храмов Божиих, опустошении земель увлечением в неволю великого числа христиан»².

Однако поздней осенью того же года Екатерина II скончалась, а ее преемник Павел I отказался от войны с Персией. Ага-Мухаммед ненадолго пережил российскую «императрицу-матушку» – в 1797 г. его сменил племянник Фетх-Али-шах (1797-1834). Мы не исключаем, что Павел I отказался от войны с Персией вопреки воле покойной матери, которую, мягко говоря, не любил, но в целом, в геополитическом плане, на наш взгляд, он поступил здраво. В феврале 1797 г. по его повелению Правительствующий Сенат издал указ о демонтаже крепостных построек на границе с Персией и «невозобновлении» их в последующем³. Но как бы там ни было, именно Павел I решил судьбу Грузии, издав незадолго до своего убийства манифест о ее присоединении к России⁴. А за неделю до смерти он направил в Сенат указ об организации управления грузинскими землями⁵. Это была большая геополитическая победа России, укрепившая ее позиции и положение православного христианства вообще на Кавказе и прилегающих к нему регионах.

Как известно, Персия вскоре отреагировала на это войной с Россией. Персидский шах надеялся, что европейские страны – противники России окажут ему помощь. Но он просчитался. Англичане не могли ему помочь, так

¹ Манифест – О вступлении российских войск в пределы Персии против похитителя власти в сем государстве Аги Магомед Хана. Марта (б/д) 1796 года // ПСЗРИ-1. Т. 23. СПб., 1830. № 17451. С. 876-878.

² Манифест – О вступлении российских войск в пределы Персии против похитителя власти в сем государстве Аги Магомед Хана ... С. 877.

³ Сенатский, вследствие именного – О нестроении крепостей на Персидской границе. 28 февраля 1797 года // ПСЗРИ-1. Т. 24. СПб., 1830. № 17854. С. 505-506.

⁴ Манифест – О присоединении Грузинского царства к России. 18 января 1801 года // ПСЗРИ-1. Т. 26. СПб., 1830. № 19721. С. 502-503.

⁵ Именной, данный Сенату – Об управлении Грузией. 6 марта 1801 года // ПСЗРИ-1. Т. 26. СПб., 1830. № 19770. С. 566-567.

как состояли вместе с Россией в рядах антифранцузской коалиции, а Наполеон I, заключивший в 1807 г. договор с Персией и обещавший ей вернуть Грузию, после подписания Тильзитского мира с императором Александром I тоже не мог нарушить договорные обязательства с русским царем. Англичане, воспользовавшись благоприятным случаем, подписали в 1809 г. договор с Персией, обещая помощь в войне с Россией, однако реально ничего не сделали, в связи с чем персидский шах вынужден был пойти в 1813 г. на мир с русскими. Гюлистанский договор 1813 г. был значительным геополитическим успехом России, приобретшей не только кавказские территории, но и исключительное право иметь свой военный флот на Каспии—единственный такой на всём море. Это обстоятельство, безусловно, имело прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме, поскольку усиливало геополитические позиции христианской России и в Центральной Азии, западные рубежи которой упирались в Каспийское море. Более того, значительная по продолжительности персидская граница проходила по югу этого региона.

Недовольный договором 1813 г., персидский шах требовал его пересмотра и искал союза с антирусскими международными силами. Он вступил в тесное сотрудничество с англичанами, подписав в 1814 г. новый договор с Великобританией, обязавшейся оказывать Персии военную помощь. Зарубежный исследователь К. Буэрн пишет о том, что в начале XIX в. «в Персии британская политика определялась озабоченностью продвижения России в сторону ее коммуникаций с Индией и в сторону самой Индии»¹. Английский путешественник и разведчик лорд Данмор уточнял, что в начале XIX в. «на границе с Персией интересы Англии столкнулись с интересами России, поскольку Персия и Афганистан были единственными странами, оставшимися между двумя великими империями в Азии»². Таким образом,

¹ Bourne K. The foreign policy of Victorian England. 1830-1902... P. 34.

² Murray Ch.A., earl of Dunmore. The Pamirs: Being a narrative of a year's expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. Vol. 2... P. 313.

новая русско-персидская война становилась неизбежной. В сентябре 1826 г. император Николай I объявил о ее начале¹.

Война продолжалась недолго и закончилась подписанием 10 февраля 1828 г. Туркманчайского мирного договора. Россия получала территории Эриванского и Нахичеванского ханств и контрибуцию в размере 20 млн руб. серебром. Договор имел прямое отношение к проблеме религии в геополитике, поскольку Эриванское ханство было населено армянами-христианами, притеснявшимися мусульманскими властями Персии. Он форсировал и международные отношения шиитской Персии с христианскими государствами. В 1841 г. был подписан очередной договор с Англией, а в 1845 г. – с Францией. В 1856 г. Персия даже вступила в договорные отношения с США. Все указанные международные акты вели к дальнейшему закабалению Персии и в итоге привели в середине XIX в. к бабидским восстаниям в стране. В 1856-1857 гг. англо-персидская война еще более усугубила положение в стране, отдав ее фактически на откуп западным странам. Однако, несмотря на это, Россия тоже продолжала сохранять геополитическое влияние в Персии, которое еще более усилились после того, как она завоевала Центральную Азию и вышла на границы с этим государством. Авторитетные специалисты свидетельствуют о том, что к 60-м годам XIX в. Британия и царская Россия располагали в Иране важными экономическими и политическими позициями. И Россия старалась сохранить их. Так, например, в 1879 г. русский царизм направил в Тегеран казачью бригаду полковника Домантовича с тем, чтобы охранять шаха от его же народа.

Рассматривая проблему религии и геополитики в Центральной Азии применительно к Персии, нельзя не заметить, что если даже в Османской империи свободно функционировали христианские общины, то в Персии их деятельность тоже допускалась. В ней преимущественно проживали христиане-армяне, которые достаточно успешно занимались бизнесом и

¹ Декларация – О начатии войны противу Персии. 16 сентября 1826 года // ПСЗРИ-2. Т. 1. СПб., 1830. № 583. С. 944-946.

активно участвовали в российско-персидской торговле еще до присоединения Центральной Азии к России. После него персы и армяне легко находили общий язык в торговой сфере этого региона. В секретном «всеподданнейшем» отчете о положении Закаспийской области в 1893 г. начальник области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин писал: «Вся внешняя торговля с Персией тоже продолжает находиться в руках персов и армян... Туземное население области, как и в предыдущие годы, по отношению сбыта своих продуктов и покупки русских и иных фабрикантов произведений, находится в руках армян, персов, азиатских евреев и других пришельцев»¹. Он отмечал, что «русские торговцы по-прежнему с трудом увеличиваются в числе, встречая в армянах и персах пока еще неодолимых противников»². Начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.А. Боголюбов писал во «всеподданнейшем» отчете о положении в области в 1899 г. – о значительном засилье персов в городах Закаспийской области³. Однако в правительстве никак не отреагировали на это обстоятельство, поскольку через полтора десятилетия, в 1913 г., во «всеподданнейшем» отчете начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Л.В. Леш писал о том, что торговля в области в основном находится в руках армян и персов, как внутренняя, так и внешняя – «экспортная»⁴.

Следует заметить, что персы-шииты жили не только в указанной области. Зарубежная исследовательница Ш. Акинер пишет о том, что, кроме Закаспийской области, персы-шииты жили в Мерве, Самарканде, Бухаре и др.⁵. Английские разведчики Ф. Скрайн и Э. Росс указывали, что в Мерве

¹ Отдел рукописей РНБ (СПб). Ф. 244 (Архив Делянова И. Д.). Оп. 1. Д. 39 Всеподданнейший секретный отчет об экономическом, политическом и территориальном положении Закаспийской области в 1893 году. Л. 27.

² Там же.

³ Россия и Туркмения в XIX в.: К вхождению Туркмении в состав России: Сб. мат-лов. Ашхабад, 1946. С. 313.

⁴ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 13748 – Всеподданнейший отчет начальника Закаспийской области за 1912 год. Л. 22 об.

⁵ Shirin Akiner. Islamic Peoples of the Soviet Union. – London, Boston, Melbourne and Henley, 1983. P. 357.

пребывало много персидских купцов¹. Однако, учитывая то обстоятельство, что персидская граница проходила по территории Закаспийской области, понятно, что большинство персов проживало в ее пределах. Но не только поэтому. Видный российский исследователь П.П. Литвинов отмечает, что «еще в 1868 г. “первоустроитель” Туркестанского края К.П. Кауфман приказал выселить из подведомственных ему пределов всех персов-шиитов с тем, чтобы предотвратить их возможные столкновения с туркестанскими мусульманами-суннитами»².

Естественно, в то время не было ни Закаспийской области, ни даже одноименного военного отдела, образованного только в 1874 г.³. Поэтому часть персов-шиитов вернулась на родину, а другие отправились к туркменам и в Хивинское ханство. С образованием Закаспийского военного отдела они стали возвращаться на российскую территорию, а с учреждением Закаспийской области в 1881 г. их численность в ней постоянно росла. Так, например, на рубеже XIX-XX вв. здесь проживало 8662 персов-шиитов⁴. Если учесть, что такая статистика учитывала официально зарегистрированных персов, то на деле их было значительно больше, поскольку многие предпочитали жить и работать в Закаспийской области без официальной прописки. Особенно привлекал их город Асхабад и одноименный уезд. 14 августа 1905 г. начальник Асхабадского уезда полковник Куколь-Яснопольский писал в рапорте в канцелярию начальника Закаспийской области о том, что в его уезде проживает много персов, которых выселяют, но они снова приезжают, так как ищут работу⁵.

¹ Shirin Akiner. *Islamic Peoples of the Soviet Union*. – London, Boston, Melbourne and Henley, 1983. P. 352.

² Литвинов П.П. *Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917...* С. 90.

³ Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Временное Положение об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53233. С. 333-338.

⁴ ЦГА Туркм. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2743 – Сведения о числе мусульман шиитского толка в Закаспийской области. Л. 4, 6, 7, 8, 11, 13-13 об.

⁵ РГВИА. Ф. 76 (Косаговский В.А.). Оп. 1. Д. 312 – Копия рапорта начальника Асхабадского уезда Куколь-Яснопольского о дознании по поводу демонстрации, бывшей 4-го июля в гор. Асхабаде и о раскрытии революционного кружка (1905). Л. 2.

Закаспийская область имела особенное положение на российских территориях в Туркестане. Для понимания рассматриваемой нами проблемы оно представляет особый интерес. После образования в 1881 г. область была передана в подчинение кавказским властям¹. Однако, подчиняясь военно-стратегическим задачам геополитики, в 1890 г. Закаспийская область была поставлена под прямой контроль военного министерства². К концу XIX в. геополитическая ситуация поменялась, и в конце декабря 1897 г. был издан новый указ, на основании которого область подчинили туркестанскому генерал-губернатору³. Это обстоятельство было окончательно подтверждено царскими указами в июне 1899 г.⁴.

Особенность Закаспийской области заключалась в том, что ее руководители имели право непосредственных контактов с персидским правительством и российскими представительствами в Тегеране и других городах. Для этого при них состояли специальные «дипломатические» чиновники, содержавшиеся за счет Министерства иностранных дел. Из этого следует, что начальники области имели возможность на ходу корректировать религиозно-геополитическую ситуацию на персидском направлении. Так, например, в Персию выезжал начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин для решения текущих и стратегических вопросов. А их постоянно накапливалось немало. Например, зарубежные исследователи

¹ Именной, данный Сенату – О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркмен Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского Военного Отдела области Закаспийской с включением Оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 года // ПСЗРИ-3. Т. 1. Отд. 1. СПб., 1885. № 142. С. 66.

² Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 70-75.

³ Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. Т. 17. СПб., 1900. № 14818. С. 711.

⁴ Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О гражданском переустройстве Среднеазиатских областей. 11 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17177. С. 710-711; Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О военно-административной реформе в Сибири и Средней Азии. 12 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17214. С. 724-727.

Ф. Скрайн и Э. Росс отмечали, что при Куропаткине персы из Келата и Хорасана перешли на русскую сторону границы и просили защитить их от притеснений шахских властей. Однако генерал выпроводил их назад, но дипломатическим путем просил Тегеран облегчить участь тех, кому русские власти отказали в помощи¹.

Серьезной проблемой персидской геополитики России в Центральной Азии было отношение региональной администрации к персам-бабидам, бежавшим от преследования шахских властей и расселившимся в Закаспийской области. Это были религиозные сектанты, и потому отношение русских властей к ним естественно и органически вписывается в ткань рассматриваемой нами проблемы. Правительство Персии постоянно требовало выдворения бабидов на родину для предания их суду и наказанию. Но российские власти отказывались это делать. Как известно, в 1840-х гг. в Персии возникло новое религиозное вероучение, основателем которого стал торговец Али Мухаммед, объявивший себя Бабом, то есть «вратами», через которые к верующим должен явиться мессия – Махди. Баб признал священными книгами своих приверженцев, помимо Корана, также Тору (Пятикнижие) евреев и Евангелие христиан. Он же написал и свою священную книгу – «Беян» («Откровение»), которая стала сакральной для его последователей – бабидов. Учение Баба приобрело огромную популярность и сотни тысяч адептов. Оно стало знаменем борьбы с шахским режимом. Властям Персии удалось подавить бабидские восстания, подвергнув их участников жестоким казням. Однако часть из них сумела сбежать за пределы страны, в том числе в Прикаспийский регион.

Россия начала завоевание Закаспия еще в 1869 г. основанием Красноводска как укрепленного пункта, а в 1870-х образовала Закаспийский

¹ Skrine F.G. and Ross E.D. The Heart of Asia: A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times... P. 427.

военный отдел¹. П.П. Литвинов пишет: «С присоединением закаспийского региона к России сюда бежали, спасаясь от жестоких преследований шахских властей Ирана, персы-бабиды (бехаиты). Российское правительство, исходя из своих интересов в отношениях с Ираном, разрешило персам-бабидам проживать на своей территории, но категорически отказывало им в принятии российского подданства. Между тем начальник Закаспийской области Куропаткин, наделенный «Временным положением об управлении Закаспийской областью» 1890 г. некоторыми дипломатическими прерогативами, “дразнил” шахское правительство своим покровительством бабидам»². Он выделил последним по их просьбе видное место в областном центре – Асхабаде для строительства мечети, которая затем стала, по словам «благочинного» православных церквей Закаспийского округа М. Колобова, «одним из красивейших архитектурных сооружений города». Открытие бабидской мечети «вызвало недовольство персов-шиитов, выразившееся в открытых столкновениях и даже убийствах». Однако закаспийская военная администрация самым решительным образом пресекла беспорядки, выдворила сотни участвовавших в них в Персию без права возвращения в Россию когда-либо, и в дальнейшем бабидская мечеть в Асхабаде, школа при ней и вся сектантская община в целом функционировали в Закаспийской области в безопасном и спокойном режиме»³. Начальник области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин удовлетворил прошение асхабадских бабидов от 22 февраля 1896 г. о разрешении им открыть школу для обучения детей с приглашением учителя из Кавказского учебного округа⁴. Традиция такая продолжалась и при его преемниках в должности начальника Закаспийской

¹ Именной, объявленный в приказе по Военному ведомству – Временное Положение об управлении в Закаспийском Отделе. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53233.

² Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917... С. 91.

³ Там же.

⁴ ЦГА Туркм. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7150 – По прошению общества бабидов о разрешении открыть начальную школу для обучения детей русскому, персидскому и арабскому языкам. Л. 1, 2 и др.

области. Так, в сентябре 1908 г. асхабадские бабиды подали прошение начальнику Закаспийской области о разрешении им установить 12 кружек в торговых местах для сбора средств в фонд училища, основанного, как отмечалось выше, еще в 1890-х гг. Начальник области поручил решить этот вопрос старшему штаб-офицеру для поручений полковнику-мусульманину С.И. Агабекову. 23 октября 1908 г. областная канцелярия писала начальнику Асхабадского уезда о том, что бабидам разрешается установить кружки, но с условием, чтобы на них было написано по-русски, по-татарски и по-персидски о том, что деньги собираются для религиозной школы секты¹. Случай является примером использования религии в интересах российской геополитики по отношению к Персии. Куропаткин вообще оказывал влияние на политику шахских властей и лично выезжал в Тегеран для урегулирования возникавших проблем².

Другим религиозным компонентом российско-персидских отношений было сооружение шиитских мечетей в Туркестане. На основании «Строительного устава» любые мечети могли строиться только с разрешения властей. И они позволяли персам-шиитам делать это, но с соблюдением закона. Так, прибыв в 1890 г. в Асхабад, Куропаткин обнаружил, что на участке, выделенном до него шиитам под строительство мечети, построили торговые лавки под предлогом накопления средств на ее сооружение. Генерал приказал снести все лавки, а участок в июле 1891 г. передал другим персам, подавшим проект строительства мечети на его утверждение в 1892 г.³. Но персы-шииты не всегда соблюдали установления «Строительного устава». Так, в 1893 г. они начали без разрешения строить мечеть в селении Узун-Ада. Узнав об этом, Куропаткин приказал ее разрушить как незаконно

¹ ЦГА Туркм. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8499 – О разрешении обществу бабистов поставить на базаре в известных лавках 12 кружек для сбора пожертвований. Л. 1, 2, 3-3 об., 4-4 об.

² Куропаткин А.Н. Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения Высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения. СПб., б. г. // АВПРИ. ф. 144, оп. 488/1, д. 4518.

³ ЦГА Туркм. Ф. 1 (Канцелярия начальника Закаспийской области). Оп. 2. Д. 2681 – О рассмотрении проекта персидской мечети и школы в Асхабаде.

возведенную. Но мечеть не была снесена, так как узундинские персы разбирались в политике и подали жалобу на действия начальника Закаспийской области шахскому правительству в Тегеране. Персидское правительство обратило внимание на этот факт российского посланника в стране. «2 сентября 1893 г. Императорский российский генеральный консул в Хорасане писал “дипломатическому” чиновнику при начальнике Закаспийской области Игнатьеву, что иранское правительство выразило недовольство действиями Куропаткина... 18 сентября 1893 г. начальник Закаспийской области был вынужден разрешить узундинским персам сооружать мечеть, дабы не осложнять российско-иранские отношения из-за “мелочей”»¹.

Таким образом, соображения геополитики в данном религиозном вопросе взяли верх над приверженностью к законам. Именно из политических соображений и преемники Куропаткина действовали осторожно в отношении персов-шиитов. Так, 1 июня 1905 г. шиитская община г. Теджена подала прошение начальнику Закаспийской области генерал-лейтенанту В.А. Косаговскому о разрешении построить свою мечеть, указывая, что им приходится ездить молиться в шиитские мечети Асхабада или Мерва². Начальник области запросил начальника Тедженского уезда о том, насколько шиитам города необходима мечеть. В июле 1905 г. последний докладывал о том, что в уезде проживает постоянно около 500 шиитов и более сотни временно, поэтому своя мечеть шиитам необходима. Просил разрешить ее строительство³. В.А. Косаговский, служивший до этого в Персии начальником «подготовки кавалерии», без колебаний разрешил шиитам Теджена построить собственную «молельню».

Немаловажное значение в российско-персидских отношениях имела религиозная проблема Ашуры – священной даты в шиитском исламе. П.П.

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865-1917... С. 91-92.

² ЦГА Туркм. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2765 – По прошению мусульман-шиитов г. Теджена о разрешении им построить молитвенный дом. Л. 3.

³ ЦГА Туркм. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2765...Л. 4.

Литвинов пишет о том, что «во время “ашуры” – дня поминовения имама Хусейна персы-шииты устраивали религиозные оргии кровавого самоистязания – обычного для их вероисповедания, но непривычного для всех других, даже мусульман»¹. Куропаткин в свое время запретил публичное проведение Ашуры в Закаспийской области, и персы-шииты вынуждены были уходить далеко за населенные пункты, в пески, и там проводить свое «празднество». Это вызвало недовольство персидского правительства, требовавшего для шиитов «свободы веры». Но его требования, по понятным причинам, не возымели действия. В других местах Туркестана персов-шиитов было мало и Ашура проходила незаметно для властей. Но однажды она поразила весь край. Газета «Русский Туркестан» писала 18 апреля 1901 г.: «16 апреля чуть ли не впервые в Ташкенте можно было наблюдать кровавое религиозное торжество шиитов в честь шаха Гуссейна. Шииты-персы расположились в городском саду Солтановского, пригласили хор военной музыки и под звуки “Коль славен” и различных маршей, многократно крича: “Шах Гуссейн! Вах, Гуссейн!”², начали наносить себе раны на голове и лице, обливаясь кровью. Под звуки той же музыки совершалась и религиозная процессия в том же саду. В предшествовании нескольких знамен и мулл, читающих Коран, несли пестрый разукрашенный балдахин, вели лошадь, на седле которой были привязаны рога и, наконец, вели лошадь, в седле которой сидел молодой перс, слегка только окровавленный... Невиданное зрелище привлекло с Куриного базара чуть ли не всех торговцев-сартов, которые наблюдали за шиитами из-за Чаули»³. Куропаткин, ставший к тому времени военным министром и не понаслышке знавший об Ашуре, потребовал принятия строгих мер. Туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Н.А. Иванов тут же (21 апреля 1901 г.) издал приказ о повсеместном запрете «публичного оказательства» шиитского праздника. Его организаторы были

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане... С. 90.

² В связи с этими заклинаниями Ашуру называли в народе также «шахсе-вахсей».

³ Русский Туркестан. 1901. № 58. 18 апреля.

привлечены к административной ответственности, но особенно крутых мер не принималось из опасений вызвать лишний раз недовольство персидского правительства. Таким образом, и в данном случае геополитические соображения российского правительства учли специфику «персидской» религии.

Наконец, в системе российско-персидских отношений в Центральной Азии представляется важной еще одна религиозная проблема – паломничества персов в священные места шиизма в Персии и так называемой Турецкой Аравии (Неджеф и Кербела). Большой знаток мусульманского паломничества в дореволюционном Туркестане российский исследователь В.П. Литвинов в одной из своих книг посвятил этой теме целый раздел: «Паломничество мусульман-шиитов Туркестана»¹. Он отмечает, что среди шиитов-пилигримов было много кавказских мусульман, добравшихся к сакральным объектам своей веры через Центральную Азию. В.П. Литвинов подчеркивает, что туркестанские власти никоим образом не препятствовали паломникам-шиитам в достижении искомых для них целей. Персидское правительство очень положительно оценивало такую политику российских властей в Туркестанском крае.

На геополитические реалии в Центральной Азии начала XX в. повлияли революционные события в Персии в 1905-1911 гг. Персидская революция началась в декабре 1905 г., и уже в августе 1906 г. «шах вынужден был издать указ о введении конституции и о выборах в меджлис»². Повсеместно возникали организации и общества так называемых муджахидов-мелкобуржуазных революционеров, настроенных прогермански. В Персии повсюду образовывались органы народного самоуправления – энджумены. И в Туркестанском крае среди персов они тоже были. И если «военная» полиция боролась с ними, то это было не подавление «революционеров», как писали

¹ Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха Нового времени) ... С. 193-211.

² Революция 1905-1907 годов в России. М., 1975. С. 402.

ранее, а преследование людей, желавших сплотиться с Германией против Англии и России в Центральной Азии и на Среднем Востоке. По сути, это было религиозное мусульманское движение реформаторского («прогрессистского») типа. Оно не улучшило жизнь народа, зато ускорило закабаление Персии западными державами. Любопытно, что III Всероссийский мусульманский съезд приветствовал персидскую революцию и призывал к прогрессивным преобразованиям в Персии¹. Но они не восторжествовали – в годы персидской революции была подписана англо-российская Конвенция 1907 г. о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете, согласно которой северная часть Персии оказалась под контролем царской России, а южная – Великобритании².

Революционные события в Персии привели к смягчению ее отношений с суннитской Турцией, особенно после революции 1908 г. в Османской империи. «Революционеры» обеих стран сближались на почве общей неприязни к христианским державам. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов 8 августа 1909 г. направил пространный рапорт военному министру В.А. Сухомлинову о том, что в связи с победой революций в Персии и Турции активизировалось мусульманское движение во вверенном ему крае и Бухарском ханстве. А.В. Самсонов отмечал особую активность персов в Закаспийской области, где они даже образовали в Асхабаде так называемый энджумен – революционный комитет и стали больше рассуждать на политические темы. Генерал-губернатор приводил в пример группу персов, которая на железнодорожной станции Черняево в разговорах с русскими называла их «дураками» за то, что они во время революции 1905-1907 гг. не смогли прогнать царя, и обещали научить их, как надо завоевывать свободу³. А.В. Самсонов не забыл в рапорте «лягнуть» конкурента в борьбе за

¹ III Всероссийский мусульманский съезд. Казань, 1906. С. 17.

² Высочайше ратификованная Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. 7 сентября 1907 года // ПСЗРИ-3. Т. 27. № 19551. С. 556-560.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края. Л. 367.

управление Туркестанским краем – МВД, указав, что усиление панисламистской пропаганды во многом зависело от плохой работы Туркестанского районного охранного отделения как органа Департамента полиции. Он просил военного министра обратиться к министру внутренних дел П.А. Столыпину по вопросу об улучшении работы туркестанской «охранки» в борьбе с панисламистскими происками в крае. 19 августа 1909 г. В.А. Сухомлинов направил копию рапорта А.В. Самсонова в МВД. В сентябре 1909 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин писал военному министру о том, что туркестанский генерал-губернатор во многом прав, однако просчеты в борьбе с панисламизмом в Средней Азии не в меньшей мере зависят и от работы его администрации, подчиненной военному министерству¹. Всемогуший российский «премьер» предлагал последнему разделить ответственность за недостатки в борьбе с панисламизмом в Средней Азии.

В 1911 г. муджтахиды шиитов города Неджефа (Турецкая Аравия) – одного из главных святых мест шиизма –направили телеграмму председателю совета министров Персии Мушир-уль-султану, в которой отмечали, что «неверные» – европейцы захватили много мусульманских земель, которые надо отобрать у них объединившимся суннитам и шиитам. По их мнению, у России надо было отобрать весь Туркестанский край². 20 февраля 1913 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков писал председателю Совета министров В.Н. Коковцову о том, что в Закаспийской области персы активно склоняют туркмен к борьбе против русских. Они пробовали уговорить хивинского хана присоединиться к ней, но он пообещал их повесить, если они будут проповедовать такие идеи в подвластных ему пределах. Зато на территории Туркестанского края персы свободно собирали деньги в фонд Турции и приобретали оружие. «Полицейский» министр указывал: «В настоящее время среди мусульман Туркестанского края распространяются

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края. Л. 369-370.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма (1910-1912 годы). Л. 316 об.

прокламации о необходимости повсеместного сбора мусульманами пожертвований в пользу раненых турецкой армии»¹. Безусловно, глава МВД преувеличивал «революционную» активность персов в Туркестанском крае и, в частности, в Закаспийской области, исходя из многолетней конфронтации с военным министерством по вопросу о том, кому следует управлять краем – МВД или военному ведомству. Во-первых, в Закаспийской области действовали принципы «военно-народного» управления и полиция использовала для надзора за персами сведения разведки и контрразведки Штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса. Во-вторых, туркмены относились к персам не очень доброжелательно, то есть так, как во всем мусульманском мире сунниты относятся к шиитам. Наконец, в-третьих, сами персы вели себя весьма осторожно на российских территориях в Центральной Азии, особенно в Закаспийской области, власти которой при первом же удобном случае выдворяли персов на родину без особых колебаний. Вместе с тем в словах Н.А. Маклакова было немало и объективного содержания, так как персидские энджумены в Закаспийской области действительно имели связи с местным мусульманством, армянами-дашнаками, евреями и проч.

Стремление к объединению суннитов и шиитов в борьбе против европейцев, как отмечалось выше, имело место как в Персии, так и в Турции. Но в среднеазиатских ханствах революционные и «прогрессистские» настроения не имели никакого распространения и, наоборот, здесь суннито-шиитские отношения только обострялись. Французская исследовательница Х.К. д'Анкокс пишет о том, что в январе 1910 г. в Бухаре имели место трагические кровопролитные столкновения между суннитами и шиитами и «только русские войска во главе с генералом Лилиенталем смогли навести там порядок»². Она отмечает, что «до начала XX в. шииты и сунниты Бухары жили

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 863 – Наряд сведений о привлечении за революционную деятельность, распространение революционных изданий по Ташкентской судебной палате. Л. 125.

² D'Encausse H. K. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988. P. 89.

мирно»¹, и усматривает причину кровопролитной стычки в том, что при бухарских эмирах Насрулле, Музаффаре и Абдул-Ахаде «роль персов при дворе усилилась, зато снизилась роль узбеков»².

Начало первой мировой войны ознаменовалось активным проникновением в Туркестанский край шпионов из Персии, Китая и Афганистана. Так, например, 8 августа 1914 г. политический агент в Бухаре писал в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора и Туркестанское районное охранное отделение о том, что, по сведениям его разведчиков, в Туркестанский край направились персидские шпионы Саид Джафаров и Хабибулла-ходжа. Получив такое сообщение, краевая канцелярия тут же направила всем военным губернаторам и начальнику Закаспийской области предписание обеспечить повсеместный розыск указанных персидских шпионов и при обнаружении немедленно задержать их и переправить в Ташкент³.

В целом, отношения между Россией и Персией в регионе Центральной Азии были достаточно дружественными. Туркестанская администрация не препятствовала, например, работе персидских сборщиков средств в фонд Красного Полумесяца для помощи мусульманам-шиитам. Они велись, разумеется, преимущественно в Закаспийской области и под контролем непосредственно начальников уездов. В архивах сохранились списки сборщиков и сведения о сданных в фонд Красного Полумесяца средствах⁴. Вместе с тем не стоит и преувеличивать искренность русско-персидского геополитического сотрудничества в Центральной Азии. Персидская агентура продолжала нагнетать антирусские настроения среди мусульман. Перед первой мировой войной и в ходе ее в Персии в значительной мере

¹ D'Encausse H. K. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. London, 1988. P. 89.

² Там же.

³ ЦГА Кыргыз. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2 – Директивные указания по розыску разных преступников. Л. 21.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1912. Д. 74. Ч. 115. Литера Б. Л. 1 об.

активизировалась деятельность германской и турецкой агентуры, находившая известную поддержку со стороны местного мусульманского населения.

Вышеизложенное дает основание прийти к выводу о том, что Персия играла специфическую роль в геополитических обстоятельствах в Центральной Азии. Эта специфика определялась не столько характером отношений с христианскими государствами, сколько особенностью связей шиитского исламского государства с соседними суннитскими мусульманскими странами. Учет такого религиозного фактора сам по себе не мог не влиять на геополитику всех субъектов международных отношений в рассматриваемом регионе. Этот же фактор накладывал свой отпечаток на российско-персидские связи, которые имели долгую и непростую историю, однако никогда не были излишне враждебными и агрессивными, что во многом определяет современные отношения между Россией и Ираном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль религии в глобальной геополитике современности возросла в значительной мере. Об этом свидетельствуют события на Ближнем и Среднем Востоке, где ислам – религия мира – стал орудием в руках экстремистских сил, выдвигающих цели глобального геополитического господства, прикрываясь сакральными лозунгами вероучения Пророка.

Взаимосвязи религии и геополитического доминирования, с нашей точки зрения, были существенными элементами всемирно-исторического развития, но так и не получившей должной научной рефлексии. Религия являлась, если не определяющим, то существенным компонентом исторических событий.

Религия и геополитика, представляя собой самостоятельные сущностные явления, во всемирно-историческом процессе часто пересекались, вплетаясь в канву внешнеполитической деятельности государств. Под знаменем религии осуществлялись их геополитические замыслы. Накопленный социально-политический и государственный опыт России позволил использовать религиозный фактор в присоединении центральноазиатского региона.

Религиозная политика царизма в регионе имела геополитическое выражение во многих случаях. Ее издержки приводили к мятежам мусульманского населения, которые, по сути, были социальными, а не религиозными движениями, в том числе мощное восстание 1916 г. Оно нанесло сильный удар по геополитике России в годы первой мировой войны. Но антицарские движения не отвратили коренное мусульманское население от России, а сблизили его с революционной борьбой народов империи. Роль религии в центральноазиатской геополитике заключалась в том, чтобы обеспечить главным образом экономические приоритеты российской промышленности и торговли. В такой роли религия вполне успешно вписывалась в закономерности общественно-исторического развития. По

этому поводу высказался известный индийский философ С. Вивекананда (1863-1902): «Завоевание Индии Англией осуществлено не с помощью Иисуса Христа, как нам нередко пытаются внушить, и оно не походило на завоевание Индии Моголами»¹. Он прямо указывал, что Индию завоевали промышленность и торговля².

По результатам проведенного диссертационного исследования автором сделаны следующие выводы:

1. Религия и геополитика, представляя собой самостоятельные сущностные явления, во всемирно-историческом процессе часто пересекались, вплетаясь в канву внешнеполитической деятельности государств. На протяжении многих веков ислам был господствующей религией в Центральной Азии и влиял на внешнюю политику ханств. Религиозный фактор сыграл большую роль в присоединении этого исламского региона к православной России. В период самодержавия религиозный фактор активно влиял на геополитику Российской империи на мусульманском Востоке. Взаимодействие религии и геополитики в современных странах Центральной Азии продолжает оставаться определяющим во внешней политике.

2. В своей геополитике царская Россия использовала ислам в своих интересах. Государство способствовало усилению исламизации номадов Казахстана, полагая использовать их в качестве «медиатора» во взаимоотношениях с мусульманской Центральной Азией. Присоединение региона проходило также под религиозными лозунгами освобождения русских православных пленников в ханствах Туркестана, защите торгово-экономических интересов и геополитического противостояния англичанам.

3. Великобритания активно использовала религиозный фактор в Британской Индии, стравливая мусульман и индусов и разжигая распри между конфессиями. Именно с территории Индии англичане организовали

¹ Костюченко В. С. Вивекананда. М., 1977. С. 178.

² Там же.

фронтальное проникновение в центральноазиатский регион. Однако укрепление России в ЦА не отразилось на готовности к внешнеполитическому сотрудничеству обоих государств. при всей непримиримости и остроте противоречий между Россией и Англией в регионе, они находили возможности – как христианские государства – добиться согласия между собой во взаимном противостоянии еврохристианской цивилизации с мусульманским миром Центральной Азии, что поднимало роль религии в геополитике на глобальный уровень. Подписание англо-русской Конвенции 1907 г. по Персии, Афганистану и Тибету является показательным примером в этом отношении, хотя этот документ не устранял полностью всех англо-русских противоречий не только в Центральной Азии, но и на мировой арене. Но он в значительной мере снизил степень их напряженности, что имело ряд позитивных последствий.

4. Германия сумела оптимально использовать религиозный фактор в качестве катализатора своих геополитических устремлений в центральноазиатском регионе. С этой целью она успешно манипулировала государственными интересами Османской Турции, Афганистана и центральноазиатских государств, а также лояльность подданных российской державы немецкого происхождения. Германия оперативно наладила в разных местах Центральной Азии сеть своей агентуры, которая успешно действовала в союзе с врагами России и Англии в регионе, главным образом с представителями союзной Османской империи. С ней сотрудничали наиболее фанатичные представители исламского духовенства Афганистана, Персии, Китайского Туркестана и мусульманских ханств – Бухарского и Хивинского. Таким образом, Германия активно использовала религиозный фактор в своих геополитических планах в Центральной Азии. Вместе с тем, мы полагаем, что ее общая деятельность вряд ли носила решающий и определяющий характер в этой части азиатского континента.

5. Стратегия Циньского Китая в вопросах религии заключалась в насильственном подавлении выступлений народных масс исламского

вероисповедания. Данный подход предопределил необходимость политики лавирования в геополитическом соперничестве Британской и Российской империй, поскольку Центральная Азия никогда не выпадала окончательно из геополитических планов властей Поднебесной.

6. Действия Турции, основанные на религиозной идентичности, в Центральной Азии произвели определенный эффект. Однако он носил ограниченный и потому нерешающий характер. «Режим Абдул-Гамида в Турции прогнил, он был связан с Германией, а российские мусульмане не были едины – они были разобщены и не могли выступить единой силой против русской власти»¹. За десятилетия пребывания в составе Российской империи территорий Центральной Азии регион интегрировался в российский рынок, экономические связи усилились, таможенные барьеры были устранены. Поэтому идеи панисламизма не получили широкого распространения.

7. Афганистан, несмотря на свою всестороннюю отсталость, оказался важным субъектом в геополитике Центральной Азии. Он пытался играть самостоятельную роль в геополитическом противоборстве России и Великобритании. Статус истинно религиозного мусульманского государства помогал Афганистану привлечь сочувствие и симпатии у мусульман Центральной Азии. Однако будучи «буфером» между двумя крупнейшими империями – Британской и Российской, Афганистан стал зависимым от Англии государством. Его власти охотно поддерживали антироссийские проекты англичан, однако проявляли осторожность в отношениях с царской империей. Следует отметить то обстоятельство, что гибкость «религиозно-геополитического поведения» помогла Афганистану сохранить, а позже (после революции и гражданской войны в России) укрепить свою независимость и полный суверенитет.

8. Персия играла специфическую роль в геополитическом соперничестве в Центральной Азии, которая заключалась в особенностях

¹ Sokol E.D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1954. P. 152.

связей шиитского исламского государства с региональными суннитскими странами. Участие Персии в региональной международной политике влияло на геополитику всех субъектов геополитического соперничества, а также на характер и интенсивность российско-персидских связей. Российско-персидские войны, имевшие место в истории взаимоотношений между христианской империей и шиитским мусульманским государством, в отличие от русско-турецких конфликтов, не были излишне враждебными и агрессивными.

Таким образом, в рассматриваемый нами период в геополитике в Центральной Азии шла острая борьба больших мировых держав и малых государств региона. Известный немецкий специалист в области геополитики Карл Хаусхофер признал, что «важнейшим промежуточным звеном в этой большой политике была Россия»¹.

¹ Хаусхофер К. О геополитике (Работы разных лет). М., 2001. С. 376.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальные документы и нормативно-правовые акты, законодательные источники

1. Высочайше ратификованная Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета. 7 сентября 1907 года // ПСЗРИ-3. – Т. 27. – Отд. 1. – СПб., 1910. – № 29551. – С. 556-560.
2. Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года – Дополнение к Положению о военно-окружных управлениях по применению оногo к Туркестанскому военному округу. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. – Т. 42. – Отд. 1. – СПб., 1871. – № 44844. – С. 1159-1161.
3. Высочайше утвержденное 13 июля 1867 года – Положение о военном управлении в областях Туркестанского военного округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. – Т. 42. – Отд. 1. – СПб., 1871. – № 44844. – С. 1161-1164.
4. Высочайше утвержденное Положение Военного совета – О военно-административной реформе в Сибири и Средней Азии. 12 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. – Т. 19. – Отд. 1. – СПб., 1902. – № 17214. – С. 724-727.
5. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – О гражданском переустройстве Среднеазиатских областей. 11 июня 1899 года // ПСЗРИ-3. – Т. 19. – Отд. 1. – СПб., 1902. – № 17177. – С. 710-711.
6. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О разрешении евреям из Средней Азии приезжать на Оренбургскую линию для дел торговых. 29 декабря 1842 года // ПСЗРИ-2. – Т. 17. – Отд. 2. – СПб., 1843. – № 16385. – С. 281-282.
7. Высочайше утвержденное Положение об управлении Закаспийской области. 6 февраля 1890 года // ПСЗРИ-3. – Т. 10. – Отд. 1. – СПб., 1893. – № 6576. – С. 70-75.
8. Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. – Т. 6. – СПб., 1888. – № 3814. – С. 318-344.

9. Грамота Похвальная Киргиз-кайсацкому Абдулхаир-хану – За приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды, также Аральского Хана. 9 апреля 1734 года // ПСЗРИ-1. – Т. 9. – СПб., 1830. – № 6567. – С. 303-304.
10. Декларация – О начатии войны противу Персии. 16 сентября 1826 года // ПСЗРИ-2. – Т. 1. – СПб., 1830. – № 583. – С. 944-946.
11. Декларация о причинах войны с Оттоманской Портой и обстоятельствах ей предшествовавших. 14 апреля 1828 года // ПСЗРИ-2. – Т. 3. – СПб., 1830. – № 1948. – С. 387.
12. Договор, заключенный российским посланником Волынским с персидским министром Эхтимат Давлетом – О торговле российских купцов в Персии. 30 июля 1717 года // ПСЗРИ-1. – Т. 5. – СПб., 1830. – № 3097. – С. 500-503.
13. Жалованная грамота старшине Киргиз-кайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. – Т. 8. – СПб., 1830. – № 5704. – С. 386-387.
14. Именной, Высочайший Указ, данный Сенату – О разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 26 декабря 1897 года // ПСЗРИ-3. – Т. 17. – СПб., 1900. – № 14818. – С. 710.
15. Именной, данный Сенату – О поручении Правительствующему Сенату попечение о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства. 2 марта 1711 года // ПСЗРИ-1. – Т. 4. – СПб., 1830. – № 2330. – П. 9. – С. 643.
16. Именной, данный Сенату – О присоединении к Империи, занятой Нашими войсками территории туркмен Текинского рода и образовании из нея и земель Закаспийского Военного Отдела области Закаспийской с включением Оной в состав Кавказского Военного Округа. 6 мая 1881 года // ПСЗРИ-3. – Т. 1. – Отд. 1. – СПб., 1885. – № 142. – С. 66.

17. Именной, данный Сенату – Об порядке управления в Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. – Т. 51. – Отд. 1. – 1876 год. – СПб., 1878. – № 55593. – С. 139.
18. Именной, данный Сенату – Об управлении Грузией. 6 марта 1801 года // ПСЗРИ-1. – Т. 26. – СПб., 1830. – № 19770. – С. 566-567.
19. Именной, данный Сенату – Об учреждении Туркестанского Генерал-Губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской. 11 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. – Т. 42. – Отд. 1. – СПб., 1871. № 44831. – С. 1150-1151.
20. Именной, объявленный в приказе Военного Министра 14-го того же июля – Об учреждении Туркестанского Военного Округа. 13 июля 1867 года // ПСЗРИ-2. – Т. 42. – Отд. 1. – СПб., 1871. – № 44844. – С. 1156-1164.
21. Именной, объявленный в приказе по военному ведомству – Временное Положение об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 года // ПСЗРИ-2. – Т. 49. – Отд. 1. – СПб., 1876. – № 53233. – С. 333-338.
22. Именной, объявленный из Поместного приказа – О невзыскании таможенных пошлин с товаров, привезенных посланными в Персию от Государя. Б/д 1675 года // ПСЗРИ-1. – Т. 1. – СПб., 1830. – № 618. – С. 1029.
23. Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. – Т. 40. – Отд. 1. – СПб., 1867. – № 41792. – С. 184.
24. Именной, объявленный Сенату Товарищем Министра Юстиции – Об образовании Ферганской области. 19 февраля 1876 года // ПСЗРИ-2. – Т. 51. – Отд. 1. – 1876 год. – СПб., 1878. – № 55594. – С. 139-140.
25. Инструкция, данная из Государственной Коммерц-коллегии определенному в Испагань консулу Семену Аврамову. – С приложением Инструкции, данной вице-консулу Баскакову и верющей грамоты к шаху Персидскому. Декабря (б/д) 1720 года // ПСЗРИ-1. – Т. 6. – СПб., 1830. – № 3700. – С. 280-287.

26. Манифест – О вступлении российских войск в пределы Персии против похитителя власти в сем государстве Аги Магомед Хана. Марта (б/д) 1796 года // ПСЗРИ-1. – Т. 23. – СПб., 1830. – № 17451. – С. 876-878.
27. Манифест – О вступлении российских войск в пределы Турции. 12 апреля 1877 года // ПСЗРИ-2. – Т. 52. – Отд. 1. – СПб., 1879. – № 57155. – С. 371.
28. Манифест – О движении российских войск в Придунайские княжества. 14 июня 1853 года // ПСЗРИ-2. – Т. 28. – Отд. 1. – СПб., 1854. – № 27344. – С. 289-290.
29. Манифест – О заключении мира с Оттоманской Портой. 17 марта 1775 года // ПСЗРИ-1. – Т. 20. – СПб., 1830. – № 14274. – С. 80-82.
30. Манифест – О заключении мира с Персидским государством. 29 мая 1732 года // ПСЗРИ-1. – Т. 8. – СПб., 1830. – № 6077. – С. 841-842.
31. Манифест – О кондициях, постановленных в трактате между российским и персидским Дворами, в силу которых российские купцы могут в Персии торговать беспошлинно и пользоваться разными другими привилегиями. 23 ноября 1734 года // ПСЗРИ-1. – Т. 9. – СПб., 1830. – № 6648. – С. 431-432.
32. Манифест – О присоединении Грузинского царства к России. 18 января 1801 года // ПСЗРИ-1. – Т. 26. – СПб., 1830. – № 19721. – С. 502-503.
33. Манифест – Об усовершенствовании государственного порядка. 17 октября 1905 года // ПСЗРИ-3. – Т. 25. – Отд. 1. – СПб., 1908. – № 26803. С. 754.
34. Открытый указ, исходатайствованный у персидского шаха Аббаса II российскими великими послами – О невзимании во всем персидском государстве с купчин, целовальников, с торговых русских людей, и с товаров их, за подводы и за провоз пошлин; а также наемных денег за постоянное и полавочное; о непритеснении их взятками, о снабдении всем нужным и о препровождении повсюду с честью. Декабрь 1664 года // ПСЗРИ-1. – Т. 1. – СПб., 1830. – № 366. – С. 603.
35. Ратификация персидского шаха Гуссейна на статьи о торговле, заключенные российским посланником Волынским с Эхтимат-Девлетом

- 30 июня 1717 года. Декабря (б/д) 1720 года // ПСЗРИ-1. – Т. 6. – СПб., 1830. – № 3699. – С. 279-280.
36. Сборник документов по истории СССР (период империализма). – М., 1977. – 346 с.
 37. Сенатский – О встрече в Астрахани персидского посла и о сопровождении его до Москвы с надлежащей почестью; о невзимании пошлин с привезенных им шаховых товаров, и об осмотре, чтобы в числе прибывших с персидским послом не оказалось индейцев с товарами. 24 сентября 1711 года // ПСЗРИ-1. – Т. 4. – СПб., 1830. – № 2429. – С. 741.
 38. Сенатский – О дозволении персиянам провозить товары через Астрахань в другие государства с тем, чтобы сии товары подвергнуты были таможенному досмотру и взысканию надлежащих в казну пошлин. 13 июля 1744 года // ПСЗРИ-1. – Т. 12. – СПб., 1830. – № 8991. – С. 169–170.
 39. Сенатский – Подробные распоряжения в исполнение Высочайших пунктов, состоявших 2 марта 1711 года. 13 апреля 1711 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. – СПб., 1830. – № 2349. – С. 662-666.
 40. Сенатский, вследствие именного – О нестроении крепостей на Персидской границе. 28 февраля 1797 года // ПСЗРИ-1. – Т. 24. – СПб., 1830. – № 17854. – С. 505-506.
 41. Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империей Всероссийской и Оттоманской Портой в ставке Главнокомандующего, генерал-фельдмаршала, графа Румянцева, при деревне Кучук-Кайнарджи на правом берегу реки Дуная, через уполномоченных от него и от Верховного визиря в 10 день июля и ими обоими в 15 день того же июля утвержденный, а со стороны Его Султанова Величества подтвержденный и ратификованный в Константинополе в 13 день января 1775 года. 10 июля 1774 года // ПСЗРИ-1. – Т. 19. – СПб., 1830. – № 14164. – С. 957-967.
 42. Трактат между императором Петром I и шахом Тахмасибом, заключенный в Санкт-Петербурге российскими министрами и полномочным послом персидского шаха Исмаил беком – О уступке в

вечное Российской империи владение лежащих по Каспийскому морю провинций Гиляни, Мизендерана, Астрабата и городов Дербента и Баку со всеми принадлежащими к ним землями, за сделанное от России шаху против бунтовщиков вспоможение. 12 сентября 1723 года // ПСЗРИ-1. – Т. 7. – СПб., 1830. – № 4298. – С. 110-112.

43. Трактат между Россией и Персией – О восстановлении между обеими Державами дружественных отношений, об уступке персидскому шаху обратно бывших под российским владением провинций Лагеджанской, Ранахута, Гилянской, Астаринской и прочих от Астрабата по реку Куру; о возвращении других остающихся за Россией персидских владений, как скоро сие государство будет в совершенной независимости от неприятелей безопасности; о восстановлении взаимной торговли со всеми прежними правами и свободой; о удовлетворении за убытки, понесенные во время бунтов российскими купцами: о пребывании в резиденциях обоих государств министрам и для их охранения и распространения торговли в городах консулам и агентам; о прощении и личной безопасности всех персидских провинций жителям, в подданстве российском состоящим и о восстановлении по-прежнему Грузинского царя Вахтанга. – С приложением ратификации персидского шаха на сей трактат. 21 января 1732 года // ПСЗРИ-1. – Т. 8. – СПб., 1830. – № 5935. – С. 614-620.
44. Трактат, заключенный в Цареграде с турецким султаном Мустафой II посланниками Украинцовым и дьяком Черодеевым – О перемирии на 30 лет; о разорении поселенных у Днепра городков Тавани, Кизи-Керменя, Нусрета и Сачина, об уступке Азова России, и о оставлении земель от Перекопа до Азова в пусте; о нетребовании крымскому хану и татарам никаких подарков от России; о размене пленных и о свободном пропуске россиян на поклонение в Иерусалим, без платежа дани. 3 июля 1700 года // ПСЗРИ-1. – Т. 4. – СПб., 1830. – № 1804. – С. 66-72.

II. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

45. ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции МВД). ДП ОО. 1912. Д. 74. Ч. 115. Литера Б; 1914. Д. 32. Ч. 115. Литера Б; 1915. Д. 167. Ч. 84. Туркестанское генерал-губернаторство. Области. Донесения начальника Туркестанского Районного охранного отделения и заведующих розыскными пунктами в г. Асхабаде и Верном; 1915. Д. 365.

Российский государственный исторический архив (РГИА, г. С-Петербург)

46. РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 22. Д. 221 – Отчеты и рапорты Командующего войсками Туркестанского военного округа и Военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы (Отчет генерал-лейтенанта Королькова) (1899).
47. РГИА. Ф. 565 (Департамент Государственного казначейства). Оп. 7. Д. 290 84 – Дело об устройстве Судебной части в Туркестанском крае и Степных областях.
48. РГИА. Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 8. Д. 612 – Об устройстве духовных дел магометан Туркестанского края; Оп. 133. Д. 469 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма (1910-1912 годы); Оп. 133. Д. 470 – О панисламистской пропаганде (1912-1914); Оп. 133. Д. 471 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма в России (1913-1917); Оп. 133. Д. 472 – О пропаганде панисламизма. Л. 177.
49. РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 194. Д. 24 – Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора (секретно) от 22 февраля 1917 года.
50. РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 530. Д. 863 – Наряд донесений о привлечении за революционную деятельность,

распространение революционных изданий по Ташкентской судебной палате (1913).

Российский государственный военно-исторический архив

(РГВИА, г. Москва)

51. РГВИА. Ф. 76 (Косаговский В.А.). Оп. 1. Д. 312 – Копия рапорта начальника Асхабадского уезда Куколь-Яснопольского о дознании по поводу демонстрации, бывшей 4-го июля в гор. Асхабаде и о раскрытии революционного кружка (1905).
52. РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб. Азиатская часть). Оп. 1. Д. 2330 – По поводу полученных сведений о рассылке Афганским Эмиром прокламаций, призывающих к священной войне (газават); Оп. 1. Д. 2524 – По вопросу о надзоре за деятельностью мусульманских религиозных учреждений в Стамбуле; Оп. 1. Д. 3954; Оп. 1. Д. 4457 – О движении организованных немецкими агитаторами персидских вооруженных шаек и об агитации немцев и турок в Афганистане; Оп. 1. Д. 4793 – Политический очерк Восточного Туркестана.
53. РГВИА. Ф. ВУА (Военно-ученый архив). – 445 (Афганистан) – Оп. 1. Д. 16 – Отчет о поездке начальника штаба войск Сыр-дарьинской области по Бухарским и Афганским владениям (1879 г.); Оп. 1. Д. 35 – О сочинении афганского муллы Мухаммед Азим-хана «О священной войне (джихад)»; 447 (Китай) – Оп. 1. Д. 235 – Краткое извлечение из описания Кашгарии, или Алтышаара, составленного поручиком Валихановым (1857).

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва)

54. АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1212 – Всеподданнейшие отчеты военных губернаторов Туркестанского края (1889-1899). – Л. 78.
55. АВПРИ. ф. 144, оп. 488/1, д. 4518. – Куропаткин А.Н. Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения Высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения.

Архив Государственного Исторического музея (АГИМ, г. Москва)

56. АГИМ. Ф. 307 (Гродеков Н.И.). Оп. 1. Д. 19 – Рапорты, копии, переписка и др. – Л. 41.

Архив С-Петербургского филиала ИВ РАН (АСПб. ФИВ РАН)

57. Архив СПб. ФИВ РАН. Ф. 33 (Кун А.Л.). Оп. 1. Д. 186 – Воззвание некоего Мухаммеда к священной войне с неверными.
58. Архив СПб. ФИВ РАН. Ф. 115 (Снесарев А.Е.). Оп. 1. Д. 160 – Сведения по Афганистану, Персии, Китаю.
59. Архив СПб. ФИВ РАН. Разряд II – Тюркские народы.

Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки

(Отдел рукописей РНБ, г. С-Петербург)

60. Отдел рукописей РНБ (СПб.). Ф. 244 (Архив Делянова И.Д.). Оп. 1. Д. 39 – Всеподданнейший секретный отчет об экономическом, политическом и территориальном положении Закаспийской области в 1893 году.

Центральный государственный архив Казахстана (ЦГА Каз., г. Алматы)

61. ЦГА Каз. Ф. 41 (Верненское уездное правление Семиреченской области). Оп. 1. Д. 98 – Дело о розыскании турецкоподданного М. Амина, обвиняемого в распространении исламизма.
62. ЦГА Каз. Ф. 44 (Семиреченское областное правление). Оп. 1. Д. 13572 – По делу еврея Мовша Арона Смильги, задержанного по подозрению в шпионаже в пользу Германии. (1912-13); Оп. 1. Д. 13748 – Всеподданнейший отчет начальника Закаспийской области за 1912 год; Оп. 1. Д. 15799 – О движении среди мусульман и их интересе, проявляемом к болгаро-турецкой войне; Оп. 1. Д. 16680 – По сношению Штаба ТуркВО о муллах, имеющих паспорта персидские и турецкие; Оп. 1. Д. 20752 – Дело о новометодных школах в Семиреченской области.
63. ЦГА Каз. Ф. 73 (Заведующий розыскным пунктом в г. Верном Семиреченской области). Оп. 1. Д. 13 «б» – Список бухарскоподданных евреев, незаконно пробравшихся в г. Туркестан.

Центральный государственный архив Узбекистана

(ЦГА Узб., г. Ташкент)

64. ЦГА Узб. Ф. 1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Оп. 27. Д. 6; Оп. 31. Д. 132 – О высылке за границу турецкоподданного Магомет-Шерифа Абыльхасанова за распространение воззваний об откровениях пророка Магомета; Оп. 31. Д. 841 – С переводами статей из мусульманских газет; Оп. 31. Д. 979 – Со сведениями о настроении умов местного населения.
65. ЦГА Узб. Ф. 17 (Сырдарьинское областное правление). Оп. 1. Д. 21018 – О выдаче менониту Иоганну Зуккау свидетельства на продажу книг Священного Писания; Оп. 1. Д. 31121 – Циркуляры полиции о розыске разных лиц.
66. ЦГА Узб. Ф. 18 (Самаркандское областное правление). Оп. 1. Д. 3865 – С перепиской о Евгении Майер, распространяющей христианскую веру среди мусульман.
67. ЦГА Узб. Ф. 19 (Ферганское областное правление). Оп. 1. Д. 1487 – О слухах из соседних владений; Оп. 1. Д. 9113.
68. ЦГА Узб. Ф. Р-2287 (Савицкий Анатолий Петрович). Оп. 1. Д. 15 – К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии; Оп. 1. Д. 89 – Панисламистское движение в Средней Азии; Оп. 1. Д. 94 – Мюридизм в Средней Азии на службе иностранных хищников;
69. ЦГА Узб. Ф. 461 (Туркестанское Районное охранное отделение). Оп. 1. Д. 1487 – Дело о взаимоотношениях местного населения с немцами и китайцами, проживающими в Туркестанском крае и военном шпионаже. (1914 г.).

Центральный государственный архив Туркменистана

(ЦГА Туркм., г. Ашхабад)

70. ЦГА Туркм. Ф. 1 (Канцелярия начальника Закаспийской области). Оп. 2. Д. 2681 – О рассмотрении проекта персидской мечети и школы в Асхабаде; Оп. 2. Д. 2743 – Сведения о числе мусульман шиитского толка в Закаспийской области; Оп. 2. Д. 2765 – По прошению мусульман-шиитов г. Теджена о разрешении им построить молитвенный дом; Оп. 2.

Д. 62 – По поводу проезда из Герата в Закаспийскую область фанатика Гуль-Падишаха; Оп. 2. Д. 7150 – По прошению общества бабидов о разрешении открыть начальную школу для обучения детей русскому, персидскому и арабскому языкам; Оп. 2. Д. 8499 – О разрешении обществу бабистов поставить на базаре в известных лавках 12 кружек для сбора пожертвований.

Центральный государственный архив Кыргызстана

(ЦГА Кырг., г. Бишкек)

71. ЦГА Кырг. Ф. 2 (Ошское уездное правление Ферганской области). Оп. 1. Д. 16 – Служебные предписания Министерства внутренних дел; Оп. 2. Д. 15 – Переписка по розыску разных лиц.
72. ЦГА Кырг. Ф. 20 (Узгенский участковый пристав). Оп. 1. Д. 2 – Директивные указания по розыску разных преступников.
73. ЦГА Кырг. Ф. 148 (Начальник Атбашинского участка, Пржевальского уезда, Семиреченской области). Оп. 1. Д. 1. Переписка Начальника Атбашинского участка об аресте пропагандистов объединения мусульман.
74. ЦГА Кырг. Ф. 154 (Ошский уездный начальник). Оп. 1. Д. 1 – Секретные бумаги к сведению.

III. Опубликованные источники и исторические документы

75. Афганское разграничение: Переговоры между Россией и Великобританией. 1872-1885. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886. – 489 с.
76. Венюков, М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них / М. Венюков. – СПб., 1868. – 528 с.
77. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док-тов. – М., 1960. – 786 с.
78. Громбчевский, Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 году / Б.Л. Громбчевский. – Нов. Маргилан, 1886. – 249 с.

79. Данибегов Р. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова / Р. Данибегов. – М., 1815. – 56 с.
80. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1997. – 460 с.
81. Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793-1794 годах / Изд. В.В. Григорьевым. – СПб., 1858. – 32 с.
82. Корнилов, Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического обозрения / Л.Г. Корнилов. – Ташкент, 1903. – 445 с.
83. Петровский, Н.Ф. Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского. 1885 год // Сборник материалов по Азии / Н.Ф. Петровский. – Вып. XXII. – СПб., 1886. – 512 с.
84. Россия и Туркмения в XIX в. Т. 1. К вхождению Туркмении в состав России: Сборник док-тов. – Ашхабад, 1946. – 328 с.
85. Россия. Договоры: Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. – Т. IV. – СПб., 1896. – 1303 с.
86. Русско-индийские отношения в XIX в.: Сб. архив. док-тов и мат-лов. – М., 1997. – 374 с.
87. Соглашения между Россией и Китаем о проведении и исправлении границ и о пограничных делах. – СПб., 1913. – 4277 с.
88. Шебунин А.Ф. Куфический Коран Императорской С-Петербургской публичной библиотеки / А.Ф. Шебунин. – СПб., 1891. – 65 с.

IV. Мемуарная литература

89. Абаза, К.К. Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении / К.К. Абаза. – СПб., 1902.
90. Автобиография Абдуррахман-хана, эмира афганского: В 2 т. – СПб., 1901.

91. Белью, Г.У. Кашмир и Кашгар: Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г. / Г.У. Белью. – СПб., 1877. – 309 с.
92. Бернс А. Кабул: Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах / А. Бернс. – Ч. 1–2. – М., 1847. – 483 с.
93. Вамбери, Арминий. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнаруженным и необнаруженным рукописным источникам: В 2 т. / Арминий Вамбери / Пер. А.И. Павловского. – СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1873. – Т. 1. – 274 с.; Т. 2. – 226 с.
94. Вамбери, Арминий. Путешествие по Средней Азии / Арминий Вамбери. – 2-е изд. – М., 1874. – 383 с.
95. Вамбери, Арминий. Путешествие по Средней Азии: Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году / Арминий Вамбери. – СПб., 1865. – 154 с.
96. Головнина, Ю.Д. На Памирах: Записки русской путешественницы / Ю.Д. Головнина. – М., 1902. – 243 с.
97. Ефремов, Ф. Десятилетнее странствование / Ф. Ефремов. – М., 1950. – 78 с.
98. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Ибн Хордадбех / Пер. с араб. – Баку, 1986. – 240 с.
99. Милютин, Д.А. Дневник. 1878-1880 / Д.А.Милютин. – Т. 3. – М., 1950. – 323 с.
100. Назаров, Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии / Ф. Назаров. – М.: Наука, 1968. – 98 с.
101. Сборник статей, относящихся до среднеазиатских ханств и киргизской степи: В 6 т. / Сост. И.С. Идаров. – Т. 1 [Семиречье] // Туркестанский сборник: В 416 т. / Сост. В.И. Межов. – Ташкент, 1867–1887.
102. Середонин, С.М. Исторический очерк завоевания Азиатской России // Азиатская Россия. – Т. 1. Люди и порядки за Уралом / Изд-е

Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия / С.М. Середонин. – СПб., 1914. – С. 1-38.

103. Станкевич, Б.В. По Памиру (Путевые заметки) / Б.В. Станкевич. – СПб., 1904. – 138 с.
104. Туркестанский край: Сб. ст. – М., 1872. – 318 с.

V. Специальная литература

105. Агрономов, А. Мухаммеданское учение о войне с неверными (джигад) / А. Агрономов. – Казань, 1877. – 228 с.
106. Алексей (Дородницын). Воинствующий ислам / Алексей Дородницын. – М., 1914. – 978 с.
107. Алексей (епископ). Современное движение в среде русских мусульман / Алексей. – Казань, 1910. – 534 с.
108. Аль-Мансури, И. Мусульманские обряды и праздники / И. Аль-Мансури. – М.: Ленорм, 1998. – 63 с.
109. Ахмеджанов, А. Советская историография присоединения Средней Азии к России / А. Ахмеджанов. – Ташкент: ФАН, 1989. – 155 с.
110. Ахмедов, А. Социальная доктрина ислама / А. Ахмедов. – М.: Политиздат, 1982. – 270 с.
111. Багин, С. О пропаганде ислама путем печати / С. Багин. – Казань, 1909. – 248 с.
112. Бартольд, В.В. Сочинения. Том 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / В.В. Бартольд. Соч. – Т. 5. – М.: Наука, 1968. – 759 с.
113. Бартольд, В.В. Том 9. Работы по истории востоковедения / В.В. Бартольд. – М.: наука, 1962. – С. 962 с.
114. Белоглазов, А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии / А.В. Белоглазов. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 294 с.
115. Бородин, Г. Правитель Алтышаара / Г. Бородин // Мат-лы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – 477 с.

116. Букейханов, А., Дулатов, М., Байтурсынов, А., Рыскулов, Т. Казахи о русских до 1917 года / А. Букейханов, М. Дулатов, А. Байтурсынов, Т. Рыскулов. – Лондон: Оксфорд, 1985. – 93 с.
117. Венюков, М. Россия и Восток: Собрание географических и политических статей / М. Венюков. – СПб., 1877. – 297 с.
118. Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков Патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия / митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. – М., 2002. – 348 с.
119. Галузо, П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года) / П.Г. Галузо. – М.: Изд. Коммунист. ун-та трудящихся Востока, 1929. – 162 с.
120. Гаспринский, (Гаспралы) Исмаил бей. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский. – Симферополь, 1881. – 45 с.
121. Гафуров, Б. Исторические связи Средней Азии со странами арабского Востока / Б. Гафуров // Избранные труды. – М., 1985. – 552 с.
122. Григорьев, В.В. Россия и Восток: Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии / В.В. Григорьев. – СПб., 1876. – 512 с.
123. Григорьев, В.В. Русская политика в отношении Средней Азии: Исторический очерк / В.В. Григорьев. – СПб., 1876. – 575 с.
124. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай: В 3 т. – Т. 1. Вдоль Восточного Тянь-Шаня / Г.Е. Грум-Гржимайло. – СПб., 1896. – 547 с.
125. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. – СПб., 2003. – 575 с.
126. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилев. – М., 2006. – 508 с.
127. Гумилев, Л.Н. Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна» / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2002. – 462 с.

128. Гуру, Пьер. Азия / П. Гуру / Пер. с франц. Н.М. Макаровой и А.Б. Шмелева. – М., 1956. – 466 с.
129. Д'Анкосс, Э.К. Николай II: Расстрелянная преемственность / Э.К. Д'Анкосс / Пер. с фр. – М., 2006. – 445 с.
130. Давлетов Дж., Ильясов, А. Присоединение Туркмении к России / Дж. Давлетов, А. Ильясов. – Ашхабад, 1972. – 254 с.
131. Джамгерчинов, Б. Очерки политической истории Киргизии в XIX в. / Б. Джамгерчинов. – Фрунзе, 1966. – 431 с.
132. Еремеев, Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления / Д.Е. Еремеев. – М., 1990. – 288 с.
133. Зарринкуб, А.Х. Исламская цивилизация / А.Х. Зарринкуб. – М., 2004. – 237 с.
134. Зенков, П. Туркестанская железная дорога в связи с другими экономическими вопросами края / П. Зенков. – М., 1881. – 24 с.
135. Иванов, А. Несколько сведений о Кашгаре и о последнем восстании против китайцев (Рассказ Ислама-хаджи) / А. Иванов // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. II. – 1873. – С. 151–157.
136. Игнатъев, Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта, полковника Н. Игнатъева / Н.П. Игнатъев. – СПб., 1897. – 278 с.
137. Иманалиев, К. Кыргызстан: национальный путь (в поисках самоидентификации): Адагы. Кодекс чести. Идеологема кыргызов / К. Иманалиев. – Бишкек, 2009. – 191 с.
138. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Доклад № 10 / Гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам; ИВ РАН. – М., 2013. – 65 с.
139. Исиев, А.Д. Уйгурское государство Йэйтишар (1864-1877) / А.Д. Исиев. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981. – 92 с.
140. «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е гг. – первая половина 80-х гг.). – М., 1987. – 189 с.

141. Казанцев, А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. – М., 2008. – 241 с.
142. Калинина, Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата / Т.М. Калинина / Пер. с араб. – М., 1988. – 184 с.
143. Карабыйик, О. Религия ислам / О. Карабыйик. – Стамбул, 2004. – 320 с.
144. Карамзин, Н.М. Об истории государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1990. – 384 с.
145. Каримов, И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса / И.А. Каримов. – Ташкент, 1997. – 315 с.
146. Киняпина, Н.С. Дипломаты и военные. Генерал Д. А. Милютин и присоединение Средней Азии / Н.С. Киняпина // Российская дипломатия в портретах. – М., 1992. – С. 221–238.
147. Клинцов, А.А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии / А.А. Клинцов. – М.-Бишкек, 2009. – 250 с.
148. Книга Марко Поло. – М., 1955. – 376 с.
149. Князев, А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии / А.А. Князев. – Бишкек: КРСУ, 2001. – 212 с.
150. Ковалевский, А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / А.П. Ковалевский / Пер. с араб. – Харьков, 1956. – 345 с.
151. Коновалов, В.Н. Экономика и политика / В.Н. Коновалов. – Ростов-на/Д., 1995. – 208 с.
152. Корчагин, А.Ф. Историческая судьба несторианства в Персии и Средней Азии / А.Ф. Корчагин. ПТКЛА. – 1898. Год 3-й.
153. Костюченко, В.С. Вивекананда / В.С. Костюченко. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.
154. Крачковский, И.Ю. Арабская географическая литература / И.Ю. Крачковский // Избр. соч. – Т. 4. – М.–Л., 1957. – 965 с.

155. Крюгер, Р. Китай: История страны / Р. Крюгер. – М.-СПб., 2008. – 549 с.
156. Куропаткин, А.Н. Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля / А.Н. Куропаткин. – СПб., 1879. – 443 с.
157. Куропаткин, А.Н. Поступательное движение русских в Среднюю Азию. Причины, вызвавшие это движение / А.Н. Куропаткин // Терехов А.А. Статистический очерк Афганистана. – СПб., 1887. – 133 с.
158. Куропаткин, А.Н. Россия для русских. Задачи русской армии. – Т. 2. Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой / А.Н. Куропаткин. – СПб., 1910. – 526 с.
159. Куропаткин, А.Н. Русско-китайский вопрос / А.Н. Куропаткин. – СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. – 224 с.
160. Ланда, Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги / Р.Г. Ланда. – М., 2005. – 286 с.
161. Литвинов, В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха Нового времени) / В.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – 311 с.
162. Литвинов, В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам) / В.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2016. – 502 с.
163. Литвинов, В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени) / В.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – 377 с.
164. Литвинов, Вяч.П. Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам) / Вяч.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – 308 с.
165. Литвинов, П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – 537 с.

166. Литвинов, П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX в. // П.П. Литвинов. – Фрунзе: Наука, 1989. – 125 с.
167. Литвинов, П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (по архивным материалам) // П.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГПИ, 1998. – 320 с.
168. Литвинов, П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) // П.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГПИ, 1996. – 226 с.
169. Литвинов, П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 539 с.
170. Литвинский, Б.А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б.А. Литвинский. – М., 1972. – 274 с.
171. Логофет, Д.Н. Завоевание Средней Азии / Д.Н. Логофет. – М.: Издательство «Лань», 2013. – 40 с.
172. Лыкошин, Н.С. «Хороший тон» на Востоке: К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края / Н.С. Лыкошин. – СПб., 1915. – 116 с.
173. Льюис, Р. Османская Турция: Быт, религия, культура / Р. Льюис / Пер. с англ. – М., 2004. – 240 с.
174. Маанаев, Э. Памирские киргизы (историко-этнографический очерк) / Э. Маанаев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Фрунзе, 1963. – 24 с.
175. Маанаев, Э., Плоских, В. На «Крыше мира» (Исторические очерки о памиро-алайских киргизах) / Э. Маанаев, В. Плоских. – Фрунзе, 1983. – 144 с.
176. Макарий, (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. – Кн. 2. История Русской Церкви в период совершенной

- зависимости ее от Константинопольского патриарха (988-1240). – М., 1995; Кн. 3. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589). – Отд. 1. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы или в период монгольский (1240-1448). – М., 1995; Кн. 4. Ч. 1. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589). – Отд. 2. Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589) / Макарий (Булгаков). – М., 1996. – 440 с.
177. Малащенко, А.В. Ислам для России / А.В. Малащенко. – М., 2007. – 192 с.
 178. Маркс, К. Вопрос о войне. – Финансовые дела. – Забастовки // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 9. – М., 1957. – 701 с.
 179. Маркс, К. Восточная война / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. – Т. 10. – М., 1958. – 771.
 180. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 1. – М., 1955. – 696 с.
 181. Маркс – Энгельсу в Литлгемптон. 24 сентября 1878 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 34. – М., 1964. – 555 с.
 182. Мартенс, Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии / Ф.Ф. Мартенс. – СПб., 1880. – 99 с.
 183. Масов, Р.М. История топорного разделения / Р.М. Масов. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 189 с.
 184. Масов, Р.М. Таджики: история с грифом «совершенно секретно» / Р.М. Масов. – Душанбе, 2014. – 212 с.
 185. Масов, Р.М. Таджики: вытеснение и ассимиляция / Р.М. Масов. – Душанбе, 2003. – 175 с.
 186. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент, 1955. – 587 с.

187. Машанов, М. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. / М. Машанов. – Казань: Типо-лит. И.С. Перова, 1910. – 132 с.
188. Миропиев, М.А. О положении русских инородцев / М.А. Миропиев. – СПб., 1901. – 522 с.
189. Наливкин, В.П. Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин. – Ташкент, 1913. – 144 с.
190. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения туземного населения Ферганы / В. Наливкин, М. Наливкина. – Казань, 1886. – 245 с.
191. Народы Средней Азии и Казахстана. – Т. 1 / Под ред. С.П. Толстова. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 768 с.
192. Нефедов, С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока / С.А. Нефедов. – М.: Территория будущего, 2008. – 753 с.
193. Нотович, Н.А. Где дорога на Индию? / Н.А. Нотович. – М.: Техник, 1869. – 84 с.
194. Олимова, С.К. Образ Китая в Таджикистане / С.К. Олимова // Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества. – Алматы: Изд-во Каз. ин-та стратег. исслед. при Президенте РК, 2008. – С. 212–225.
195. Олкотт, М.Б. Второй шанс Центральной Азии / М.Б. Олкотт. – М.– Вашингтон, 2005. – 505 с.
196. Остроумов, Н.П. Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством / Н.П. Остроумов. – СПб., 1888. – 55 с.
197. Остроумов, Н.П. Коран и прогресс / Н.П. Остроумов. – Ташкент, 1901. – 248 с.
198. Остроумов, Н.П. Современное правовое положение мусульманской женщины / Н.П. Остроумов. – Казань, 1911. – 265 с.
199. Очерки истории Китая. – Пекин, 1958. – 518 с.

200. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. – М., 1955. – 960 с.
201. Пантусов, Н. Город Алмалык и Мазар Туглук-Тимур-хана / Н. Пантусов // Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. – М., 1910. – С. 161-188.
202. Плоских, В.М. Киргизы и Кокандское ханство: Собр. науч. трудов / В.М. Плоских. – Т. 2. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 544 с.
203. Постников, А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке: Монография в документах / А.В. Постников. – М., 2001. – 426 с.
204. Революция 1905-1907 годов в России. – М., 1975. – 432 с.
205. Риттер, К. Землеведение Азии: География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан/ К. Риттер. / Пер. В. В. Григорьева. – Вып. 2. – СПб., 1869. – 542 с.
206. Родионов, М.А. Ислам классический / М.А. Родионов. – СПб., 2001. – 256 с.
207. Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе, 1998. – 156 с.
208. Халфин, Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.) / Н.А. Халфин. – М.: Наука, 1974. – 404 с.
209. Русско-китайские отношения. 1689–1916. – М., 1958. – 142 с.
210. Сафаров, Г. Колониальная революция (опыт Туркестана) / Г. Сафаров. – М., 1921. – 147 с.
211. Северцов, Н.А. Месяц плена у кокандцев / Н.А. Северцов. – СПб., 1860. – 98 с.
212. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого / В.Я. Сидихменов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, Ред. вост. лит., 1978. – 380 с.

213. Силантьев, Р. Новейшая история ислама в России / Р. Силантьев. – М., 2007. – 576 с.
214. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. – Урумчи, 2006. – 417 с.
215. Скопин, В.Н. Средняя Азия и Индия / В.Н. Скопин. – М., 1904. – 246 с.
216. Смирнов, Н.А. Современный ислам / Н.А. Смирнов. – М., 1930. – 226 с.
217. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века / Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин. – Алма-Ата: Наука, 1981. – 243 с.
218. Терентьев, М.А. История завоевания Средней Азии / М.А. Терентьев. – Т. 1–3. – СПб., 1906. – 510 с.
219. Терентьев, М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки / М.А. Терентьев. – СПб.: Типограф. П.П. Меркульева, 1876. – 264 с.
220. Терентьев, М.А. Россия и Англия в Средней Азии / М.А. Терентьев.. – СПб.: Типограф. П.П. Меркульева, 1875. – 361 с.
221. Тихонравов, Ю.В. Судебное религиоведение / Ю.В. Тихонравов. – М., 1998. – 272 с.
222. Токарев, С.А. Религия в истории народов мира / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1976. – 575 с.
223. Усенбаев, К. Восстание 1916 года в Киргизии / К. Усенбаев. – Фрунзе, 1967. – 328 с.
224. Усенбаев, К. Присоединение Южной Киргизии к России К. Усенбаев. – Фрунзе, 1960. – 191 с.
225. Ушаков, В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы / В.Н. Ушаков. – М.-Бишкек, 2005. – 206 с.
226. Фесенко, И.О. Г.Ф. Генс и его взгляды на права и обязанности магометан-инородцев / И.О. Фесенко. – СПб., 1904. – 23 с.
227. Халфин, Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868) / Н.А. Халфин. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 272 с.
228. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.) / Н.А. Халфин. – М.: Наука, 1965. – 468 с.

229. Ханыков, Н. Описание Бухарского ханства / Н. Ханыков. – СПб., 1843. – 277 с.
230. Хаусхофер, К. О геополитике (Работы разных лет) / К. Хаусхофер. – М., 2001. – 426 с.
231. Центральная Азия в составе Российской империи. – М., 2008. – 464 с.
232. Череванский, В. Мир ислама в его пробуждении / В. Череванский. – Ч. 1–2. – СПб., 1901. – 328 с.
233. Шеманский, А.Д. Завоевание Средней Азии. – Разд. 3. Памирские походы 1891-1895 гг. и разграничение на Памирах/ А.Д. Шеманский // История русской армии и флота. – М., 1913. – 156 с.
234. Шоу, Р. Очерки верхней Татарии, Ярканда и Кашгара (прежней Китайской Татарии) / Р. Шоу. – СПб., 1872. – 344 с.
235. Энгельс, Ф. Продвижение России в Средней Азии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 12. – М., 1958. – 880 с.
236. Южаков, С.Н. Афганистан и сопредельные страны / С.Н. Южаков. – СПб., 1885. – 195 с.

VI. Статьи в научных сборниках, материалах конференций

237. Сапаралиев, Д.Б. Новые аспекты взаимоотношения мусульманских тюркоязычных государств Центральной Азии с XVIII до середины XIX вв. / Д.Б. Сапаралиев // Диалог цивилизаций: Информационный бюллетень научного направления «Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств». – Вып. III. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (по мат-лам Междунар. конф., посвящ. 2200-летию Кыргызской государственности). – Бишкек: Илим, 2003. – С. 135-137.
238. Абдуллаев, Р.М. Туркестан в 1917 году: формирование нового политического контекста / Р.М. Абдуллаев // Востоковедческие чтения

- памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 11 мая 2007 г.): Сб. мат-лов. – Ташкент, 2008. – С. 300-307.
239. Арапов Д.Ю. Россия и Средняя Азия в XVIII – начале XX вв. / Д.Ю. Арапов // Сборник Русского Исторического Общества. – № 5 (153). – М., 2002. – С. 8-10.
 240. Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже / Н.А. Аристов // Мат-лы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 170-181.
 241. Аристов, Н.А. О Кульдже / Н.А. Аристов // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. II. – СПб., 1873. – С. 202-221.
 242. Боотаев, У.Э. Присоединение Северного Кыргызстана к Российской империи / У.Э. Боотаев // Кыргызстан: история и современность: Сб. ст. – Бишкек, 2006. – С. 185-189.
 243. Боотаева, Б.Л. Завоевание Россией Кокандского ханства и присоединение Кыргызстана к Российской империи / Б.Л. Боотаева // Проблемы истории государства и культуры: Сб. ст. – Бишкек, 2004. – С. 138-146.
 244. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. / Ч.Ч. Валиханов. – Т. 1. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энц., 1984. – 432 с.
 245. Валиханов, Ч.Ч. Очерки Джунгарии / Ч.Ч. Валиханов // Избр. соч.: В 5 т. Т. 3. – Алма-Ата, 1885. – С. 325-357.
 246. Вахидов, Ш.Х. Домулло Икромча Муфти Бухори (1847-1925): Заметки о жизни и деятельности / Ш.Х. Вахидов // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. – Ташкент, 2010. – С. 216-332.
 247. Вызовы безопасности в Центральной Азии: Мат-лы междунар. конф. (Москва, ноябрь 2012 г.). – М., 2013. – 150 с.
 248. Галузо, П. Национально-освободительное движение в Средней Азии в эпоху завоевания русскими / П. Галузо // Революция в Средней Азии: Сб. мат-лов междунар. круглого стола. – Ташкент, 1931. – С. 82-117.

249. Горячева, В.Д. Великий Шелковый путь как ретранслятор религиозных учений и традиций / В.Д. Горячева // Диалог цивилизаций: Информационный бюллетень научного направления «Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств». – Вып. II. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (по мат-лам Междунар. конф., посвящ. 2200-летию Кыргызской государственности). – Бишкек: Илим, 2003. – С. 93-94.
250. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. мат-лов / Сост. Д. Ю. Арапов. – М., 2006. – 480 с.
251. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. мат-лов / Сост. Д.Ю. Арапов. – М., 2006. – 479 с.
252. Иноятова, Д.М. Школьное образование немцев Узбекистана (конец XIX – 20-е гг. XX века) / Д.М. Иноятова // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: Сб. мат-лов. – Ташкент, 2008. – С. 150-160.
253. Ислам в России: взгляд из регионов: Сб. ст. / Под ред. А.Вс. Малащенко. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 154 с.
254. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития: Сб. ст. – М., 1998. – 410 с.
255. Койчуев, Т.К. Самобытность народа в контексте развития общественной цивилизации / Т.К. Койчуев // Кыргызстан: история и современность: Сб. ст. – Бишкек, 2006. – С. 65-67.
256. Крумм, Р. Центральная Азия: стабильность любой ценой (аналитический отчет фонда им. Ф. Эберта) / Р. Крумм // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. ст. – Бишкек, 2006. – С. 449-494.
257. Кузнецова, Д.В. Исламский фактор во внешней политике КНР / Д.В. Кузнецова // 50 лет РУДН: Интернациональный опыт подготовки специалистов для СССР, России и зарубежных стран: Мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 50-

- летию РУДН (17-18 апреля 2009 г.). – М.: Изд-во РУДН, 2009. – С. 249-252.
258. Литвинов, Вяч.П. Государство и власть в Центральной Азии: история и современность / Вяч.П. Литвинов // Сб. науч. работ, посвящ. 10-летию исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 91-105.
259. Мадаева, Ш.О. Формирование религиозной идентичности традиционного общества Узбекистана: исторический аспект / Ш.О. Мадаева // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. – Ташкент, 2010. – С. 266-274.
260. Мамаиджанова, З. Этнокультурный взгляд на наследие таджиков / З. Мамаиджанова // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. статей. – Бишкек, 2006. – С. 247-273.
261. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России: Сб. ст. – Ташкент, 1969. – 158 с.
262. Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Мат-лы науч. конф. – Барнаул: Изд-во АлтайГУ, 2008. – 432 с.
263. Муртазин, М.Ф. Мусульманская умма России как составная часть исламской цивилизации / М.Ф. Муртазин // Мусульмане России накануне XXI века. – М., 1998. – С. 6-10.
264. Олимов, М., Олимова, С. Политический режим в современном Таджикистане / М. Олимов, С. Олимова // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри: Сб. ст. / Под ред. А. Малашенко и М. Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. – С. 186-187.
265. Революция в Средней Азии. Сб. статей. Т. 1-2. – Ташкент, 1928. – 206 с.
266. Савицкий, А.П. Некоторые данные об исламских учреждениях и политике царских властей в Туркестане / А.П. Савицкий // Труды

Среднеазиатского гос. университета им. В.И. Ленина. История Средней Азии и Узбекистана. – Вып. 78. – Ташкент, 1956. – С. 53-70.

267. Салиев, А.Л. Демократические принципы функционирования отношений между государством и религиозными организациями (Приветственное слово) / А.Л. Салиев // Надлежащее управление в светских государствах с мусульманским большинством населения. Мат-лы междунар. круглого стола (Бишкек, 15-16 ноября 2008 г.). – Бишкек, 2009. – С. 7-9.
268. Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? // Мат-лы междунар. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – 296 с.
269. Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. «круглого стола» (г. Алматы, 30 ноября 2007 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. – 296 с.
270. Тимонова, А.Ю., Бутенко, Н.А. О роли религии в современной геополитике / А.Ю. Тимонова, Н.А. Бутенко // Общество и цивилизация в XXI веке: тенденции и перспективы развития: Научно-исследовательские публикации. – Воронеж, 2014. – № 8-12. – С. 185-187.
271. Хвостов, В.М. Колониальная экспансия великих держав / В.М. Хвостов // История дипломатии: Сб. / Сост. А. Лактионов. – М., 2006. – 943 с.
272. Шамсиев, М. Из истории торгово-политических взаимоотношений Кокандского ханства с Россией в первой половине XIX века / М. Шамсиев // Россия – Узбекистан: история и современность. – Ч. VI. – М., 2009. – С. 55-65.
273. Шарипов, С. Политическая система Республики Таджикистан / С. Шарипов // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. ст. – Бишкек, 2006. – С. 273-302.
274. Шигабдинов, Р.Н. «Исламский социализм» в Туркестане: борьба идей и политика / Р.Н. Шигабдинов // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. – Ташкент, 2010. – С. 182-195.

275. Шигабдинов, Р.Н. Конфессиональная (исламская) школа в Узбекистане (1917-1929) / Р.Н. Шигабдинов // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова (Ташкент, 11 мая 2007 г.): Сб. мат-лов. – Ташкент, 2008. – С. 127-149.
276. Эргашев, Б.И. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии / Б.И. Эргашев // Вызовы безопасности в Центральной Азии (Мат-лы междунар. конф. Москва, ноябрь 2012 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – С. 96-98.
277. Эркинов, А.С. Поездка А. Н. Самойловича в Хивинское ханство в 1908 году и оценка им литературной среды / А.С. Эркинов // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова (Ташкент, 27 ноября 2008 г.): Сб. мат-лов. – Ташкент, 2010. – С. 116-126.

VII. Статьи в периодических изданиях

278. Абдулло, Р. Таджикистан: к вопросу о политических итогах десятилетия независимости / Р. Абдулло // Центральная Азия и Кавказ: Обществ.-полит. журн. – 2001. – № 6(18). – С. 102-109.
279. Аверьянов, Ю. Будда на земле Афганистана / Ю. Аверьянов // Наука и религия. – 2004. – №2. Февраль. – С. 20-23.
280. Акимбеков, С. Российская политика в Центральной Азии / С. Акимбеков // Pro et contra. – 2000. – Т. 5. – № 3.
281. Антонов, Г.А. Международный терроризм в контексте социальных и политических изменений / Г.А. Антонов // Диалог цивилизаций. – Бишкек: Илим, 2005. – № 1(6). – С. 81-86.
282. Богданович, Л.А. Признания эмира афганского / Л.А. Богданович // Исторический вестник. – 1901. – № 3. – С. 1128-1137.
283. Бунаков, Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. / Е.В. Бунаков // Советское востоковедение. – Вып. 2. – М.-Л., 1941. – С. 5-26.

284. Васильев, А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государства Якуб-бека / А.Д. Васильев // Восток. – 2007. – № 2. – С. 15-22.
285. Васильев, В.П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими / В.П. Васильев // Русский вестник. – 1872. – Май. – С. 130-191.
286. Венюков, М. О Памире и верховьях Аму-Дарьи / М. Венюков // Записки Русского Географического общества. – 1861. – Кн. 2. – С. 139-168.
287. Известия Императорского Русского Географического общества. – 1876. – Т. 12. — 887 с.
288. Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Диалог цивилизаций как альтернатива глобальной диктатуре / митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир // Диалог цивилизаций. – Бишкек, 2003. – Вып. 3. – С. 109-113.
289. Габдуллин, Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития / Э. Габдуллин // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 26-41.
290. Гафуров, Б. Об андижанском «восстании» 1898 года / Б. Гафуров // Вопросы истории. – 1953. – № 2. – С. 50-61.
291. Голос. – 1878. – № 13, 37, 50, 82.
292. Григорьев, В. О русских интересах в подвластных оседлых странах Средней Азии (Письмо к редактору «Москвы») / В. Григорьев // Москва: Газета политическая, экономическая и литературная. – 1867. – № 53. – 8 марта.
293. Грум-Гржимайло, Г.Е. Неизведанные страны Средней Азии / Г.Е. Грум-Гржимайло // Русский вестник. – 1893. – Кн. X. – С. 5-24.
294. Долотов, А.В. Веротерпимость среднеазиатских народов: прошлое и настоящее / А.В. Долотов // Вестник Кырг. нац. ун-та. – Сер. 1. – Вып. 4. – Бишкек, 2004. – С. 68-71.
295. Ефимов Г.В. К истории русско-китайского договора 1896 г. / Г.В. Ефимов // Советское востоковедение. – 1958. – № 2. – С. 23-39.
296. Туркестанские ведомости. – 1872. – № 14.

297. Туркестанские ведомости. – 1878. – № 7.
298. Иран-наме: Научный востоковедческий журнал. – Алматы, 2007. – № 1. – 118 с.
299. Искандаров, Б.И. Подготовка Англией бухарского плацдарма для интервенции в Советский Туркестан / Б.И. Искандаров // Исторические записки. – Вып. 36. – М., 1951. – С. 32-63.
300. Кадников, В.С. Из истории кульджинского вопроса / В.С. Кадников // Исторический вестник. – 1911. – Июнь. – 1152 с.
301. Каппелер, А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи / А. Каппелер // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 129-135.
302. Кляшторный С.Г., Мокрынин В.П., Плоских В.М. Раннее христианство и тюркский мир Центральной Азии / С.Г. Кляшторный, В.П. Мокрынин, В.М. Плоских // Труды Института мировой культуры. – Вып. 2. – Бишкек–Лейпциг, 2000. – С. 60-65.
303. Колокол. – 1912. – Январь.
304. Корреспонденция из Лондона. Внешняя политика Англии и среднеазиатский вопрос // Вестник Европы. – 1875. – № 2. – С. 855-873.
305. Ланда, Р.Г. Исламский фундаментализм / Р.Г. Ланда / Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 32-41.
306. Мир ислама. – 1912. – Т. 1. – № 2.
307. Мясников, В.С. Динамика современных международных отношений и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества / В.С. Мясников // Восток. – 2008. – № 3. Май–июнь. – С. 74-81.
308. Н-ов Я. Забытая окраина / Я. Н-ов // Новое время. – 1910. – № 12433. – 22 октября.
309. Неизбежна ли война? // Вестник Европы. – 1885. – Т. IV. – Кн. 8. – С. 863–872.
310. Новицкий, В.Ф. Из Индии в Фергану: Описание путешествия, совершенного в 1898 г. из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан / В.Ф.

- Новицкий // Записки Русского Географического общества. – СПб., 1903. – Т. XXXVIII. – № 1. – 297 с.
311. Новое время. – 1912. – № 13007. – 30 июня.
312. Халфин, Н.А. Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивные последствия / Н.А. Халфин // История СССР. – 1959. – № 2. – С. 196-199.
313. Пясковский, А.В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России / А.В. Пясковский // Вопросы истории. – 1959. – № 8. – С. 21-46.
314. Олимов, М., Олимова, С. Худжанд: между Ферганой и Таджикистаном / М. Олимов, С. Олимова // Вестник Евразии. – 1998. – № 1-2 (4-5). – С. 194-211.
315. Омаров Н.М. «Дипломатия Шелкового пути» и внешнеполитические приоритеты Кыргызской Республики на современном этапе / Н.М. Омаров // Диалог цивилизаций. Взаимодействие культур, народов и государств в зоне Великого Шелкового пути. – Бишкек: Илим, 2005. – № 1(6). – С. 105–120.
316. Остроумов, Н.П. Мир ислама. Его прошлое и современное положение: Лекция / Н.П. Остроумов. – Ташкент, 1912. – 119 с.
317. Очирова Т. Геополитическая концепция евразийства / Т. Очирова // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 47-55.
318. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет Действительного члена П.П. Семенова // Вестник Русского Географического Общества / Под ред. В. П. Безобразова. – СПб., 1858. – Ч. 23. – С. 1-24.
319. Потанин, Н.И. Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия / Н.И. Потанин // Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Т. XXXVIII. – Омск, 1916. – С. 191-258.
320. Преображенский, А.А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (Два посольства торгового человека Анисима

- Грибова) / А.А. Преображенский // Исторические записки. – Вып. 36. – М., 1951. – С. 269-286.
321. Россель, Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке / Ю. Россель // Вестник Европы. – 1878. – Т. XIII. – Кн. 6. – Июнь. – С. 578-610.
322. Руслан-Русланский. Почему России опасны афганские вожделения? / Руслан-Русланский // Колокол. – 1912. – 20 января.
323. Русский Туркестан. – 1901. – № 58. – 18 апреля.
324. Русское знамя. – 1912. – № 63. – 17 марта.
325. Савицкий, А.П. Из истории присоединения Средней Азии к России / А.П. Савицкий // Научные труды Ташкентского гос. университета им. В.И. Ленина. – Вып. 238. – Ташкент, 1964. – С. 114-133.
326. Свет. – 1885. – № 85. – 18 апреля.
327. Сергеев, Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд / Е.Ю. Сергеев // Российская история. – 2011. – № 5. – С. 3-15.
328. Соколов, А.Я. Присоединение Средней Азии к России и развитие русско-афганских торговых отношений / А.Я. Соколов // Научные труды Ташкентского гос. университета им. В.И. Ленина. – Вып. 229. – Сер.: Востоковедение. – Ташкент, 1964. – С. 191-214.
329. Бурнашев, Т.С. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году / Т.С. Бурнашев // Сибирский вестник. – СПб.: Изд-во Г. И. Спасского, 1818. – Ч. 4. – 36 с.
330. Субботин, А.П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках / А.П. Субботин // Вестник Европы. – 1885. – Т. VI. – Кн. II. – С. 443-447.
331. Сумароков, А.Ю. «Туркестанскому генерал-губернатору...» / А.Ю. Сумароков // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 11. – С. 78-88.
332. Таймасов С.У. Роль Оренбургской экспедиции в присоединении Башкирии к России (1730-е гг.) / С.У. Таймасов // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 144–149.

333. Тихонов, А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е годы / А.К. Тихонов // Отечественная история. – 2007. – № 3. – С. 60–65.
334. Тихонов, Д. Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека / Д. Тихонов // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XVI. – М., 1958. – С. 109-137.
335. Толипов, Ф. Некоторые теоретические аспекты центральноазиатской геополитики / Ф. Толипов // Центральная Азия и Кавказ: Общественно-политический журн. – 2001. – № 6(18). – С. 139-151.
336. Торнау, Н. К истории приобретений России в Азии / Н. Торнау // Журнал министерства народного просвещения. – 1914. – № 4. – СПб.: Сенатская тип. – С. 257-271.
337. Торопицын, И.В. «Чтоб на Аральском море город построить»: Подготовка начальником Оренбургской комиссии В. Н. Татищевым экспедиции в Среднюю Азию. 1738–1739 гг. / И.В. Торопицын // Исторический архив. – 2009. – № 6. – С. 189-201.
338. Триведи, Р. Нетрадиционные угрозы безопасности Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы / Р. Триведи // Comparative politics. – 2011. – № 4. – С. 109-123.
339. Туркестанские ведомости. – 1872. – № 14; 1878. – № 7; 1897. – № 36; 1899. – № 30.
340. Халфин, Н.А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50-80-е гг. XIX в.) / Н.А. Халфин // Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В.И. Ленина. История стран Востока. – Ташкент, 1957. – С. 29-46.
341. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России / С. Хантингтон // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 133-136.
342. Чвырь, Л. Таджикистан. Весна 1992 года (Комментарий этнографа к политическим событиям) / Л. Чвырь // Вестник Евразии. – 1995. – № 1. – С. 75-86.

VIII. Литература на иностранных языках

343. Addison J. Th. The Christian Approach to the Moslems. – New York, 1942. – 365 p.
344. Alder G.J. British India's Northern Frontier. 1865-1895: A study of imperial policy. – London, 1963. – 45 p.
345. Allworth E. Central Asia: A Century of Russian Rule / Ed. by E. Allworth. – New York– London: Columbia Univ. Press, 1967. – 552 p.
346. Bacon E.E. Central Asians Under Russian Rule: A Study of Cultural Change. Cornell University Press. – New York, 1966. – 273 p.
347. Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat of the Soviet Union. – London– Canberra, 1983. – 170 p.
348. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay C. Islam in the Soviet Union. – London, 1967. – 272 p.
349. Bonvalot G. Through the Heart of Asia Over the Pamir to India. – Vol. 1–2. – London, 1889. – 281 p.
350. Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. 1830–1902. – Oxford, 1970. – 531 p.
351. Cobbold R.P. Innermost Asia: Travel and Sport in the Pamirs. – London, 1900. – 457 p.
352. Colquhoun A.R. The P in China and British Policy. – London, 1900. – 67 p.
353. Curtis W.E. Turkestan: The Heart of Asia. – New York, 1911. – 426 p.
354. Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. – London, 1889. – 477 p.
355. Curzon G.N. The Pamirs and the Source of the Oxus. – London, 1898. – 83 p.
356. D'Encausse H.C. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. – London, 1988. – 267 p.
357. Deasy H.H.P. In Tibet and Chinese Turkestan: Being the Record of Three Years of Exploration. – London, 1901. – 462 p.

358. Edwardes M. *Playing the Great Game: A Victorian Cold War*. – London, 1975. – 167 p.
359. Fraser-Tytler K. *Afghanistan: A Study of Political Development in Central Asia*. – London-New York–Toronto, 1953. – 362 p.
360. Gladstone W.E. *Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan with Her Tracts*. – Leipzig, 1876. – 272 p.
361. Gosses F. *The Management of British Foreign Policy Before the First World War Especially During the Period 1880-1914*. – Leiden, 1948. – 172 p.
362. Gundry R.S. *China and Her Neighbors: France in Indo-China, Russia and China, India and Tibet*. – London, 1893. – 408 p.
363. Habberton W. *Anglo-Russian Relations Concerning Afghanistan. 1837-1907*. – Univ. of Illinois at Urbana, 1937. – 102 p.
364. Holdsworth M. *Turkestan in the Nineteenth Century*. – London, 1959.
365. Krausse A. *China in Decay*. – London, 1900. – 428 p.
366. Krausse A. *Russia in Asia: A Record and a Study. 1558-1899*. – London, 1900. – 455 p.
367. Lamb A. *Britain and Chinese in Central Asia: The Road to Lhasa. 1767-1905*. – London, 1960. – 388 p.
368. Lattimore O. *Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia*. – Boston, 1950. – 288 p.
369. Lee Chuen Nung. *The Political History of China. 1840-1928*. – Los Angeles, 1972. – 545 p.
370. Lee Luen Pek. *English and Chinese Official Documents*. – Changhai, 1905. – 50 p.
371. Lieven D. *Russian Rulers Under the Old Regime*. – New Haven and London, 1989. – 407 p.
372. Murray Ch.A., Earl of Dunmore. *The Pamirs: Being a Narrative of a Year's Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia / By the Earl of Dunmore*. – Vol. 1-2. – London, 1893. – 420 p.

373. Petersen A. The Ottoman Conquest of Arabia from 16th to the 18th Century // Bulletin of the Society for Arabian Studies. – 2008. – № 13. – P. 7-10.
374. Rawlinson H. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. – London, 1875. – 487 p.
375. Ronaldshaw E. On the Outskirts of Empire in Asia. – London, 1904. – 558 p.
376. Saray M. The Russian Conquest of Central Asia // Central Asian Survey: The Journal of the Society for Central Asian Studies. – 1982. – Vol. 1. – № 2-3. – P. 131–288.
377. Schuyler E. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja: In 2 vols. – London, 1876. – 466 p.
378. Shahrani Nazif Mohib M. The Kirgiz and Wakhi of Afghanistan: Adaptation to Closed Frontiers. – Seattle and London: Univ. of Washington Press, 1979. – 264 p.
379. Shirin Akiner. Islamic Peoples of the Soviet Union. – London, Boston, Melbourne and Henley, 1983. – 462 p.
380. Singhal D.P. India and Afghanistan: A Study in Diplomatic Relations. 1876-1907. – Melbourne, 1963. – 55 p.
381. Skrine C.P. Chinese Central Asia. – London, 1926. – 296 p.
382. Skrine F.G. and Ross E.D. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. – London, 1899. – 576 p.
383. Sokol E.D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1954. – 188 p.
384. Stein M.A. Ruins of Desert Cathay: Personal Narrative of Exploration in Central Asia and Westernmost China. – Vol. 1. – London, 1912. – 820 p.
385. Taylor R. Central Asia: Travels in Kashmere, Little Tibet and Central Asia. – New York, 1892. – 348 p.
386. The Cambridge Modern History. – Vol. XI. The Growth of Nationalities. – Cambridge, 1909; Vol. XII. The latest age. – Cambridge, 1910.

387. The Proceedings of the Pamir Boundary Commission // The Geographical journal. – 1899. – Vol. XIII. – № 1. January. – Pp. 401-452.